

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

С.С. Казаров

**ПРЕДШЕСТВЕННИКИ.
АНТИКОВЕДЫ ВАРШАВСКОГО (ДОНСКОГО)
УНИВЕРСИТЕТА
(1915–1931)**

Монография

Ростов-на-Дону – Таганрог
Издательство Южного федерального университета
2020

УДК [930.24+930.253]:378.4(470.61)``19``(035.3)

ББК 63.3(2)6-8я44

К14

Рецензент:

доктор исторических наук *А.К. Нефедкин*

Казаров, С.С.

К14 Предшественники. Антикovedы Варшавского (Донского) университета (1915–1931) : монография / С.С. Казаров ; Южный Федеральный университет. – Ростов-на-Дону ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2020. – 144 с.

ISBN 978-5-9275-3452-4

В книге рассматривается научная и педагогическая деятельность профессор-антиковедов Варшавского университета С.И. Вехова, А.Ф. Семёнова и А.М. Придика. Монография основана на широком архивном материале, который вводится в научный оборот впервые.

Для специалистов и широкого круга читателей, интересующихся историей исторической науки.

Публикуется в авторской редакции.

УДК [930.24+930.253]:378.4(470.61)``19``(035.3)

ББК 63.3(2)6-8я44

ISBN 978-5-9275-3452-4

© Южный федеральный университет, 2020

© Казаров С.С., 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
ГЛАВА I. Профессор Сергей Иванович Вехов (1857–1919)	8
ГЛАВА II. Профессор Александр Мартинович Придик (1864–1936)	60
Глава III. Профессор Анатолий Федорович Семенов (1861–после 1931 г.)	85
Вместо заключение	143

ВВЕДЕНИЕ

Любой исследователь, занимаясь какой-либо научной проблемой, в первую очередь ставит перед собой вопрос о том, кто до него ей занимался. Иначе говоря, кто были его предшественниками. Но в нашем случае выяснение этого вопроса связано с определенной проблемой: если о ближайших предшественниках ещё кто-то из ныне живущих может что-то рассказать, то об ушедших в 1930–1940-е годы, уже едва ли. Остаются только изданные или неизданные рукописи мемуаров и сухие строчки официальных документов.

Увы, мы имеем дело как раз именно с этим случаем. Время неумолимо! Едва ли сейчас мы найдем того, кто сам учился у профессоров-варшавян – слушал их лекции, работал на их семинарах....

Но, несмотря на это, вполне естественным может быть огромное желание узнать, кем они были, что и как они преподавали. А это вызывает необходимость обращения именно к архивным документам. И именно с их помощью отследить жизненный путь того или иного предшественника. Слово «отследить» использовано нами именно потому, что профессора Варшавского университета на разных этапах своей научной карьеры сменили не один ВУЗ, «оставляя» свои документы в канцеляриях или архивах того или иного покинутого ими учебного заведения. Москва, Санкт-Петербург, Киев, Нежин, Варшава, Ростов-на-Дону – вот те главные города, где протекала их преподавательская деятельность и где, естественно, в местных архивах отложились оставленные ими документы. Найти и изучить их – вот одна из наших главных задач. Поэтому поиск интересующих документов привел нас в архивы вышеназванных городов. Сбор и изучение интересующих документов занял не один год. Многие из них были введены в научный оборот впервые.

Но перед нами встала и ещё одна важная задача: отыскать и по возможности ввести в научный оборот давно забытые труды самих профессоров Варшавского университета, которые сегодня, к огромному сожалению, оказались незаслуженно забытыми.

Нас будет интересовать лишь один предмет, преподаваемый и исследуемый «варшавянами»: антиковедение или, как его раньше называли, - классическая древность.

Первоначально, в Варшавском Императорском университете существовало две кафедры древних языков: древнегреческой и древнеримской словесности. После переезда университета на Дон первое время подобное название сохранялось, но реально это была уже одна кафедра, которая была представлена четырьмя профессорами: древнегреческой словесности – Александром Мартиновичем Придиком и Анатолием Федоровичем Семеновым, и древнеримской словесности – Павлом Николаевичем Черняевым и Сергеем Ивановичем Веховым (последний одновременно являлся и ректором университета). Все они были прекрасными специалистами, достигшими в науке серьезных успехов. Каждый из них являлся сложившимся ученым, имевшим за плечами не один десяток лет педагогической и научной деятельности.

По большей части их научная и педагогическая деятельность протекала на периферии Российской империи – Царстве Польском. В силу этих причин их научное творчество на сегодняшний день остается практически неизвестным и потому – не востребованным. Введение в научный оборот их трудов позволило бы восполнить те лакуны, которые на сегодняшний день существуют в современной российской науке о классических древностях. Кстати, последняя задача, как это ни парадоксально, представляется не менее сложной: старая профессура, отличавшаяся скрупулезностью в исследовательской работе, была на удивление неаккуратна в учете собственных публикаций и составлении списков своих трудов.

Высказанное нами соображение так и останется нашим субъективным мнением, если оно не будет подтверждено соответствующими фактами. Поиск и изложение этих фактов и будет являться нашей главной задачей.

Представленная монография, по сути, представляет из себя «три портрета эпохи» на фоне политических событий в России конца XIX – начала 30-х годов XX века. За пределами нашего исследования осталась научная и педагогическая деятельность ещё одного представителя кафедры римской словесности – профессора Павла Николаевича Черняева (1863–1931), пожалуй, самого активного из своих коллег в плане научной деятельности. Ему

была посвящена кандидатская диссертация нашей ученицы Надежды Викторовны Титоренко, которая была успешно защищена и к которой мы отсылаем нашего читателя¹.

Мы далеки от мысли выставить себя неким пионером в обращении к данным сюжетам. Однако есть одна важная черта, которая отличает нашу работу от всех предшествующих: никто до нас даже не пытался дать хоть какой-либо историографический обзор трудов упомянутых ученых. И это, отчасти, понятно: для этого нужно было обладать соответствующей антиковедческой подготовкой. Этот пробел – отсутствие историографического обзора соответствующих трудов – мы и постарались восполнить.

Пытливый взгляд читателя не сможет также не заметить того, что главы монографии, посвященные отдельным ученым, отличаются по своему объему. Объяснение этому довольно простое: наличие или отсутствие соответствующего фактического материала.

Прежде, чем приступить к рассмотрению интересующих нас персонажей, необходимо сделать ещё одно предварительное замечание. В дореволюционной России наука, которую мы сегодня называем антиковедением, чаще всего именовалась «классическая древность», и изучалась как филологами-классиками, так и историками. Хотя и те, и другие изучали её по-разному, но объектами исследования в любом случае оставались проблемы Древней Греции и Древнего Рима. Не случайно в тот период существовали общие историко-филологические факультеты, где разделение на историю и филологию (особенно, если это касалось филологии классической) было весьма условным. С.И. Вехов, А.М. Придик, А.Ф. Семенов, строго говоря, были филологами-классиками, тем не менее, их труды относились и к классической филологии, и к древней истории. Естественно, у этих «предшественников» были свои «предшественники», но это уже совсем другая история...

Было бы крайне несправедливо не упомянуть тех, чьей помощью, советами и поддержкой я пользовался при работе над монографией. Прежде всего, это моя супруга д.и.н., профессор Казарова Нина Акоповна, которая не только поделилась со мной некоторыми своими материалами, но и была первым читателем моей рукописи.

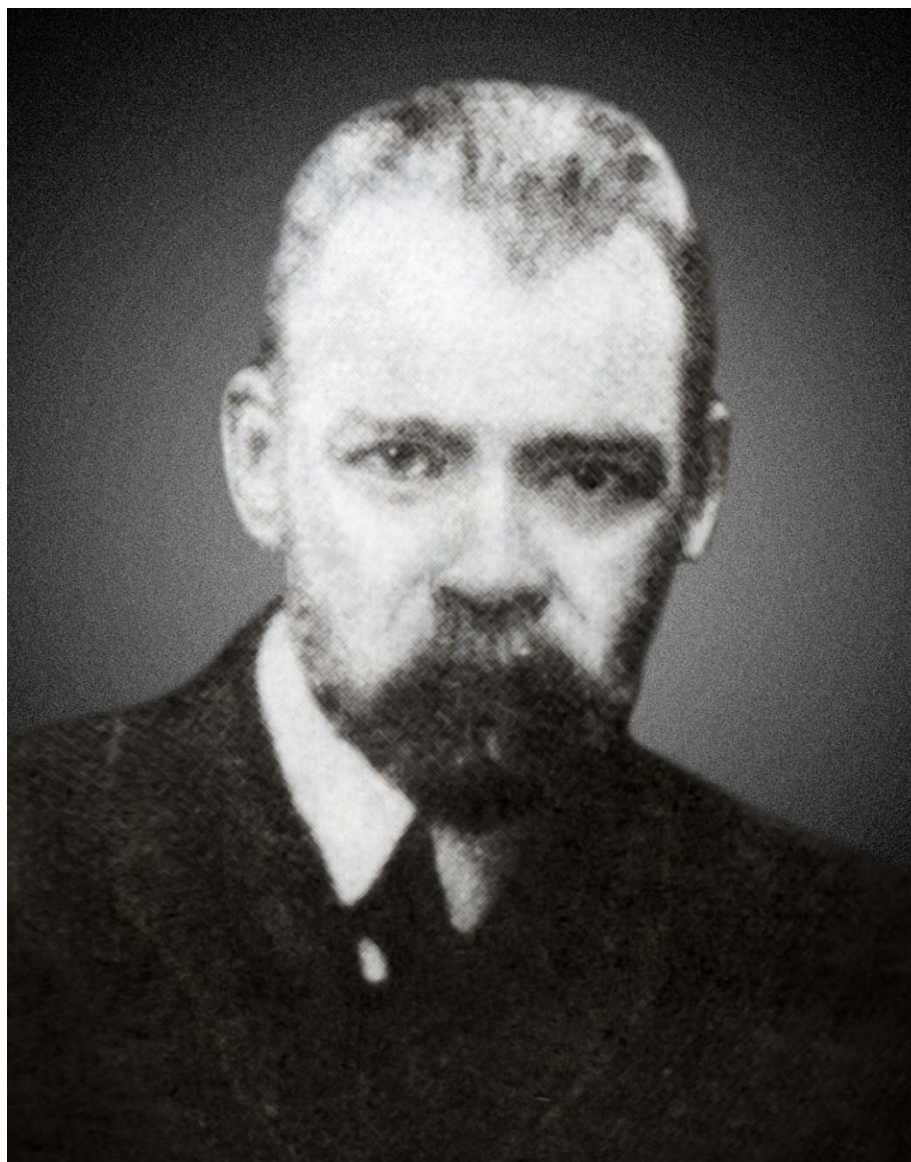
¹ См.: Титоренко Н.В. Научная и педагогическая деятельность профессора П.Н. Черняева. Дисс.канд.ист. наук. Ростов-на-Дону, 2019.

Это нынешний ректор Нежинского государственного университета им. Н. Гоголя Александр Григорьевич Самойленко (Украина), окруживший нас поистине трогательной заботой и вниманием во время поездки в г. Нежин для работы в местном городском архиве и университетской библиотеке.

С благодарностью должен назвать ещё одно имя: директор Института Европейской культуры им. А.Мицкевича в г.Гнезно при Университете г. Познани, профессор Лешек Мрозевич (Польша), чьей неизменной поддержкой я постоянно пользовался. Ему также слова моей самой искренней признательности.

ГЛАВА I.
ПРОФЕССОР СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ ВЕХОВ (1857–1919)

*«Если административная должность вообще является для профессора тормозом в его научных занятиях, то должность ректора как таковая прямо пресекает эти последние»
(П.Н. Черняев о С.И. Вехове)*

Фигура Сергея Ивановича Вехова по праву занимает ведущее место среди его коллег по кафедре древней словесности. Не только в силу своего общественного положения (как никак, ректор университета!), но и в силу

своего возраста – он был старше всех рассматриваемых ниже коллег. О С.И. Вехове, по сути, не написано ни одной работы, за исключением краткого очерка, содержащегося в неизданной рукописи коллеги Сергея Ивановича профессора П.Н. Черняева, посвященной кафедре римской словесности Варшавского университета², а также небольшой статьи Н.А. Решетовой³.

Сергей Иванович Вехов родился 3 июля 1857 г. в городке Рославль Смоленской губернии. Происходил из мещанского сословия. Окончил Смоленскую гимназию, а в 1880 г. – Московский университет по отделению классической филологии, где его учителями были Ф.Г. Корш (1843–1915), И.Д. Цветаев (1847–1913) и др. профессора, о которых он сохранил самые добрые воспоминания. По окончании высшего учебного заведения был оставлен при университете на два года для «приготовления к профессорскому званию». Свою трудовую карьеру он начал в 1880 г. в должности помощника библиотекаря Московского университета. В 1882 г. Сергей Иванович был переведен в Варшавский Императорский университет на должность доцента на кафедру римской словесности, которую сочетал с преподаванием в I-й Варшавской мужской гимназии. С этого времени начинается его «служба» в Варшавском университете, которая не прерывалась до самой его смерти в 1919 г. Летом 1884 г. С.И. Вехов был командирован за рубеж (Берлин, Лейпциг, Бреслау) для сбора материалов по подготовляемой им диссертации, посвященной «Жизнеописаниям римских императоров» Светония Транквилла. По итогам командировки Сергей Иванович представил развернутый отчет о проделанной им работе. Отчет, по сути, состоял из историографического обзора разрабатываемой им темы – трудам германоязычных авторов, посвященных Светонию (труды Р. Прутца, К. Петера, А. Эггера, К. Шрадера и др.)⁴. Правда, П.Н. Черняев в своем очерке о С.И. Вехове пишет о его командировке, состоявшейся в 1885 г. и продолжавшейся год и два месяца, но идет ли речь о той же самой командировке или последовавшей сразу же вслед за первой, однозначно не ответить⁵.

² Черняев П.Н. Материалы для истории бывшего Варшавского университета. Кафедра римской словесности в биографических очерках. Ростов-на-Дону, 1919. С. 228–250 (рукопись).

³ Решетова Н.А. Он вел университетский корабль среди рифов и скал // Донской временник. Год 1997. Ростов-на-Дону, 1996. С.150–152.

⁴ См.: Варшавские университетские известия, 1885, № 5. С. 1–30.

⁵ Черняев П.Н. Материалы для истории бывшего Варшавского университета. С. 231.

С 1887 г. он исполнял обязанности секретаря Историко-филологического факультета, в 1888 г. после защиты магистерской диссертации, посвященной источникам «Жизни 12 цезарей» Светония (о ней более подробно речь пойдет дальше) ему была присвоена степень магистра римской словесности, а в марте 1888 г. он уже становится экстраординарным профессором⁶.

В 1911 г. он занимал должность заместителя ректора, в 1912 г. избран деканом Историко-филологического факультета, а уже на следующий год, в 1913 г., назначен ректором Варшавского университета.

Перечень его наград и титулов по гражданскому ведомству весьма солидный: 1887 г. – награжден орденом св. Станислава 1-й степени, 1891 г. – св. Анны 1-й степени, в 1896 г. – серебряной медалью в память Александра III на Александровской ленте, в 1899 г. – св. Анны 2-й степени, в 1906 г. – св. Владимира 4-й степени, в 1910 г. – св. Владимира 3-й степени, в 1913 г. – св. Станислава 1-й степени, а в 1916 г. он становится кавалером ордена св. Анны 1-й степени⁷.

Сохранились сведения о педагогической деятельности С.И. Вехова за 1915/1916 учебный год. Заслуженный профессор С.И. Вехов в весеннем полугодии вел практические занятия по римской словесности со студентами всех курсов классического отделения. Из 2-х недельных часов, отведенных для этой цели, один был посвящен переводу и пояснениям студентами 4-й песни «Энеиды» Вергилия, а другой – на разбор студенческих рефератов, посвященных интерпретации избранных стихотворений (од) Горация. В весеннем полугодии велись практические занятия с теми же студентами по 2 ч. в неделю, причем оба часа использовались на перевод и толкование студентами посланий Горация⁸.

В завершающий период жизни на его плечи лег тяжелейший труд: управление университетом в период революции и гражданской войны в стране. Революционная смута 1917 г. и последовавшие за ней дальнейшие события нарушили весь ход учебного процесса и нормальный ритм работы университета.

⁶ Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 527. Оп. 3. Д. 755. Л. 102.

⁷ Там же. Л.102.

⁸ Варшавские университетские известия, 1916, кн. VI. С. 38.

В Ростове-на-Дону С.И. Вехову пришлось с головой уйти в решение организационных вопросов. Во-первых, это отсутствовала самая необходимая литература. Совместно со своими коллегами-классиками А.Ф.Семеновым, П.Н.Черняевым и А.М.Придиком, Сергей Иванович признавал, что «книжная нужда на классическом отделении вопиющая: нет текстов, которые подлежат чтению и изучению». При этом С.И.Вехов вспомнил, что Министерство народного просвещения в свое время обещало 1 млн. руб. на оборудование кафедры, однако об этом обещании уже никто не вспоминал. Несмотря на это Ученый совет факультета ходатайствовал перед вышестоящими инстанциями об ассигновании на книги 50.000 руб., и разделении полученной суммы по отделениям⁹. В этот сложный период Сергей Иванович регулярно участвует в заседаниях Ученого совета Историко-филологического факультета, вникая в решение самых кажущихся на первый взгляд незначительных вопросов. Но возможностей для этого становилось все меньше и меньше.

Несколько раз С.И. Вехов обращался с прошением об отставке в вышестоящие инстанции, однако Временное правительство даже не удостоило его хоть каким-либо ответом. Несколько раз его отставки требовали революционные студенты, и чему Сергей Иванович, собственно, нисколько не возражал, но и после этих революционных всплесков он, повинусь возложенным на него обязанностям, был вынужден исполнять функции ректора.

Приказом Всевеликого Войска Донского от 22 декабря 1918 г. за №1903, подписанным Донским Атаманом, генералом от кавалерии П. Красновым и управляющим Отделом Народного просвещения В. Светозаровым, он был награжден чином Тайного советника за деятельность по эвакуации университета и обустройство его в Ростове-на-Дону¹⁰.

Частые поездки в Новорчеркасск, крайнее истощение сил от напряженной работы, бушевавшая на Дону эпидемия тифа, привели к тому, что в одну из таких поездок Сергей Иванович заразился сыпным тифом и, несмотря на все усилия врачей, 15 марта 1919 г. скончался.

В некрологе, написанном младшим коллегой Сергея Ивановича – профессором П.Н. Черняевым, говорилось:

⁹ ГАРО. Ф.527. Оп.1. Д. 217. Л. 40 об.

¹⁰ ГАРО. Ф. 527. Оп. 3. Д. 755. Л. 119.

«Вчера, около 12 ч. дня от сыпного тифа умер ректор Универстета Сергей Иванович Вехов.... 37 лет своей жизни Сергей Иванович посвятил службе сначала Варшавского, а потом Донского университета, причем свыше 25 лет (1888–1913) он состоял библиотекарем Университета, и, наконец с 1913 г. нес должность ректора Университета. На долю Сергея Ивановича как ректора, выпал тяжелый труд устройства эвакуации в г. Ростов Варшавского университета. Ректура в г. Ростове-на-Дону при иных условиях жизни, чем какие приходилось наблюдать в Варшаве, была, если так можно выразиться, тягостным почетом в эту нервную для всех пору академической жизни: массовые приемы студентов на совершенно новых условиях, какие не знал Варшавский университет, непрерывные хлопоты по приведению в норму учебной и административной стороны университета, частые поездки по делам службы сначала в Петербург, а последнее время в Новочеркасск, бурная пора во внутренней жизни государства – все это требовало от Сергея Ивановича такого потрясения, которое было бы не под силу и молодому, более крепкому организму. Выражаясь образно, Сергею Ивановичу пришлось вести университетский корабль опасными путями, среди рифов и скал, все время следя, как бы только спасти его от крушения. И хотя сильно утомленный и больной Сергей Иванович в силу особенных обстоятельств принужден был вести вверенный ему корабль, т.к. при всеобщей разрухе, на поданое им два года тому назад прошение об отставке он не получил никакого ответа, и никому не мог сдать своей ответственной должности, которую в это тяжелое время он старался исполнить по силе своего разума и при выдержке своего характера с тактом, выработанным годами и диктуемым суровой необходимостью переживаемых событий. Сергей Иванович заразился в одну из своих поездок в Новочеркасск»¹¹.

Отпевание Сергея Ивановича состоялось 19 марта в Александро-Невском Соборе, после чего он был похоронен на Покровском кладбище (ныне не существующем) г.Ростова-на-Дону.

С.И. Вехов пользовался авторитетом и любовью среди своих коллег по университету. Не случайно после смерти Сергея Ивановича группа коллег во главе с профессором П.Н. Черняевым обратилась в правление университета с просьбой о выдаче из специальных средств учебного заведения

¹¹ Приазовский край, 1919, № 62, 16 марта.

пособия его вдове Софье Дмитриевне¹². Но через год ушла из жизни и сама Софья Дмитриевна.

Что из себя представляли научные и научно-педагогические труды С.И. Вехова?

Первая известная нам работа С.И. Вехова была посвящена сочинению французского ученого Л. Авэ (L. Havet «Le Querolus comedie latine anonyme». Paris, 1880)¹³. Пьеса «Кверол» (Querolus) – единственный памятник римской комической литературы христианского периода. Этот литературный памятник, достойный тщательного изучения, по мнению автора, потому, что он единственный источник для нас к непосредственному знакомству с римской комедией в позднейшую пору её существования, который, к сожалению, долгое время не привлекал к себя внимание ученых¹⁴. Главная и самостоятельная часть труда Л. Авэ и составляла обработка текста.

Содержание комедии таково: зажиточный старик Эвклион умирает на чужбине. На смертном одре он сообщает паразиту Мандрогеру о скрытом им на родине под половицей дома в погребальной урне сокровище. Паразит должен указать его сыну Кверолу, и, если он честно исполнит поручение, получит от последнего половину наследства. Но он предпочитает сам завладеть кладом. И с этой целью, взяв с собой двух своих товарищей – Сарданапалла и Сикофанту, вместе с ними приезжает в родной город Эвклиона. Это – события, предшествующие самой пьесе. Само действие начинается разговором Кверола с домашним Ларом. Кверол выходит на сцену, жалуясь на свою несчастную судьбу. Внезапно к нему приближается Лар, который приветствует его. Кверол, не зная, кто перед ним находится, грубо отвечает на его приветствие, но Лар, тем не менее, вступает с ним в разговор, объявляя ему, кто он и расспрашивает его о причинах недовольства судьбой. Когда Кверол изложил их, бог старается доказать несостоятельность его жалоб. Не будучи в состоянии убедить Кверола, он обещает исполнить ему его желание, которое, однако, признает безрассудным. С этим, наконец, соглашается сам Кверол и просит оставить ему прежнюю участь. Прежде чем расстаться с Кверолом, Лар предрекает ему скорое счастье: в этот же день он сделается

¹² ГАРО. Ф.527. Оп.1. Д. 1. Д. 217. Л. 109.

¹³ Вехов С.И. Латинская комедия Querolus и новейшая обработка её текста. СПб, 1881.

¹⁴ Там же. С. 1.

обладателем сокровища. По обычаям оракулов, бог обрекает свое предсказание в загадочную форму: «Сделай то, что противно твоим интересам. В особенности если придут воры, прими их дружелюбно. Хочешь ты или не хочешь, счастье сегодня придет в твой дом... Оно войдет через окно». В конечном итоге – все хорошо оканчивается для Кверола: он становится законным обладателем спрятанного его отцом сокровища.

Л. Авэ на основании этого делает два важных вывода: 1) человек ничего не может сделать против воли богов; 2) судьба человека определяется его заслугами. Однако оба эти тезиса вызывают несогласие С.И. Вехова¹⁵. Но все-таки главный вывод автора заключается в том, что труд Л. Аве есть лучшее, чем обладает до сих пор наука по вопросу о «Квероле»¹⁶.

По традиции, существовавшей в дореволюционной России, приступающий к преподавательской работе в Высшем учебном заведении – будь то доцент, или профессор, должен был прочитать публичную лекцию, которая позволила бы коллегам и всем желающим составить о нем определенное впечатление. Подобное 11 сентября 1882 г. проделал и С.И. Вехов, прочитав в Императорском Варшавском университете лекцию, посвященную римской литературе эпохи Августа¹⁷. Свою лекцию Сергей Иванович начал с общей характеристики эпохи, которая наступила после установления принципата Августа. В целом положительно оценивая правление Октавиана, он указал как на отрицательные, так на положительные последствия этого события: если для республиканской литературы это имело отрицательные последствия, то для другой, более многочисленной, было обеспечено покровительство новой власти, что обусловило достижение ей «высшей степени развития»¹⁸. Однако тем, кому сложно было «насиловать свои убеждения», писать историю стало не только трудно, но и опасно. Это приводило к тому, что историки предпочитали писать больше о давних, нежели о современных событиях, ибо ещё были живы их непосредственные участники. Однако в лице Августа нашли поддержку авторы, развивающие научные знания – юристы, философы, лингвисты и поэты.

¹⁵ Вехов С.И. Латинская комедия *Querolus* и новейшая обработка её текста. СПб, 1881. С. 21–22.

¹⁶ Там же. С. 58.

¹⁷ Вехов С.И. О римской литературе в век Августа. Варшава, 1882.

¹⁸ Там же. С. 2.

С особым почтением С.И. Вехов относился к Вергилию, у которого, по его словам, «впервые была достигнута та полная гармония между возвышенностью содержания, чистотой речи и правильностью стиха, которой ещё не доставало его ближайшим предшественникам...»¹⁹. Далее автор указывает на ожесточенную борьбу, которая развернулась между поэтами нового и старого направления, представленного антикварами, в которой верх одержало новое направление, представленное Горацием. Но и новое направление, зародившееся в эпоху Августа, имело свои слабые стороны, одной из которых был «недостаток народного, национального духа»²⁰. Главный вывод автора: эпоха Августа имела двойное значение: с одной стороны, это время, когда Рим достиг высшего развития своих сил, с другой – это канун его падения, начало конца. Но поэты эпохи Августа, к сожалению, не могли этого знать.

Следующей из ранних работ С.И. Вехова было исследование текста сочинения Цицерона «*О государстве*». Обосновывая выбор темы своего исследования, автор отмечал, что, изучая политическую историю Рима в связи с историей его литературы, нельзя не натолкнуться на удивительное явление: в ходе развития римской государственности мы наблюдаем распространение государственного влияния на службу и даже религию и семью. В виду этого естественным образом появляется предположение, что государственная наука в Риме должна иметь широкое развитие, что обширная практическая деятельность лучших умов Рима на политическом поприще могла бы привести к разработке политических вопросов, которые обычно вызывали появление сочинений соответственного содержания. Но в действительности мы видим обратное: в период наивысшего расцвета республики нельзя встретить ни одного сочинения в этом роде²¹.

Сочинение «*О государстве*» начинается с рассуждения от лица самого Цицерона, в котором он старается уничтожить всякое сомнение в необходимости государственной деятельности.... По своему обычаю, который раньше был употребляем Эпикуром, Цицерон начинает с определения предмета, который подлежит обсуждению. Он при этом цитирует слова Сципи-

¹⁹ Вехов С.И. О римской литературе в век Августа. Варшава, 1882. С. 12.

²⁰ Там же. С. 24.

²¹ Вехов С.И. Сочинение Цицерона «О государстве». СПб., 1882. С. 186 .

она, который говорил: «Я приступаю к беседе, следуя тому правилу, которое, по моему мнению, должно держаться в рассуждениях о всевозможных вещах, именно, чтобы установить имя предмета, подлежащего рассмотрению, объяснить, что означается этим именем, если удастся прийти к соглашению в этом, тогда уже следует приступать к рассуждению...» И так государство (*respublica*) есть дело народа, народ же не есть совокупность людей, собранных каким бы то ни было образом, но совокупность людей, связанных единением в праве и общности интересов (I. 25). Относительно определения этого необходимо заметить, что в нем заключается не только выражение сущности государства, но и условий, при которых государство может существовать, именно, единство права и общности интересов. Мы не можем сказать, принадлежит ли определение государства как *дела народа* самому Цицерону. Любопытно сравнить определение государства Цицероном с определением, даваемым ему греческими философами. По Платону, государство есть личность, живая единица, состоящая, правда, как и отдельный человек, из частей, но частей, согласованных одна с другой и совокупно направленных к одному средоточию, к одной общей цели. Эти два определения имеют общую основу. Это единство жизни государства состоит лишь в согласии желаний и равновесия выгод отдельных граждан, что весьма походит к Цицеронову *iuris consensus ut utilitatis communion*. Почти то же, хотя в других словах, высказывает и Аристотель, определяющий государство как естественную и совершеннейшую форму общежития, строй которого основан на праве (Arist. Pol. I.1. 8, 9). Причина, вследствие которой люди собрались в сообщество и образовали государство, заключается, по мнению Цицерона, в естественном стремлении человека к общежитию, ибо человек есть существо, не созданное для отдельной жизни; даже не имея ни в чем нужды, человек не может обойтись без общества себе подобных²².

Стремление людей к обществу основано, по мнению Цицерона, главным образом, на их сходстве. Когда таким образом является известное общество, оно старается найти безопасное место для жилищ, что в конечном итоге приводит к появлению города.²³ (I, 26). Затем оратор рассматривает проблемы государственной власти, её назначения и виды. Здесь он, к сожалению, очень краток. Хотя люди, повинаясь рассудку, не могут вредить друг

²² Вехов С.И. Сочинение Цицерона «О государстве». СПб., 1882. С. 20.

²³ Там же. С. 23–24.

другу, часто страсти берут верх над рассудком, и тогда сильнейший обижает слабого. Для соблюдения справедливости были избраны цари, отличавшиеся хорошими нравственными свойствами, чтобы удерживать высших и низших в равных правах (III, 5.23).

Ближайшая же цель государства – защита частных интересов, обеспечение справедливости. Но есть ещё и другая конечная цель, которую, по словам оратора, должно осуществить государство: счастливая и нравственная жизнь должны быть высшим благом и конечной целью государства²⁴. По мнению Цицерона, государство должно обеспечивать гражданам жизнь не только счастливую, но и нравственную. Какие обязанности в этом случае налагаются на власть? Государственная власть должна посредством законов и учреждений, во-первых, способствовать движению вперед знания и, во-вторых, способствовать воспитанию у граждан уважительного отношения друг к другу, в-третьих, наказаниями и наградами, возбуждая соревнования в славе, направляя души граждан к мужеству (V. 7), в-четвертых, способствовать сохранению умеренности в общественной и частной жизни (IV.7; V,5). Но хотя, по мнению Цицерона, добродетель – неперемное и важнейшее условие счастья, однако не исключает в человеке потребности внешних благ. Поэтому на обязанности правительства лежит старание, чтобы государство было сильно, богато, славно (V.6). Дав общее определение правительственной власти и её обязанностей, Цицерон приступает к описанию форм государственного устройства. Власть в государстве может быть поручена или одному, или нескольким выборным, но может принадлежать и всему народу. В первом случае правление носит название монархии, во втором аристократии, в третьем демократии (I.26). В разделении форм правления Цицерон, как отмечает С.И. Вехов, следует Полибию, который, в свою очередь, заимствовал это деление у Аристотеля²⁵. Царство, по его мнению, есть такая форма политического устройства, когда существует власть одного. Царь – тот, кто как отец, заботится о народе и охраняет тех, во главе которых он стоит. Цицерон отдает предпочтение избирательной, а не наследственной царской власти.

Правление оптиматов, как понимает его Цицерон, есть совет вельмож, заботящихся о благе народе (I. 42). Аристократия есть правление лучших

²⁴ Вехов С.И. Сочинение Цицерона «О государстве». СПб., 1882. С. 25.

²⁵ Там же. С. 27.

людей. Они должны служить примером для своих сограждан. Существенная черта аристократии – рассудительность.

Народное правление состоит в том, что масса народов без всякого различия в достоинстве отдельных граждан, заведует законодательством, судом, финансами, объявляет войну и мир и т.д.²⁶ Наряду с тремя законными существуют и три незаконные формы правления: тирания, олигархия и охлократия.

Если мы обратимся снова к трем указанным выше законным видам государственной власти, то мы увидим, что все они обладают, по мнению Цицерона, характерными для него изъянами. Монархия лишает народ участия в государственных делах и свободы. При правлении оптиматов если не все, то огромное большинство лишено политического значения и поэтому не может считаться свободным. Наконец, демократическое правление, как бы ни было оно умеренно, не может избежать недостатка противоположного характера: демократия является несправедливой по своему чрезмерному стремлению к равенству, доходящему до отрицания всяких различий в достоинстве граждан²⁷. Каждая из форм государственной власти имеет тенденцию к её изменению, т.е. к государственному перевороту. Идея смешанной формы правления не принадлежит самому Цицерону – её авторы, по мнению С.И. Вехова, Платон и Аристотель.

Представляла ли римская конституция в действительности то удачное смешение 3-х форм государственной власти, которое пытался в нем увидеть Цицерон, и во-вторых, обеспечивала ли эта конституция равенство и порядок в государстве?

Несомненно, сенат всегда был органом аристократии. Доступ в него был *de facto* открыт лишь незначительной части граждан, богатым и знатного рода. Равным образом нет возможности усомниться в демократическом характере народного собрания, особенно, когда дело идет о трибутных комициях²⁸. Вывод автора таков: по мнению Цицерона, римская конституция была результатом соглашения аристократии и народа для обеспечения политической мудрости и гражданской свободы.

²⁶ Вехов С.И. Сочинение Цицерона «О государстве». СПб., 1882. С. 29.

²⁷ Там же. С. 31.

²⁸ Там же. С. 63.

Обеспечивала ли политическая организация Риму спокойствие и равновесие? На этот вопрос С.И. Вехов отвечает отрицательно: вся римская история является нам борьбой аристократических и демократических элементов. Постепенно, вследствие их борьбы и ряда побед последней совершается преобразование аристократического строя в демократический. Когда переворот совершился, когда народное собрание с мятежными трибунами во главе получило преобладание над сенатом, Рим испытал судьбу, предсказанную всем крайним демократиям Платоном и Цицероном: он подпал под иго деспотизма²⁹. Причину преимущества Римского государственного строя над другими Цицерон видел в том, что всегда отдельные личности давали им организацию своими законами и установлениями, римское государство же устроено не гением одного лица, а многих. По мнению Цицерона, в Риме был ряд талантливых правителей, государственных мужей, из которой каждый положил кирпич в воздвигаемое здание римской государственной конституции. Цицерон начинает свое повествование с Ромула. Он верит в достоверность исторической традиции и его рассказ сходен с повествованием Ливия (I. 3–7). Подробно рассматривает все выгоды и недостатки географического положения Рима. Нума Помпилий удостоивается похвалы за издание законов и сплочение населения³⁰. С изгнанием царей монархический элемент утратил в Риме большую долю своего влияния. Римский народ после отмены царской власти, несомненно, успел обеспечить себе свободу, которая теперь в его глазах приобрела особую цену. Но революция произошла под предводительством оптиматов, поэтому они воспользовались её плодами. Правительственная власть сосредоточилась в руках сената, а сенат был органом патрициев, проводником и защитником их интересов³¹. Избрание трибунов и расширение свобод и прав плебеев было достигнуто революционным путем. Однако едва ли Цицерон сочувствовал избранию трибунов. Цицерон сравнивает трибунскую власть с властью спартанских эфоров: по его мнению, как в Спарте эфоры были противопоставлены царям, так в Риме трибуны – консулам (II.33). Но это мнение верно лишь отчасти: трибуны представляли лишь одно сословие – плебейское³². Но даже после введения трибуната римский государственный строй

²⁹ Вехов С.И. Сочинение Цицерона «О государстве». СПб., 1882. С. 64.

³⁰ Там же. С. 77.

³¹ Там же. С. 87.

³² Там же. С. 92.

ещё не пришел к равновесию. В виду этого, как считает автор, можно положительно утверждать, что содержание работы «De respublica» есть искреннее выражение того, что Цицерон считал необходимым для государства, и вызвано желанием помочь отечеству избежать страшной опасности, приближение которой он чувствовал. Скажем даже более, направление этого сочинения, сожаление о прошедшем, стремление возратить его не только не находится в противоречии с характером политической деятельности Цицерона, но решительно объясняется её. Цицерон – человек, которого судьба поместила в эпоху великой борьбы, в эпоху столкновения различных элементов государства, подвергавшегося брожению, в эпоху перехода государства в новую фазу существования, не наделив его теми свойствами, которыми необходимо обладать, чтобы иметь успех в революционное время. Дорого приходилось расплачиваться Цицерону за несоответствие его природы с временем, в которое он жил. И далее С.И. Вехов делает важный вывод о том, что, говоря о наилучшем государственном строе, Цицерон старался отвлечь свои взоры от тяготившего его настоящего, перенестись в далекое прошлое, когда не было тех тревожений, игрушкой которых он сам был, когда можно было сочетать высшее, по его мнению, благо в жизни, свободу, достоинство и досуг³³.

Как нам представляется, цель, которую ставил перед собой С.И. Вехов при написании данной работы, достигнута: читатель получил доступное и полное представление не только о взглядах выдающегося оратора и общественного деятеля на образ идеального государства, но и о той эпохе, в которую он жил.

В 1888 г. С.И. Вехов в Варшаве защитил магистерскую диссертацию, которой предшествовала его речь, произнесенная накануне самой защиты. Эта речь была опубликована и вышла отдельным изданием. В ней Сергей Иванович указал на актуальность темы, поставленные им цели, а также на те методологические принципы, которыми он руководствовался при написании диссертации. Представленная диссертация была посвящена источникам Светония, которые были использованы им при написании биографий XII цезарей³⁴.

³³ Вехов С.И. Сочинение Цицерона «О государстве». СПб., 1882. С. 186.

³⁴ Вехов С.И. Об использовании источников древних исторических произведений вообще и биографий XII цезарей Светония в частности (речь, произнесенная перед защитой магистерской диссертации в Императорском Варшавском Университете 7 февраля 1888 г.). Варшава, 1888.

Первым условием, которое нужно иметь в виду при выборе предмета для научного исследования, конечно, является важность и актуальность избираемого вопроса. Исследование источников древних исторических произведений бесспорно важно по различным причинам. Во-первых, только оно дает нам возможность правильно оценить степень значения, которое тот или другой литературный памятник имеет в ряду исторических сведений о той или другой эпохе. Во-вторых, только по определению источников писателя, уяснению его пользования или по выделении, насколько возможно, заимствованного из них от внесенного самим автором, его литературным, политическими или историческими симпатиями и общим характером его мировоззрения, возможен сколько-либо точный ответ о литературной физиономии того или иного писателя. В-третьих, наконец, по причине того, что из исторической литературы древность до нас сохранила лишь сравнительно небольшую часть, исследование источников дошедших до нас исторических писателей важно в том отношении, что оно составляет единственное средство для восстановления утраченных звеньев цепи, связывающей древний мир с современным его исследователем и для возможно большего приближения по этой цепи к изучаемой эпохе, для интересующегося же преимущественно древней литературы оно выводит из мрака прошлого образы утраченных и часто забытых писателей и дает ему возможность, выделив хоть отчасти у дошедших до нас им принадлежащее, составить себе, по крайней мере, приблизительное понятие о содержании и свойствах их произведений.

Таковы причины, придающие исследованию источников исторических писателей важность и интерес. Но само собою ясно, что степень этой важности и интереса не одинакова для отдельных писателей, а различаются сообразно с содержанием и характером их произведений. Что касается занимающего нас сочинения Светония, то оно бесспорно принадлежит к числу тех, изучение которых в указанном отношении наиболее интересно и необходимо. С этим согласится всякий, если обратить внимание на следующие обстоятельства: 1) Светоний принадлежит к числу тех важнейших писателей, на которых основано наше знакомство с историей Древнего Рима; 2) сочинение Светония есть один из немногих памятников древней исторической литературы, в основе которых лежит обширное изучение источников, притом источников самого разнообразного характера и в большинстве случаев невозвратно утраченных; 3) способ пользования Светонием своими

источниками заключает в себе много особенностей, и в этом отношении он представляет одно из самых оригинальных явлений древней литературы; 4) здесь речь идет о писателе, оказавшем весьма сильное влияние на последующую историческую литературу, в которой трудно встретить автора в большей или меньшей степени, посредственно или непосредственно зависящего от нашего биографа.

Второй вопрос, ответ на который непременно должен предшествовать решению остановиться на данной теме научного исследования, состоит в том, не представляется ли данная тема исчерпанной и разработка доведенной уже до таких результатов, достижение которых уже возможно при средствах, доступных её исследователям. Только убедившись, что, принеся свой посильный вклад в сокровищницу науки, мы не принесем «софы в Афины», должно приступать к разработке намеченной темы.

Чтобы показать, что избранный автором вопрос удовлетворяет и этому требованию, С.И. Вехов считает необходимым несколькими словами коснуться современного состояния изучения источников исторических произведений вообще и биографий Светония в частности.

Серьезное и рациональное исследование источников древних авторов началось, по его словам, сравнительно недавно. Правда, уже в начале XIX века и даже в конце прошлого были изданы отдельные работы, посвященные источникам того или иного памятника древней исторической литературы. Но в этих трудах не было видно ни ясного указания целей, каких должны достичь подобные работы, ни точного и определенного представления об общих свойствах античной историографии, ни прочно выработанных приемах исследования. Обычно труды соответствующего содержания, относящиеся к этому времени, ограничиваются лишь сводом источников, указанных самим автором, да, и тот далеко не всегда, перечнем произведений, которые помимо названных автором могли по общему характеру содержания предоставить материал для его сочинений. Даже такое основное требование, которое, прежде всего, обязательно для исследования источников любого произведения, обычно является невыполненным. Наконец, что касается определения объема использования Светонием трудов своих предшественников, а тем более выделения заимствованного у них, то после сказанного нечего говорить об отсутствии в этих устаревших исследованиях

ответов на такие вопросы. Почти всегда даже самая острая необходимость их решения не осознается их авторами.

Родоначальником идеи, которая легла в основу современного направления в исследовании древних исторических произведений, по мнению С.И. Вехова, был Нибур. Этот гениальный исследователь судеб древнего Рима на основании глубокого изучения древней исторической литературы, первым высказал убеждение, что по трудам римских историков времени конца республики и империи, касающихся первых веков истории Рима с помощью выделения позднейших искажений и недоразумений можно в известной степени восстановить предание древних анналистов с Фабием Пиктором во главе. Из этого видно, что, хотя Нибур не формулировал ясного своего взгляда на характер развития древней историографии, но уже стоял на той точке зрения, что поворотный момент в использовании древних исторических произведений обычно лежит, как главный элемент, не самостоятельное исследование изображаемой эпохи, а в значительной степени механическое воспроизведение содержания трудов предшественников. То, что произвел гениальный ум Нибура, не скоро сделалось общим достоянием науки. Отчасти увлечения, в которые впал сам Нибур, в применении своей теории в критике древнего исторического предания, отчасти трудности, с которыми соединено приложение всякого нового исторического принципа, в практике исследования, были причиной, что в течение длительного времени за ним не следовали даже крупнейшие из ученых занимающихся исследованием судеб древнего Рима и его исторической литературы. Более широкое распространение идея Нибура получила около середины XIX века под влиянием блестящих успехов в разработке источников средневековой истории³⁵. Издание *Monumenta Germaniae historica* показало с очевидностью, что этот процесс в переходе исторического предания от писателей одного поколения к другому, который был предложен Нибуром для древней истории, не содержал в себе ничего невозможного. Из школы Ранке вышел целый ряд трудов корифеев немецкой исторической науки об источниках: Крауэра об источниках Диодора Сицилийского, Мёрнера – об Орозии, Ниссена – о Ливии и т.д. Редко какому-либо сочинению удалось сразу оказать

³⁵ Вехов С.И. Об использовании источников древних исторических произведений вообще и биографий XII цезарей Светония в частности (речь, произнесенная перед защитой магистерской диссертации в Императорском Варшавском Университете 7 февраля 1888 г.). Варшава, 1888. С. 5.

такое сильное влияние на последующую разработку соответствующей научной области, как труд Ниссена. Его труд – поворотный момент в общем направлении исследования источников древней исторической литературы³⁶. И необходимо осознать, что это влияние сочинения Ниссена было не только громадно, но в общем благотворно. У Ниссена появились последователи, которые ревностно и догматично отстаивали его принципы. Но под влиянием теории Ниссена разработка источников древних исторических писателей впервые стала на более или менее твердую почву и утратила свой случайный характер³⁷. Что касается Светония, как писателя нас интересующего, то в этой мало разработанной области он принадлежит к числу авторов, наименее исследованных. Кажется, как отмечал С.И. Вехов, что в своей работе ему удалось показать, что теория Ниссена не может быть применима к Светонию, что Светоний не имел т.н. основных источников для каждой биографии, а собирал материал для них с разных сторон. Между тем, почти все новейшие исследователи обращали все свое внимание на поиски основного источника для отдельных биографий и т.е. становились на ложную дорогу. С другой стороны, видимо, распространение теории Ниссена было причиной почти полного отсутствия новейших литературных трудов, специально посвященных источникам Светония. На эту тему вышел лишь один труд – диссертация Г. Дедеринга³⁸.

Далее в своей речи С.И. Вехов касается ещё одного вопроса, который мог возникнуть у присутствующих, а именно, избирая предметом своего исследования источники древнего автора, принадлежащего к исторической литературе, не вторгнулся он в чужую сферу, не вступает ли он на чужое поле, право и обязанность исследовать которое принадлежит служителям исторической науки³⁹. Всякий, кто вдумается в этот вопрос, согласится, что ответ этот должен быть благоприятен для автора и признает, что участие филологии в исследовании памятников античной историографии правильно теоретически и желательно в практическом отношении. Чтобы убедиться в первом, достаточно обратить внимание на то, что классическая филология

³⁶ Вехов С.И. Об использовании источников древних исторических произведений вообще и биографий XII цезарей Светония в частности (речь, произнесенная перед защитой магистерской диссертации в Императорском Варшавском Университете 7 февраля 1888 г.). Варшава, 1888. С. 6.

³⁷ Там же. С. 7.

³⁸ Dederling G. De Suetonis vita Carsaris. Berolinu, 1871

³⁹ Вехов С.И. Об использовании древних исторических источников вообще....С. 9.

имеет целью изучение духовной деятельности древних во всех отраслях и проявлениях, следовательно, не исключается и историография. Что касается второй стороны, практической, то, конечно, нельзя не признать, что в одном отношении историки находятся в данном случае в лучшем положении, нежели филологи, а именно: первые имеют большую возможность пользоваться для разъяснения фактов античной историографии соответственными явлениями в исторической литературе других времен и народов. Но за то филолог в свою очередь имеет существенные преимущества перед историком. Эти преимущества заключаются в более близком знакомстве с древней литературой вообще и в большей способности правильно пользоваться теми формальными критериями, которым нередко принадлежит решающее значение в вопросах данного порядка. Цели историков и филологов при исследовании исторических источников древней литературы различны, поэтому один не может заменить другого. Для историка в данном случае главный интерес заключается в установлении степени значения памятника в качестве исторического свидетеля и в приближении с помощью его исследования ступенью ближе к преданию, современному описываемой в нем эпохе или отдельному событию⁴⁰. Филолог, принимаясь за исследование источников того же памятника, имеет в виду, главным образом, посредством этого исследования достичь ясного взгляда на литературную физиономию автора и его произведения, более точного определения значения в ряду других подобных и места, подобающего ему в истории литературы. Таким образом мне кажется не подлежащим сомнению, что ни историки, ни филологи не могут претендовать на исключительное право работать в той области, к которой относится вопрос, составляющий предмет моего исследования.

Что касается самой диссертации, то автор вкратце передает её содержание: 1-я глава работы посвящена характеристике биографий Светония и их внутренней и внешней стороны, 2-я глава – рассмотрение основного принципа Светония в использовании источников, 3-я глава – рецепция исторического наследия Светония в более поздних сочинениях.

Автор поручился за то, что выполнил свой труд «по крайнему своему разумению, и, говоря словами Цицерона (Ad fam. VI, 18), вложил в него всю силу своего убеждения»⁴¹.

⁴⁰ Вехов С.И. Об использовании древних исторических источников вообще...С. 10–11.

⁴¹ Там же. С. 12.

Главным трудом жизни С.И.Вехова как раз и явилась его диссертация, посвященная источникам Светония Транквилла в биографиях XII цезарей.

По слова автора, важность и интерес, представляемые изучением источниковой базы биографий 12 цезарей Светония Транквилла, для исследователей литературной истории Рима не требует доказательств. В этом случае достаточно лишь указать во-первых, что биографии Светония являются одним из самых значительных литературных памятников, на которых основано наше знакомство с историей первого императорского периода Рима, во-вторых, что Светоний в своих многочисленных цитатах и ссылках на предшественников выводит перед нами целый ряд исторических, биографических, политических писателей, часто является хранителем не только их предания, но и самих их имен, которые без него остались бы для нас неизвестными, в-третьих, что для характеристики самого Светония, как писателя, крайне важным представляется определение, насколько в действительности была обширна и глубока подготовительная им работа к сочинению биографий. Автор указывает лишь на два труда, специально посвященные исследованию источников всех биографий Светония, а именно диссертации Швейгера и Краузе. Относительно этих трудов следует заметить, что ни один из них не представил сколь-либо удовлетворительного решения многочисленных вопросов, стоявших в связи с источниками Светония. Работа С.И. Вехова посвящена вопросам, имеющим значение при определении источников всех Светониевых биографий и включает в себя: 1) литературную характеристику произведения Светония; 2) рассмотрение основного принципа Светония при работе с источниками; 3) определение отношения к биографиям Светония и в связи с этим степени значения при исследовании их источников отдельных их сохранившихся до нас позднейших сравнительно с ними произведений, более или менее сходящихся с ними по содержанию.

В первой части первой главы даются общие замечания о биографиях XII цезарей Светония. Подробная литературная характеристика биографий Светония оказалась вне настоящей задачи. Автор рассматривает вопрос о времени издания Светонием его биографий. По мнению С.И. Вехова, почти все ученые согласны, что издание его биографий относится к первым годам

правления Адриана, а именно к 119–121 гг. и это мнение должно быть признано единственно верным⁴². Автор предлагает рассматривать и оценивать жанр произведения Светония как чисто биографический, а не как исторический труд. Что касается отношений между биографиями отдельных императоров, то на них следует смотреть не как на отдельные произведения, какими представляются, например, биографии Плутарха, а как на части одного и того же сочинения, написанные по общему плану и рассчитанные на совместное чтение. Здесь же автор рассматривает вопрос о времени издания Светонием его биографий. В настоящее время почти все ученые согласны, что издание Светония относится к первым годам правления Адриана, а именно к 119–121 гг. н.э. и это мнение, по его словам, должно быть признано единственно верным⁴³.

По мнению С.И. Вехова, мы должны рассматривать и оценивать произведение Светония как чисто биографический, а не исторический труд. Что касается взаимосвязи между биографиями отдельных императоров, то на них следует смотреть не как на отдельные произведения, какими представляются, например, биографии Плутарха, а как на части одного и того же сочинения, написанные по общему плану и рассчитанные на совместное чтение⁴⁴. Считая не подлежащим сомнению биографический характер сочинения Светония, автор, однако, отмечает, что биографии Светония представляют такие особенности в их внешней и внутренней стороне, которые ставят их на совершенно исключительное место в ряду подобных произведений и проводят резкое различие между ними и соответственными произведениями, например, Плутарха или «Агриколой» Тацита. На частной же жизни правителей, на их личности, Светоний останавливается с большой любовью, тщательно сообщая различные подробности касательно их семейных и других интимных отношений, привычек и странностей, пороков и добродетелей⁴⁵.

Не обходит своим вниманием С.И. Вехов и недостатки сочинения Светония. Среди них он отмечает отсутствие природного исторического таланта и способности к психологическому анализу. Не будучи от природы одаренным ясным взглядом на человеческую природу и способностью понимать законы её развития в зависимости от среды, Светоний считал себя

⁴² Вехов С.И. Об источниках Г. Светония Транквилла в биографиях XII цезарей. Варшава, 1888. 119 с.

⁴³ Там же. С. 3.

⁴⁴ Там же. С. 6.

⁴⁵ Там же. С. 8–9.

вправе изолировать своих героев от всего окружающего⁴⁶. Не владея историческим методом, которым необходимо владеть каждому биографу в большей или меньшей степени, будучи грамматиком по профессии, он смотрел на отношения отдельных фактов человеческой жизни, как на отношения отдельных слов в языке, удобно подводимых под отдельные рубрики, а потому и в изложение внес принципы грамматической классификации. В качестве положительной стороны С.И. Вехов указывает на желание сделать книгу занимательной для читателей. Он построил её в виде анекдотов, в значительной мере пикантных и скандальных. Что Светоний угодил читателю, наглядно видно из популярности его труда в древности и в средние века⁴⁷.

Во второй главе автор рассматривает основные принципы использования источников. Светоний для каждой отдельной биографии не имел какого-либо одного главного источника, а «сводил свой материал из многих источников, хотя, конечно, количество материала, заимствованного из отдельных источников, было неодинаково⁴⁸. На невероятность того, что Светоний пользовался только одним главным источником, указывает число именных ссылок на разные источники. У Светония С.И. Вехов находит массу сообщений биографического характера, кроме него никем не передаваемых, которые сами по себе должны указывать на неизвестные другим источники не анналистического содержания Светоний независим от Тацита, но порой они оба следуют одному источнику⁴⁹. Он пользовался и общими с другими источниками, и неизвестными ему, т.е. собирал материал из нескольких источников⁵⁰. Но этими источниками он пользовался не последовательно для отдельных частей биографий, а параллельно. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на некоторые главы в его сочинении, представляющие чисто мозаичный свод материала с разных концов. Так, в 9-й главе биографии Цезаря, Светоний ссылается на историю Танузия Гемины, эдикты М.Бабула, речи Куриона, и письма Цицерона, приводит из них отдельные подробности, которые дополняют друг друга.

Перемена в государственном строе, по словам С.И. Вехова, не могла не отразиться на исторической литературе⁵¹. Положение историков в эпоху

⁴⁶ Вехов С.И. Об источниках Г. Светония Транквилла в биографиях XII цезарей. Варшава, 1888. С. 14–15.

⁴⁷ Там же. С. 17.

⁴⁸ Там же. С. 22.

⁴⁹ Там же. С. 31.

⁵⁰ Там же. С. 33.

⁵¹ Там же. С. 42.

Августа было терпимым. Но ситуация стала постепенно меняться и пример тому – намерение Калигулы уничтожить сочинения Ливия, Вергилия, Гомера, казнь при Домициане Гермогена из Тарса и т.д. При таких условиях могли писать лишь льстецы типа Веллея Патерекула или Валерия Максима, а также люди вообще без политических убеждений. Таким образом, если для написания биографий Цезаря и Августа под руками было много трудов и исторических, и чисто биографических, то при составлении последующих биографий он мог найти лишь немногие и при том все уменьшающиеся в числе источники преимущественно анналистического содержания, а также мемуары некоторых императоров⁵².

Следующее сочинение С.И. Вехова было также посвящено вопросам римского источниковедения: сочинениям Ауфидия Басса и Плиния Старшего⁵³.

Вопрос о времени, до которого было доведено повествование в истории Басса и с которого, следовательно, начал свое изложение продолживший его Плиний Старший, принадлежит, с одной стороны, к числу спорных, а с другой стороны, – весьма важных в римской историографии в виду большого влияния, которое оба этих писателя оказали на последующих историков Рима при первых императорах.

В литературе долгое время бытовало мнение, что Ауфидий Басс довел свою историю до конца правления Клавдия или остановился где-нибудь в середине его принципата. В подтверждение этого мнения, указывают, во-первых, на то, что все цитаты из истории Плиния, как его самого, так и Тацита, относятся к событиям, не восходящим раньше принципата Нерона; во-вторых, что с последних лет правления императора Клавдия у Тацита и Диона Кассия чаще встречаются сообщения о предзнаменованиях и чудесных явлениях, нежели в предшествующих книгах их сочинений; в-третьих, близость между Тацитом и Дионом Кассием в отдельных частях их сочинений, посвященных эпохе Тиберия, теснее, нежели в книгах, имеющих предмет принципат Клавдия и Нерона, и, наконец, в-четвертых, Ауфидий Басс умер около 60-х годов н.э. и, следовательно, мог довести свою историю до конца

⁵² Вехов С.И. Об источниках Г. Светония Транквилла в биографиях XII цезарей. Варшава, 1888. С. 47.

⁵³ Вехов С.И. К вопросу о сочинениях по истории Рима Гн. Ауфидия Басса и Г.Плиния Старшего. Варшава: тип Варшавского Учебного округа, 1900. 12 с.

правления императора Клавдия. По мнению С.И. Вехова, ни одно из приведенных оснований не может быть признано достаточно веским. В самом деле, отсутствие цитат из Плиния, восходящее ко временам, предшествующих принципату Нерона, если бы и фактически верно (с чем сложно согласиться), все же не имело бы большого значения при решении вопроса, т.к. могло носить случайный характер. Кроме того, нельзя забывать, что и из сочинения А.Басса мы имеем цитаты, относящиеся ко времени после смерти Цицерона, а между тем и названные ученые не считают, однако, возможным приурочивать к этой эпохе конец его истории и начало истории Плиния. Наконец, что касается Тацита, то молчание его об истории Плиния в первых 12-ти книгах *Анналов*, может быть следует объяснить тем, что он вообще в этих книгах избегает ссылок на анналистические источники и лишь позже отступил от этого принципа, решившись называть поименно также источники в случае их разногласия (*Ann. XIII, 20: Fabius Rusticus auctor est...Plinus et Cluvius Rufus referent. Nos censenum auctorum secuturi, quae prjddiderint, sub niminibus ipsorum trademus*) Далее, что касается сравнительно более (с.3) частых сообщений о чудесных знамениях, замеченных у Тацита и Диона Кассия с правления Клавдия, то, во-первых, сколько-нибудь точное сравнение здесь невозможно в виду несохранения VII–X и части XI-й книг *Анналов*, а также того обстоятельства, что начиная с 61 книг (т.е. с эпохи Нерона) мы имеем историю Диона Кассия лишь в извлечениях Ксифилина, а во-вторых, и при всем том, различие в этом отношении вовсе не представляется особенно значительным, ибо у Тацита с одной стороны и в первых книгах *Анналов* встречаются упоминания о чудесных явлениях и знамениях (II, 14 – о сновидениях Германика II, 17 – о явлении восьми орлов; XI 11 – о драконах, оберегавших детство Нерона и т.д.). Равным образом у Диона Кассия сам Зиккель отметил в кн. 57–59 восемь предзнаменований, причем не следует забывать, что книги дошли до нас в отрывочном виде. Что касается меньшей взаимной близости повествований Тацита и Диона Кассия о времени Нерона, нежели Тиберия, то не отрицая этого, автор полагает, что оно в весьма значительной степени может быть объяснено тем обстоятельством, что в рассказе об эпохе Тиберия оба историка ближе следовали одному и тому же источнику, а для эпохи Нерона, Тацит, как было видно, пользовался

параллельно тремя источниками, из которых, возможно, лишь один совпал с источником Диона⁵⁴.

Итак, переходя к изложению собственного мнения, С.И. Вехов, прежде всего, указывает на то, что мы не знаем о времени жизни Басса, что должно побуждать нас относить конечный продукт его истории далеко назад по сравнению с распространенным взглядом ряда зарубежных авторов. Именно от Квинтилиана (*Inst. Orat.* X.1.103) нам известно, что Басс был немного старше историка Сервилия Нонниана, и так как Сервилий Нонниан, о смерти которого в 59 г. сообщает Тацит, был консулом в 35 г. н.э., то со значительной вероятностью можно отнести время рождения Ауфидия Басса к 15–10 гг. до н.э. Далее, в 30-м письме к Луцилию Сенека говорит о Бассе, как о совершенно дряхлом старике, со дня на день ожидающего смерти и совершенно примирившегося с мыслью о ней (*Sen. Ep. ad Lucil.* XXXI). В виду того, что это письмо Сенеки написано не позже 57 г. н.э., то можно с полной достоверностью отнести время смерти Басса в возрасте около 70 лет к 57 или 58 гг. н.э. Имея в виду, что Басс, во-первых, хотя и пережил императора Клавдия на 3 или 4 года, но в момент его смерти был уже почти 70-летним стариком слабого здоровья и во-вторых, что Сенека довольно подробно характеризует Басса и говоря о его философских занятиях, ни слова не упоминает о его исторических трудах, следует полагать, что не только Басс не довел свою историю до эпохи Клавдия, но что деятельность как историка, во время написания Сенекой 30-го письма принадлежала уже отдаленному прошлому. Далее, мы видели, что главным (хотя и слабым) основанием относить окончание истории Ауфидия Басса приблизительно к концу правления Клавдия служило отсутствие цитат из истории Плиния, относящихся ко времени, предшествующему принципату Нерона.

Таким образом, сопоставляя различные свидетельства о месте рождения Калигулы, Светоний приводит возражения Плиния на сообщение Гетулика о рождении Калигулы в Тибуре, а самого Плиния, сообщившего о его рождении в области Треверов, в *Vicus Ambiatinus*, опровергает главным образом хронологическими соображениями, в т.ч. указанием на то, что Германник отправился в Галлию после своего консульства, когда Гаю шел второй

⁵⁴ Вехов С.И. К вопросу о сочинениях по истории Рима Гн. Ауфидия Басса и Г.Плиния Старшего. Варшава: тип Варшавского Учебного округа, 1900. С. 4–5.

год. Таким образом, по мнению С.И. Вехова необходимо признать, что цитата Светония из Плиния не может быть отнесена к этому сочинению последнего, в котором шла речь об экспедиции Германика, т.е. упоминаемом Плинием Младшем. *Bellorum Germaniae viginti (libri)*, а относится к сочинению «*A fini Aufidii Bassi*», в котором изложение начиналось не позже, нежели принципат Калигулы, причем повествованию об этом принципате, естественно, предшествовали краткие сообщения о рождении и юности Гая. Есть, однако, указание, помогающее определить конечный пункт истории Ауфидия Басса и начальной истории Плиния ещё точнее. Уже известно, что Тацит и Дион Кассий имели для эпохи Тиберия общий источник (которым пользовался и Светоний) и этим источником была, по всей вероятности, история Ауфидия Басса. Но из Тацита (*Ann.VI.20*) и Диона Кассия (*Dio LVII. 19*) очевидно, что сочинение Басса служило в качестве общего источника не для всего принципата Тиберия⁵⁵. По мнению автора, для событий 33 г. н.э. А. Басс уже не служил источником для Тацита и Кассия Диона.⁵⁶

Практически все последующие публикации С.И. Вехова – это записанные студентами его лекционные и семинарские занятия по изучению отдельных авторов (исключительно римских), сопровождающиеся их грамматическим разбором и соответствующими комментариями.

Одним из таковых произведений являются избранные песни Катулла, по текстам которых С.И. Вехов проводил занятия со студентами историко-филологического факультета Варшавского университета в 1916/1917 академическом году⁵⁷.

Учебное пособие начинается с биографии, составленной из разрозненных и отрывочных сведений. Все, что известно об этом авторе, следует исключительно из его сочинений, в которых он стихами описывает радость и горе в своей жизни. Самые красивые из его стихотворений случайные, в которых он описывает свою любовь к Лесбии, радуется с друзьями, или, когда в этих эпиграммах нападает на своих неприятелей. Везде он откровенен и правдив. Родился он, по свидетельству блаженного Иеронима в 87 г. н.э. в Вероне. Благодаря состоятельности отца он получил хорошее воспитание. Скоро он попадает в Рим, где в кружке молодых ученых и поэтов занимается

⁵⁵ Вехов С.И. К вопросу о сочинениях по истории Рима Гн. Ауфидия Басса и Г. Плиния Старшего. Варшава: тип Варшавского Учебного округа, 1900. С. 10.

⁵⁶ Там же. С. 12.

⁵⁷ Вехов С.И. Избранные песни Катулла. Ростов-на-Дону, 1916.

с александрийскими учеными. Даже сохранился его перевод од Саффо и поэмы Каллимаха о Беренике. Знаком он был со знаменитым оратором Гортенziem, Корнелием Непотом, А. Полионом и Кв. Варроном. Его близкими друзьями были поэт Гельвий Цинна (Helvius Cinna), оратор Лициний Кальв, который основал ораторскую школу по принципам Лисия, а не патетического Гортенсия и Цицерона. Поэтому Цицерон выступил против его приверженцев и назвал их *Cantores Euphorionis* и ослабил их подражание александрийцам⁵⁸. В его любовных песнях встречаем имя Лесбии; конечно, это не настоящее имя. Она, как нам известно, по другим источникам, называлась Клодия и была сестрой П.К. Пульхра и женой Квинта Метелла, которую в своих письмах и речах описывает Цицерон, как необыкновенно красивую женщину. Долго держала Клодия его при себе, пока он не освободился от неё. Кажется, любовь эта повлияла на преждевременную его смерть. Умер он по свидетельству Иеронима Блаженного в 57 г. но этого не может быть, т.к. в сочинениях своих упоминает он ещё о событиях 54 г., поэтому принято считать именно этот год годом его смерти. По своим политическим убеждениям он был врагом Цезаря и осмеивал его в своих эпиграммах. Сохранилось 116 его стихотворений, которые делят на три части: 1–60 – мелкие сочинения различных размеров; 60–68 – большие пьесы; 69–116 – эпиграммы.

Хотя круг его идей довольно узок, хотя он не интересуется ни социальными вопросами, ни искусством, ни наукой, он ценен для нас своей откровенностью и любовными чувствами. Что касается внешней стороны его сочинений, то встречаем у него много грецизмов, много простонародных слов, уменьшительных форм, потому, что писал он для кружка своих друзей, а не для славы. Размер его стихотворений: дактиль, триметр ямба и т.д. Катулл верил в свою славу, и в конце первого стихотворения говорил *quod o patrona virga, plus uno maneat perenne saeculo*. Что касается популярности у древних, то Гораций его не любил, хотя существуют разные интерпретации соответственно места его сатир. Но очень ценили его Овидий и Проперций, а Марциал часто называет его *elegantissimus poetarum*. Но все это не помешало ему быть совершенно забытым уже в V веке.

⁵⁸ Вехов С.И. Избранные песни Катулла. Ростов-на-Дону, 1916. С. 3–4.

В новое время восхищаются Катуллом Нибур и Маколей. Рукописи его очень редки. Как было отмечено ранее, в V в. он был уже забыт и открыли его только в XIX в. В начале XIX в. была перевезена в Верону его рукопись, но откуда, неизвестно, ибо сама она затем была бесследно утрачена. На эту рукопись обратил внимание английский ученый Силли в 1830 г.

Первое издание Катулла вышло в XV в. Около 1470 г., Паллария Сруска в 1496 г., в XVII в. – издание Муррета, известного знатока римской литературы; с XVII в. Фосса, с XIX в. – Лаффманна, Швабе, Бернса с латинскими комментариями и ряд других изданий Тойбнера. Из сочинений о Катулле С.И.Вехов упоминает сочинения Вестфаля, Швабе и Рибекса⁵⁹.

Далее, автор помещает в пособие перевод 83-х стихотворений Катулла с комментариями. Комментарии – это объяснение особенностей употребления той или иной формы, встречающейся в данном стихотворении.

Например, *aliquid* всегда обозначает что-то величественное, знаменитое; *leridem* – относится к наружной стороне книги; *perennis* – из года в год, существующий, вечный; *polliere* – обещать, дать обед⁶⁰.

Весьма популярным среди профессоров-классиков Варшавского университета являлся римский историк Публий Корнелий Тацит. Примечательно, что Тацита со студентами изучали как С.И. Вехов, так и А.М. Придик: первый «Анналы», второй – «Диалоги об ораторах»⁶¹. Этому автору и было посвящено следующее пособие, изданное С.И. Веховым⁶².

Свой курс Сергей Иванович начинает с изложения биографии Тацита. Тацит, по его словам, представляет крупную величину не только в римской, но и во всемирной литературе. В частности, как историк и писатель, он оказал большое влияние на последующих историков. Сведения о жизни Тацита, по словам автора, весьма скудны. Весь материал, которым мы располагаем в этом случае, сводится к 2–3 автобиографическим заметкам в его сочинениях, к нескольким письмам к нему Плиния Младшего, его друга, да 2–3 пассажа из других писем Плиния. Позднейшие писатели о нем не говорят почти ничего. Поэтому на многие вопросы в биографии Тацита нельзя дать

⁵⁹ Вехов С.И. Избранные песни Катулла. Ростов-на-Дону, 1916. С. 7.

⁶⁰ Там же. С. 18.

⁶¹ ГАРО Ф. 527. Оп.1. Д. 217. Л. 47.

⁶² Вехов С.И. Введение в объяснение сочинений Тацита. Курс, читанный студентам-историкам ВИУ в 1913–1914 гг. Варшава, 1914.

точного ответа. Так, прежде всего, мы не в состоянии даже определить личное имя (*praenomen*) Тацита. Правда, в некоторых рукописях (в частности в *Codex Mediceus*) на месте *praenomena* Тацит стоит буква *P.*, что означает *Publius*, но в настоящее время уже доказано, что эта буква написана уже другими чернилами, чем все остальное, хотя и тою же самое рукою. Что же касается древних, то Аполлинарий Сидоний два раза (Ер. IV. 14. 22) называет его Гаем. Но в большей части исторической литературы его именуют «*Publius*»⁶³.

Неизвестно также, где родился Тацит. Существует мнение, что местом его рождения был умбрийский город Интеррамна (ныне Тернии в Южной Италии). Основанием для этого является заметка относительно императора Клавдия Тацита (III в.), которую передает *Flavius Horiiscus*⁶⁴. Однако такое предположение не может быть основательным. Это отнюдь не служит доказательством родства между писателем и императором, а во-вторых, если бы оба Тацита были родственниками, то это вовсе не значит, что они родились в одном городе. В 3-й части *Анналов* Тацит называет Сеяна презрительно *municipalis adulta* («Провинциальный Дон Жуан»)⁶⁵. На основании этой фразы родилось предположение, что сам Тацит как раз и был римлянином.

О времени рождения Тацита тоже нет прямых свидетельств, а определяется оно весьма приблизительно. Здесь имеет значение письмо Плиния Младшего к Тациту, где он говорит, что они с Тацитом почти ровесники. В другом месте тот же Плиний говорит, что Помпея погибла, когда ему было 18 лет. А так как гибель Помпеи относится к 24 августа 79 г., то значит, Плиний родился в 61 г. и примерно в то же время родился и Тацит.

Относительно происхождения Тацита мы тоже ничего не знаем. По мнению С.И.Вехова, он был всаднического сословия. Плиний Старший в «Естественной истории» (VII, 16, 76) говорит о некоем Корнелии Таците, прокураторе в Бельгийской Галлии и родственнике историка, причем называет его римским всадником, а так как звание всадника давалось не только одному лицу, а всей фамилии, то можно предположить, что историк тоже принадлежал этому сословию. Равным образом мы не знаем, как шла юность Тацита, его воспитание и образование. Но можно с уверенностью

⁶³ Вехов С.И. Введение в объяснение сочинений Тацита. Курс, читанный студентам-историкам ВИУ в 1913–1914 гг. Варшава, 1914. С. 4.

⁶⁴ Там же. С. 5.

⁶⁵ Там же. С. 6.

сказать, что Тацит получил хорошее образование, такое, какое получали тогдашние юноши высшего класса. Да, и независимо от этого, он, не получив образования, не мог бы достигнуть такого высокого литературного развития. Не подлежит сомнению, что Тацит, подобно другим молодым людям того времени слушал знаменитых тогда ораторов – Марка Апра и Юлия Секунда⁶⁶. Сам историк так говорит о своем увлечении этими ораторами (Dial.de orat. II): «Их обоих я не только внимательно слушал на дому с необыкновенным рвением и юношеским жаром старался усвоить их разговоры, прения и интимные беседы».

В начале своей литературной деятельности Тацит, возможно, сам пробовал свои силы в публичных местах, на суде, т.е. мог заниматься адвокатурой. Весь сюжет его произведения «De orat.» показывает, что он близко принимал к сердцу ораторские интересы. Кроме того, у Плиния Младшего мы находим место, где он хвалит Тацита, как оратора (Ep., II, 1). Что касается государственной деятельности Тацита, то она, начавшись при императоре Веспасиане, должностью квестора, продолжалась при Тите, в правление которого Тацит занимал следующую должность, но какую именно – курульного эдила или плебейского трибуна, мы не знаем⁶⁷. Достоверно известно, что при императоре Домициане в 88 г. Тацит был претором (Ann. XI, 11). После этого он с женой (дочерью знаменитого Агриколы) и дочерью отправился куда-то из Рима и отсутствовал 4 года. Может быть он управлял провинцией, может, оставил Рим вследствие недовольства политической жизнью. Более вероятно первое предположение. В эти 4 года отсутствия положение дел в Риме не изменилось к лучшему, а наоборот, стало хуже, т.к. Домициан с каждым годом становился деспотичнее и подвергал преследованиям все свободное и независимое в государстве.

Свое тяжелое впечатление об обстановке в Риме после возвращения Тацит выражает в 44–45 гг. в биографии Агриколы, где, говоря о его преждевременной кончине, добавляет, что Агрикола ускользнул от того времени, когда Домициан одним натиском решил погубить республику и уничтожить курию. В последние годы царствования Домициана Тацит не принимал участия в государственных делах, оставаясь невольным зрителем всех ужасов

⁶⁶ Вехов С.И. Введение в объяснение сочинений Тацита. Курс, читанный студентам-историкам ВИУ в 1913–1914 гг. Варшава, 1914. С. 9.

⁶⁷ Там же. С. 10–11.

правления этого тирана. Высшей общественной должности консула Тацит достиг в 97 г. при императоре Нерве. С этого времени мы теряем всякий след политической карьеры Тацита. В 100 г. он был назначен вместе с Плинием Младшим адвокатом для Африканской провинции на процесс против проконсула Мария Приска. Хотя Приск проиграл этот процесс, однако награбленные им за время управления провинцией богатства так и остались за ним. Поэтому Тацит и говорит, что проигравший процесс, весело пирует. Есть, кроме того, ещё несколько несомненных дат из жизни Тацита. Одной мы обязаны археологической находке в виноградниках некоего Амендоло по *Via Appia*⁶⁸. Находка эта представляет из себя завещание одного неизвестного лица, относящееся к 109 г. В этом документе в числе прочих упоминается и Тацит: ему и Плинию Младшему завещатель отказывает два фунта золота. Значит, в консульство Адриана в 109–110 г. Тацит ещё был жив.

Вторая дата заключается в словах самого Тацита. В 62 гл 11 книги *Анналов* Тацит говорит о Персидском заливе, как Восточной границе Римской империи. Между тем известно, что эта граница была установлена императором Траяном в 115 г., а в 117 г. берега Персидского залива были вновь потеряны. Значит, в эти годы 115–117 гг. Тацит ещё жил, но, когда он умер, нам неизвестно⁶⁹.

Затем С.И.Вехов переходит к рассмотрению литературной деятельности Тацита. Все сочинения Тацита по объему делятся на два разряда: *opera minora* и *opera maiora*. Первые являются более ранними по времени написания, а вторые – более поздними. Самым же ранним в хронологическом отношении должно быть названо сочинение Тацита «*Dialogus de oratoribus*» («Диалог об ораторах»). Это сочинение дошло до нас в рукописи с другими произведениями Тацита и с подписью его имени⁷⁰. Цель написания «Диалога» - желание уяснить причины упадка красноречия в первый век империи. Разговор приурочен к 6-му году правления Веспасиана (74–75 гг.), причем действующими лицами являются выдающиеся ораторы времени Веспасиана – М. Апри, Юлий Секунд, Куриаций Матерн. Вопрос рассматривался с 2-х сторон: Марк Апри, уроженец Галлии, приобретший в Риме хорошее со-

⁶⁸ Вехов С.И. Введение в объяснение сочинений Тацита. Курс, читанный студентам-историкам ВИУ в 1913–1914 гг. Варшава, 1914. С. 13.

⁶⁹ Там же. С.14.

⁷⁰ Там же. С.16.

стояние и положение, утверждает, что в сущности никакого упадка красноречия в сравнении с республиканским периодом не произошло, а, напротив – оно стоит даже выше. Против этого выступает Мессала, который в качестве причины упадка красноречия указывает на недостаточное изучение права и философии, а Матерн видит причину упадка в изменившихся политических условиях – в падении республиканского строя. Все сочинение написано в либеральном духе и потому едва ли было издано при Домициане, а вероятнее – при Нерве или Траяне⁷¹.

Следующим по времени сочинением Тацита является его «Жизнеописание Агриколы» в 46 главах. Написано оно было, вероятнее всего, в начале правления Траяна. Содержанием этого сочинения служит описание жизни и деяний Агриколы, тестя Тацита, особенно в период его командования в Британии, но главным образом описание Британии, её народов и войн, которые вели здесь римляне. Кроме того, здесь же высказывается резкий протест против темных сторон правления Домициана. В форме сочинения явно сказывается влияние Цицерона и Саллюстия; написано оно в панегирическом тоне, тем не менее нельзя отрицать искренности теплого чувства, которое автор проявляет к своим героям⁷².

Третьим в хронологической последовательности трудом Тацита была «Германия» или «De origine et situ Germaniae». Это сочинение представляется весьма важным источником для знакомства с первобытной жизнью германских племен и потому всегда привлекало особое внимание историков, посвятивших себя изучению германского народа. Время его написания точно определяется на основании 37 глав, где говорится, что со времени первого нападения на Рим кимбров до второго консульства Траяна прошло 210 лет. Из этого следует, что окончено и издано это сочинение было в 98 г.⁷³.

По содержанию «Германия» разделяется на две части. В первой (гл. 1–27) дается общая характеристика страны и населения со стороны географического положения, устройства поверхности, климата, а также описывается религия, общественный строй, формы и обычаи частной жизни и т.п. Во второй части (28–46 гл.) говорится о каждом народе в отдельности, начиная с

⁷¹ Вехов С.И. Введение в объяснение сочинений Тацита. Курс, читанный студентам-историкам ВИУ в 1913–1914 гг. Варшава, 1914. С. 18.

⁷² Там же. С. 19–20.

⁷³ Там же. С. 20.

запада и кончая севером и прибалтийским краем. План сочинения чрезвычайно выдержан и с этой точки зрения сочинение безупречно. Об источниках своей «Германии» Тацит сам упоминает в нескольких местах, например, в гл. 28 упоминает о Цезаре, имея в виду, конечно, «Записки о галльской войне». Кроме Цезаря у него был целый ряд других авторов, писавших о Германии, как Саллюстий и Плиний Старший (сочинения которого о Германии не дошли до нас), также, как и Ливий. Кроме того, не подлежит сомнению, что Тацит пользовался устными рассказами римлян, побывавших в Германии. Что касается вопроса, был ли сам Тацит в Германии, то на него следует ответить отрицательно, т.к. Тацит не преминул бы упомянуть об этом. Весьма много дебатировался в науке вопрос о цели написания «Германии», причем было высказано много различных мнений⁷⁴. По мнению некоторых Тацит имел в виду прославить свой народ, которому суждено было создать новую культуру вместо дряхлеющей классической, но это мнение малообоснованно и односторонне. Другие говорили, что он имел в виду практические интересы, а именно: желал возбудить своих соотечественников возвратиться к первоначальной чистоте нравов, изображая простую жизнь германцев. Но автор изображает не только положительные, но и отрицательные черты. Существует и третье мнение, что Тацит имел в виду предостеречь императора Траяна от походов на германцев, которые ничего хорошего римлянам не обещали. Однако все содержание сочинения свидетельствует о том, что Тацит преследовал отнюдь не политические цели, а научные, желая познакомить своих читателей с географическими и этнографическими сведениями относительно Германии. А что Тацит симпатизировал германцам, совершенно естественно: автор противопоставляет развратную жизнь римлян нравственной чистоте германцев. Таковы сочинения I-го разряда. Что касается крупных произведений Тацита, то первым из них является его «История». Мы видим, что Тацит начинает свое повествование с более раннего периода – именно с года трех императоров», т.е. со смерти Нерона, после которого в течение одного года (68 г.) на римском престоле 3 императора – Гальба, Отон и Вителлий⁷⁵. Далее он говорит о правлении Ве-

⁷⁴ Вехов С.И. Введение в объяснение сочинений Тацита. Курс, читанный студентам-историкам ВИУ в 1913–1914 гг. Варшава, 1914. С. 21.

⁷⁵ Там же. С. 25–26.

спасиана и Тита, и потом уже Домициана. До нас сохранилось только четыре книги целиком и часть пятой, в которой находится описание экспедиции Тита против Иерусалима. Время написания сочинения 104–105 г., как можно заключить из писем Плиния.

Затем автор переходит к рассмотрению второго крупного произведения Тацита – «Анналы». В нем Тацит описывает времена более ранние, чем в «Истории», начиная со смерти Августа. Анналы в 16 книгах охватывают события со смерти Августа до свержения Нерона и второго консульства Гальбы. До нас Анналы дошли в полном виде, всего около 2/3, именно: 1–4 кн. Полностью, 5-я – без начала, 6-я далее – прямо 11 без начала и следующая по 16 кн. В утраченной части Анналов говорилось о последних годах правления Тиберия и о времени Калигулы. Время написания Анналов определяется приблизительно на основании 61 гл. II книги⁷⁶.

Тацитом использовались самые разные источники (мемуары Агриппины, матери Нерона), мемуары Тиберия, Клавдия, работы историков Ауфидия Басса, Плиния Старшего, Клувия Руфа). Тацит является одним из великих писателей не только римской, но и всемирной литературы.

Произведения Тацита отличаются беспристрастием. Тацит пишет свой труд *sine ira et studio*, для которых у него нет причин. Наконец, Тацит по своим убеждениям принадлежал к сенатской партии, желавший, чтобы управление делами перешло в руки сената, между тем, как политика императора была направлена к постепенному лишению власти сената. Тацит, однако, никогда не выступает как принципиальный враг империи. Он лишь требует того, чтобы император с единовластием сохранил свободу сограждан⁷⁷. В своей литературной деятельности Тацит находился под влиянием Цицерона, что особенно сильно заметно в «Диалогах». Нередко у Тацита наблюдается пропуск слов, а отсутствие союзных частей – обычное явление. Кроме того, у Тацита замечается обилие поэтических выражений и образов – черта, свойственная всем писателям серебряного века. Ни один из писате-

⁷⁶ Вехов С.И. Введение в объяснение сочинений Тацита. Курс, читанный студентам-историкам ВИУ в 1913–1914 гг. Варшава, 1914. С. 27.

⁷⁷ Там же. С. 30.

лей той эпохи не оказал такого воздействия на чувства и воображение читателей, как Тацит⁷⁸. Тацит стоял выше уровня интересов тогдашнего общества и сделался трудным для понимания. Этим и объясняется малое количество дошедших до нас древних рукописей его сочинений⁷⁹.

Далее автор переходит к переводу и комментариям сочинения Тацита «Германия». Здесь же мы находим объяснение отдельных слов и выражений.

Например, словосочетание *in universum* – у автора «если рассматривать её вообще», *aspecies* – «по виду», «*exemplo*» – с помощью примера; «*nes aut sacris adesse*» – при всех священных обрядах, и т.д.

По прибытию Варшавского университета в Ростов-на-Дону многие преподаватели резко ощутили нехватку научной литературы. Остро ощущалась и недостаток учебников, что побудило профессию к их написанию. Один из таких учебников был написан С.И. Веховым⁸⁰

Занятия латинской грамматикой, по словам автора учебника, начались в древности очень рано. Уже такие древние писатели, как Энний, Аппий Клавдий Цек, Луцилий-сатирик и др. занимались грамматическими вопросами, но эти занятия не имели систематического характера. Эти писатели касались, главным образом, орфографических вопросов, как, например, обозначается долгота через удвоение гласного, старались усовершенствовать алфавит и т.д. В VI в. когда началось сближение Рима с Грецией, особенный интерес и толчок к более интенсивному изучению латинской литературы был дан греческим грамматиком Кратесом из Молоса, который в качестве дипломата находился в Риме в 159 г. до н.э. Он в публичной лекции познакомил римлян с греческими грамматическими теориями, которые определили характер римских грамматических исследований. Интерес к грамматике обуславливался ещё и практической потребностью грамматических знаний при объяснении древнейших памятников языка, становившихся уже непонятными в то время. Первым латинским грамматиком был Люций Элий Столон Преконим (143 г. до н.э.)⁸¹ известный комментатор целого ряда древнейших памятников латинского языка: *carmen saliarie*, *leges XII tabularum* и

⁷⁸ Вехов С.И. Введение в объяснение сочинений Тацита. Курс, читанный студентам-историкам ВИУ в 1913–1914 гг. Варшава, 1914. С. 32.

⁷⁹ Там же. С. 32–33.

⁸⁰ Вехов С.И. Историческая грамматика латинского языка. Курс читанный студентам классикам в 1915–1916 акад. году профессором С.И. Веховым. Ростов-на-Дону, 1916.

⁸¹ Там же. С. 3.

др. Он не был чужд теоретических занятий грамматикой и писал сочинения по грамматике. Но гораздо большей известностью пользовался его ученик Марк Теренций Варрон, труд которого «*De lingua Latina*», относящийся к концу республиканского периода может быть назван первым систематическим в полном смысле этого слова трудом по латинской грамматике. Он является последователем теории т.н. «закономерности», последовательности в явлениях языка, хотя в учении о флексиях он является аномалистом. Как известно существовало два направления в изучении языка. Одно представлено александрийскими учеными, которому положил начало Аристарх, признавало закономерность в явлениях языка, и поэтому называлось *analogia*, другое, принятое Пергамской школой, учило что язык капризен, непостоянен и что в нем нельзя искать никакой закономерности, и потому было известно под именем теории об аномалиях языка. За ним следует Цезарь, написавший «*De analogia*» в 20-х книгах, который заявил себя решительным сторонником Аристарховского принципа в объяснении явлений языка. Далее, из того же времени Публий Нидтий Фигул, автор «Грамматических комментариев», очень объемного труда в 30 книгах⁸². Ко времени императора Августа, который по Светонию, не чужд был интереса к грамматическим вопросам, следует отнести Веррея Флакка, автора сочинения по семасиологии «*De verborum significatu*». Но, к сожалению, эти сочинения до нас не дошли, а сохранились только в извлечениях в словаре Феста и Павла Диакона, которые являются одними из важнейших источников изучения латинского языка. Большим уважением пользовался грамматик I в. Юлий Модест, но особенно был уважаем Квинт Реммий Полемон – автор некоего систематического руководства, составленного им по образцу соответствующего греческого труда Дионисия Фракийца, причем он, однако, заимствовал у греков только систематичность, самостоятельно обрабатывал факты и послужил образцом для дальнейших грамматиков. Не чужд был занятий грамматикой и Плиний Старший, написавший сочинение «*Dubiis e sermonis*». В сочинении его современника Квинтилиана, посвященном риторике «*Instituta oratorum*» есть разделы, посвященные вопросам грамматики. К IV в. принадлежал Гай Юлий Римлянин, послуживший главным источником для Харизия,

⁸² Вехов С.И. Историческая грамматика латинского языка. Курс читанный студентам классикам в 1915–1916 акад. году профессором С.И. Веховым. Ростов-на-Дону, 1916. С. 4–5.

но от его сочинений сохранились лишь небольшие отрывки. Далее – современник Диоклетиана Martius Plotius Sacerdus, от которого сохранился труд «Ars grammatica» в трех книгах. К этому же времени, видимо, принадлежит и Нонний Марцелл, сочинение которого хотя и не имело специального грамматического содержания, но весьма важно для знакомства с древним языком. Его труд носит, скорее, энциклопедический характер. Нужно заметить, что Нонний обнаруживает слабые способности к критике, что дало повод некоторым ученым называть его «бараном с золотым руном» по причине важности тех сведений, которые он сообщает. К этому же веку принадлежит Марий Виктор – автор сохранившегося в несколько измененном виде «Ars grammatica» в 4 книгах⁸³. Далее упоминают Флавия Соситрата Харизия (конец IV в.), труда, который сохранился в 5 книгах и Диомеда, причем оба они, как и грамматик Досифей пользовались почти одинаковыми источниками. К началу VI в. относится грамматик Присциан из Цезореи в Мавритании. Его руководство «Institutionem grammaticarum libri» составлено в методологическом отношении по греческим источникам и равным образом, фактически примыкает к Флавию Капру. Упомянем также к VI в. Аврелия Кассидория Сенатора, автора «De orthographia». Оценивая вообще результаты деятельности римских грамматиков, С.И. Вехов указывает, что в общем виде они всецело основаны на трудах греческих ученых, но порой они применяли их к потребностям латинского языка и иногда даже усовершенствовали их. Но научной грамматики в нашем смысле не существовало⁸⁴. Главное внимание уделяется фактам, и потому труды латинских грамматиков по большей части представляли накопление цитат из разных авторов и имели для нас значение как сборники материала.

Средние века в области развития грамматики латинского языка ничего нового не дали. В это время писали учебники только для ознакомления с латинским языком. С эпохи Возрождения грамматикой начали интересоваться многие, но в смысле методологии ничего не было сделано вплоть до XIX в. По мнению С.И. Вехова, даже в издании *Vorlesungen über Lateinische Sprach-wissenschaft* Рейзига и Хааса в середине столетия мы не видим ничего нового⁸⁵. Впервые ощутимый прогресс заметен у Шнейдера, но наибольший

⁸³ Вехов С.И. Историческая грамматика латинского языка. Курс читанный студентам классикам в 1915–1916 акад. году профессором С.И. Веховым. Ростов-на-Дону, 1916. С. 7.

⁸⁴ Там же. С. 8–9.

⁸⁵ Там же. С. 9.

успех был достигнут под влиянием сравнительного языкознания. Другим фактором, оказавшим не меньшее влияние на изучение латинского языка, были успехи эпиграфики, которая знакомит нас с древнею латынью гораздо более, чем древняя литература. Переломными стали вторая половина XIX – начало XX столетия, когда появилось очень много трудов по исторической грамматике⁸⁶.

В практической части учебника автор начинает изложение грамматики с *vocativus singularis*, затем переходит к рассмотрению *accusativus, genetivus, dativus, ablativus sing.*

Следующий специальный курс, читаемый С.И.Веховым студентам-классикам в 1915–1916 г. был посвящен сатирам Персия⁸⁷.

Автор признает, что Авл Персий Флакк – поэт не первоклассный и не особенно читаемый. Причиной этого является его непонятность для большинства. Но несмотря на это все-таки заслуживает он изучения по двум причинам: первая – тот нравственный идеал, который он пропагандирует, проповедует в своих произведениях есть нравственный идеал лучшей части тогдашнего римского общества; вторая – отрицательная – его сатиры служат ярким выразителем упадка эстетического вкуса и литературного таланта в т.н. «серебряный период» римской литературы и сам Персий является одним их представителей этого периода. Чтобы яснее и правильнее судить о сатирах Персия, необходимо ознакомиться с жизнью писателя. Сведения у нас относительно жизни писателя не велики, а собственные произведения писателя дают очень мало материала. Мы имеем только сведения о том, что существовала биография, написанная Валерем Пробом Сублатом из Берита, грамматиком, писавшем при Нерве, комментатором Теренция, Вергилия, Невия, извлечения из которых также составляют дошедшую до нас биографию Персия, приписываемую вышеупомянутому автору⁸⁸. Благодаря этой биографии и лицам, окружающим писателя, мы можем довольно ясно выяснить, если не внешние обстоятельства, то нравственную и умственную атмосферу, в которой жил и работал поэт.

⁸⁶ Вехов С.И. Историческая грамматика латинского языка. Курс читанный студентам классикам в 1915–1916 акад. году профессором С.И. Веховым. Ростов-на-Дону, 1916. С. 11.

⁸⁷ Вехов С.И. Объяснение сатир Персия. Курс читанный в 1915/1916 акад. году студентам-классиками Императорского Варшавского университета профессором С.И. Веховым. Ростов-на-Дону, 1916.

⁸⁸ Там же. С. 3–4.

По уже сложившейся традиции, С.И. Вехов начинает курс с биографии Персия. Персий родился 4 декабря 34 г. в этрусском городе Волатерах. Принадлежал к всадническому сословию. Он был в родстве со знаменитым сенатором. Шести лет лишился отца. Мать его Фульвия Сизенния вышла вторично замуж за римского всадника Фузия. Но, впрочем, она вскоре снова овдовела. До 12 лет Персий воспитывался в Волатерах, а потом в Риме, где учился у грамматика Реммия Полемона, человека не особенно нравственного – корыстолюбивого, неводержанного, но весьма ученого специалиста в своей области, обладавшего замечательной памятью и талантом изложения. Затем он учился у ритора Вергиния Флавы, написавшего трактат об ораторском искусстве, о котором Квинтилиан отзывается с большим уважением. По достижению 16 лет в 43 г. он должен был выбрать себе руководителя для дальнейшего образования. В республиканский период такими руководителями избирали преимущественно крупных ораторов⁸⁹. После падения Республики, когда политическая жизнь менее захватывала общество, когда красноречие потеряло всякое значение и лучшим людям приходилось искать средства утешиться в невзгодах – то стали избирать руководителями философов. Особенно много нашла приверженцев стоическая школа, и родители обращались к философам-стоикам. Руководителем Персея был выбран Анней Корнут, человек многосторонне образованный, высоконравственный, смелый и твердый в своих нравственных и политических убеждениях. Влияние стоических принципов следует иметь в виду, чтобы оценить строгий, суровый и высоконравственный тон сатиры Персия. Из других лиц мы знаем родственника поэта по жене Пета Фразия, которого Тацит (Ann.19.21) называет *ipsam virtutem*. Он обладал высоким авторитетом в сенате, будучи благоразумным и последователем стоицизма. В сенате не только прислушивались к его речам, но и к молчанию. Он даже пользовался уважением Нерона. Чтобы ещё яснее представить Пета Фразия, достаточно вспомнить его гражданское мужество, описанное Тацитом (Ann. 14.12), которое проявилось следующим образом. Когда Нерон представил в сенате апологию смерти своей матери Агриппины, и обвинил её чуть ли не в зло-

⁸⁹ Вехов С.И. Объяснение сатир Персия. Курс читанный в 1915/1916 акад. году студентам-классиками Императорского Варшавского университета профессором С.И. Веховым. Ростов-на-Дону, 1916. С. 4.

деяниях, Пет Фразий вышел из сената, причинив себе погибель и не доставив другим свободы, как выразился Тацит⁹⁰. Пет Фразий принужден был лишиться себя жизни в 59 г., вскрыв себе вены. Далее Квинтилиан (X 1, 96) упоминает Цезия Басса, лучшего лирика после Горация. Затем Персий был знаком с поэтом Луканом, который с восторгом приветствовал произведения Персия и высоко его ценил. Но вряд ли между ними могла существовать тесная дружба, преградой к которой послужила их разность характеров, шаткость убеждений Лукана, лесть его к Нерону и колебание его при смерти. Он был дружен с Плоцием Макрином – homo eruditus по Схолиасту, которому посвящена вторая сатира. Затем Персий знал Сенеку, как замечает древний биограф, не был особенно восхищен его талантом, потому, что Сенека был придворным философом. Далее, упоминают в числе лиц, близких к Персию, лакедемонского врача Клавдия Агамвера и Петрония Аристократа из Магнезии, к которым он относился с уважением. Наконец, называют историка Сервия Поппиана, которого поэт почитал как отца за то, что тот был как бы идеалом стоической философии. Вот по этим лицам мы можем судить о той умственной или нравственной атмосфере, в которой жил Персий. К этому ещё можно прибавить, что Персий отличался слабым здоровьем, несмотря на красоту, вел в высшей степени нравственную жизнь и отмечает его любовь к родственникам и литературе. Персий умер, не достигнув 28 лет, а не на 30-м году, как сообщает биограф. Он оставил 2 млн. сестерций, которые завещал Корнуту, но от которых тот отказался, приняв только библиотеку, которая содержала было 700 книг стоика Хризиппа. Кроме шести сатир, дошедших до нас, из которых последняя не была окончена, т.к. Корнут, которому он поручил издание, по просьбе Цезия Басса, тот отбросил конец и немного изменил, упоминает ещё *Præfata vespicio* или *restio* – трагедии из римской жизни и т.н. путевые заметки. Но конечно главные произведения Персия – это сатиры⁹¹. Он пишет сатиры не потому, что был знаком с современной жизнью, а, вероятно, потому, что писал под влиянием Луцилия, т.к. тот был проповедником идеалов и принципов стоической философии, приверженцем которой был сам Персий.

⁹⁰ Вехов С.И. Объяснение сатир Персия. Курс читанный в 1915/1916 акад. году студентам-классиками Императорского Варшавского университета профессором С.И. Веховым. Ростов-на-Дону, 1916. С. 5–6.

⁹¹ Там же. С. 7.

Задача сатиры – изображение века, реальных и современных поэту недостатков, с которыми Персий был знаком очень мало. Отсюда и недостатки сатиры Персия. Он изображает недостатки книжные и общечеловеческие. Бросается в глаза отсутствие местного времени и колорита. Видимо, он просто плохо знал современников. Только в 6-й сатире он описывает триумф Калигулы, да в 1-й сатире 92–102 стихах схолиаст замечает: *hi versus Neronis sunt*.

Содержание сатир составляет пропаганду нравственных начал стоической философии. Поэт высказывает наблюдения, основанные, скорее, на книжных рассуждениях, чем на действительных фактах. Отсюда преувеличение философских идеалов, к чему были так склонны стоики, над чем смеялся даже Гораций и преувеличенные нападки на непосвященных в философию людей и житейские знания. Так, Персий высказывает резкое неприятие профессии купца (IV. 132–160). Незнание жизни является причиной того, что Персий подражал своими предшественникам. Отличительной чертой сатир Персия является темнота. О ней много толковали. На самом деле темнота происходит: 1) от стремления к оригинальности в слоге, особенно распространяемом в серебряный период римской литературы; 2) от быстроты и резкости переходов от одной мысли у другой, от недостаточного выяснения главной мысли и чрезмерного развития мыслей второстепенных. 3) от того, что Персий часто прибегает к драматическим формам изложения, но делает это так неумело, что трудно определить, где начинается, а где кончается диалог⁹².

Положительными чертами сатир Персия, заставляющими нас внимательнее относиться к поэту, являются: скромность – *rudicia* и высота нравственных идеалов; далее – в его сочинениях проглядывает искренность, с которой он проповедует свои идеалы; кроме того, весьма многие места имеют многие достоинства, вследствие которых Персий читается с интересом. К этому ещё следует прибавить, что современники с интересом относились к сатирам Персия. (См., например, Mart. IV. 29, 7). Но всего важнее отзыв Квинтилиана: *multum et verae gloriae quavis uno libro Perseus meruit* (Inst. X. 1. 94). Много ссылок, цитат и похвал Персию мы встречаем у Лактанция, Августина и особенно у Иеронима, которые отмечают высоту нравственного идеала. Такое отношение к Персию встречается и в Средние века.

⁹² Вехов С.И. Объяснение сатир Персия. Курс читанный в 1915/1916 акад. году студентам-классиками Императорского Варшавского университета профессором С.И. Веховым. Ростов-на-Дону, 1916. С.10.

С эпохи Возрождения взгляды на Персия разделились. Вследствие этого возник спор между Юлием Цезарем Скалигером и его сыном Иосифом с одной стороны, и Казобоном с другой. Юлий Скалигер назвал Персия *miserrimus auctor*, но в защиту Персия выступил его комментатор Казобон. В древности Персия читали многие, о чем свидетельствуют многочисленные рукописи. Древние рукописи, содержащие отрывки Персия находятся в Ватиканской библиотеке, общий объем которых 32 стр.– отрывки из Персия⁹³.

Далее С.И. Вехов переходит к содержанию сатир Персия. Оно, по словам исследователя, мало навеяно современной поэту действительностью. Содержание сатир всецело основано на литературных знаниях и источниках. Только 1-я сатира в значительной степени может быть признана отражением действительно современной ему жизни и именно в той области, в которой он был наиболее сведущ, наиболее компетентен – в области литературы. В 1-й сатире Персий рисует отрицательные стороны господствующих литературных направлений и господствующих в обществе его времени мнений и вкусов. Он считает лезть низменным инстинктом публики, не достойной истинного поэта. Далее он думает, что стремление к изысканности формы приводит к неестественности и вычурности выражений. Во 2-й сатире «о молитве» он освещает ложный взгляд некоторых людей на молитву и говорит, что большинство людей обращаются к богам с безнравственной просьбой. В 3-й сатире он доказывает необходимость воспитания на принципах философии вообще и в частности – стоической философии для того, чтобы избежать подчинения внешним обстоятельствам или старости. В 4-й сатире он трактует о необходимости самопознания, о необходимости наблюдения за самим собою, а не осуждение других людей. В 5-й сатире, посвященной Корнуту, Персий сначала высказывает благодарность за нравственное добро, которым ему обязан, затем рисует общечеловеческие заблуждения, слабости, пороки, свойственные слабым людям и противопоставляет им Корнута: в заключение он говорит об истинной свободе, которая состоит в том, чтобы поступать сообразно с требованиями истины и правды.

⁹³ Вехов С.И. Объяснение сатир Персия. Курс читанный в 1915/1916 акад. году студентам-классиками Императорского Варшавского университета профессором С.И. Веховым. Ростов-на-Дону, 1916. С. 12.

6-я сатира написана Персием не в Риме, в городе Луке близ Генуи в 9 г. обращена она к Цеию Бассу: в ней Персий говорит о правильном пользовании земными благами и о необходимости быть свободным как от алчности, так и от расточительности. Перед сатирами помещен пролог – это явление встречается не только в литературе римской, но и в греческой. Пролог мы встречаем у Плавта, Теренция, Федра, Персия, Стация⁹⁴. Он состоит из 14 стихов и разделяется на две части. В первой части поэт говорит, что не считает себя настоящим поэтом, а во второй практически высказывает сомнения относительно вдохновения поэтов и говорит, что поэты часто пишут стихи под влиянием материальных интересов. Связь между первыми и последующими стихами не совсем ясна. Это дало повод некоторым предполагать, что обе части пролога не являются частями одного целого. Но с таким предположением нельзя согласиться, так как связь в поэме вполне ясна: именно в 1-й части Персий говорит, что он не считает себя поэтом; такую же мысль высказывает и Гораций, потому что тогда сатиру не считали принадлежащей к поэтическим произведениям. С другой стороны, Гораций говорит, что поэты часто пишут под влиянием материальных соображений. В первой части поэт скромно отзывается в своем поэтическом даровании, что дало повод Казобону сказать о Персии по поводу этого места: *singularis modestia Persii*, с чем С.И. Вехов высказывает свое несогласие ввиду того, что здесь Персий проявляет скромность только внешнюю⁹⁵.

Вторая часть работы содержит перевод произведений Персия с пояснениями и комментариями.

Без сомнения, самым фундаментальным учебным пособием С.И. Вехова был изданный им курс «История Римской литературы», который он неоднократно читал студентам I–IV курсов славяно-русского и классического отделений историко-филологического факультета Варшавского Университета⁹⁶.

История римской литературы имеет предметом изучение духовной деятельности римского народа в её историческом развитии, поскольку она

⁹⁴ Вехов С.И. Объяснение сатир Персия. Курс читанный в 1915/1916 акад. году студентам-классиками Императорского Варшавского университета профессором С.И. Веховым. Ростов-на-Дону, 1916. С. 14.

⁹⁵ Там же. С. 16.

⁹⁶ См.: Вехов С.И. История Римской литературы, читанный студентам I–IV курсов славяно-русского и классического отделений историко-филологического факультета Варшавского Императорского Университета в 1916–1917 акад. году. Ростов-на-Дону, 1916.

выразилась в произведениях его слова и засвидетельствована в его письменности. На вопрос о том, все ли памятники письменности подлежат изучению истории литературы и составляют её область или только известные категории, отвечают по разному. Одни полагают, что предметом историко-литературного изучения должны быть лишь те роды памятников письменности, которые относятся к литературе в тесном смысле этого слова, т.е. по содержанию своему являются выражением не только умственной, но и художественной деятельности народа и его творческой фантазии и имеют целью удовлетворение не только умственных, но и эстетических его запросов, не только любознательности, но и стремление к прекрасному, и т.о. являются более полным выразителем духовной природы народа, его характера, его мирозерцания. С этой точки зрения объектом истории литературы следовало бы считать ближайшим образом поэзию, а из прозы лишь некоторые роды, как красноречие, историографию, и, пожалуй, философию, но ни в коем случае ни произведения, посвященные специальным вопросам или вопросам практическим, как научные сочинения по математике, астрономии, юриспруденции, медицины и т.д., которые по содержанию должны составлять предмет изучения истории науки и истории культуры вообще, давая в то же время со стороны материал для изучения истории языка⁹⁷. Другие полагают, что все, что гений известного народа произвел в области слова, что сохранилось в памятниках его письменности от произведений его художественного вдохновения и фантазии, предназначенных для удовлетворения поэтических потребностей его души, до специальных трактатов научного и практического характера – история литературы должна рассматривать как область своего изучения со стороны содержания и со стороны формы. По мнению С.И.Вехова, вопрос должен быть решен в пользу 2-й точки зрения. Изучая историю римского народа, если бы мы захотели подобного рода, например, произведения римской письменности, древнейшего периода исключить из состава нашего материала, то нам пришлось бы исключить сакраментальные формулы религиозного и политического характера, законы XII таблиц и т.д., т.е. большинство того, что нам хоть посредственно известно из произведений римского слова за этот первоначальный период его

⁹⁷ См.: Вехов С.И. История Римской литературы, читанный студентам I–IV курсов славяно-русского и классического отделений историко-филологического факультета Варшавского Императорского Университета в 1916–1917 акад. году. Ростов-на-Дону, 1916. С. 3.

развития⁹⁸. В виду этого, рассматривая историю римской литературы, как часть истории культуры римского народа, мы признаем её объектом все, что сохранилось до нас из произведений римского слова.

Что касается вопроса о времени, которым должен быть ограничен материал, подлежащий изучению римской литературы, то и на него отвечают различно. Одни указывают на падение Западной Римской империи (476 г.), другие – доводят его до глубин Средневековья – до VIII или даже IX в. Вопрос этот решается просто и естественно, если мы принимаем во внимание, что дело идет не об истории латинской литературы, а истории римской литературы. Поэтому С.И. Вехов считает верным взгляд историка Шанца, который этот предел видит в издании по повелению императора Восточной Римской империи Юстиниана (527–565) под редакцией юриста Требония Свода гражданских законов, в котором были собраны и сведены результаты всей предшествующей деятельности римского народа в области гражданского права, т.е. в этой области, в которой он достиг величайших результатов и в которой оказал наибольшее влияние на европейские народы нового времени⁹⁹. Изучение древней классической литературы представляет большую важность для европейских народов и представляется решительно необходимым для каждого. Нельзя не признать, что главная доля заслуг в этом отношении принадлежит греческой литературе, по отношению к которой римская сама в большинстве случаев является ученицей и подражательницей¹⁰⁰. Но не может не интересоваться нас литература того народа, который создал в мире величайший государственный организм и выработал законы и правовые теории, до сего времени лежащие в основе законодательства новых народов; с другой стороны, следует вспомнить, что идеи, созданные греческим духом, получили мировое распространение и усвоение именно через посредство римской литературы. Ведь во все время средних веков греческая литература в Западной Европе была в полном забвении, а латинский язык был органом литературы, и римские писатели были единственно читаемы и изучаемы.

⁹⁸ См.: Вехов С.И. История Римской литературы, читанный студентам I–IV курсов славяно-русского и классического отделений историко-филологического факультета Варшавского Императорского Университета в 1916–1917 акад. году. Ростов-на-Дону, 1916. С. 4.

⁹⁹ Там же. С. 6–7.

¹⁰⁰ Там же. С. 8.

С.И. Вехов свое изложение начинает с латинского языка. Латинский язык есть язык истории древнего Лациума. По мере распространения господства Рима он распространился по всей Италии. Впоследствии он вышел за пределы Италии и стал языком всей Римской империи¹⁰¹. Совершенно особняком стоят лигурийский и этрусский. В развитии литературного языка С.И. Вехов выделяет 4 периода:

I – первобытный, до появления художественной литературы (VI в.)

II – архаический (от возникновения художественной литературы до времен Суллы)

III – классический (от эпохи Цицерона до конца правления Августа)

IV – период постепенного упадка латинского языка под влиянием неблагоприятностей общества¹⁰².

Первые пять веков прошли бесследно для развития римской литературы. В это время римляне были поглощены заботами о внутренней организации города и его населения, защитой от соседей и т.д. Само отношение к званию поэта было отрицательным (Cic. Tusc. I, 2 – где он говорит, что Катон поставил в упрек М. Нобилиору, что он взял с собой в Италию поэтов (Авл. Гелл. Атт. Ночи XI, 2). Пишет, что в древности поэзия не была в почете и занимавшихся её называли бродягами. Первый период – грубые и необработанные стихи, безвкусные произведения прозы. Гимны жреческой коллегии Салиев. Скучные отрывки гимнов дошли во фрагментах Варрона (De lingua Latina, VII, 26). Гораций говорит о непонятности их в его время (Epist. II. 1.86). Вторым древним памятником религиозной поэзии является гимн коллегии Fratres arvales. Затем т.н. sortes – ответы оракулов на жребиях или пластинках¹⁰³. В области поэзии частного характера изображение субъективных чувств, можно указать на carmina sjnvilavia – застольные песни, посвященные прославлению доблести предков, упоминаемые Цицероном (Tusc. 1, 2). Исполнялись под аккомпанементы флейты. По всей вероятности, это были короткие стихотворения лирического характера, содержавшие фактический материал (подвиги предков) и таким образом они могли повлиять на составление ранней истории Рима. К частным песням можно отнести

¹⁰¹ См.: Вехов С.И. История Римской литературы, читанный студентам I–IV курсов славяно-русского и классического отделений историко-филологического факультета Варшавского Императорского Университета в 1916–1917 acad. году. Ростов-на-Дону, 1916. С. 20.

¹⁰² Там же. С. 24.

¹⁰³ Там же. С. 30.

т.н. *Neniae* – плачевные песни, исполняемые под звуки флейты наемными плакальщицами на похоронах. Цицерон называет их нескладными, неуклюжими. Их образцы до нас не дошли. Далее – т.н. *Eliogia* – стихотворные надписи на надгробных памятниках. Наиболее замечательные из них – надписи на гробницах Сципионов, находящихся на *Via Appia*, найденные в к. XVIII в. Далее цитаты из стихотворений шуточного характера. Вслед за ними автор рассматривает т.н. *Carmina triumphalia* – песни, которые пелись солдатами во время триумфов (*Liv.* III, 29). Первым дошедшим до нас по времени образцом римской литературы является надпись на 4-х гранной плите, открытая в 1899 г. на римском форуме, недалеко от предполагаемой гробницы Ромула. Эта надпись несомненно, самая ранняя из известных нам (не позднее VI в. до Р.Х.). Она невелика по своему объему и написана алфавитом, очень близким к греческому, т.н. вертикальным, бустрофедом. Восстановить содержание этой надписи невозможно, но несомненно, что это памятник сакрального характера¹⁰⁴. О большинстве памятников римской древнейшей поэзии мы знаем из цитат и упоминаний последующих писателей. Это памятники официального и частного характера. К числу первых относятся: 1) *leges regiae* – сборники законов, приписываемые различным царям и собранные неким Секстом Папирием в один кодекс, т.н. *iuspragium*. До нас дошли в цитатах позднейших писателей 9 царских законов. Далее автор переходит к рассмотрению законов XII таблиц, а также постановлениям и распоряжениям отдельных царей (*commentarii regum*)¹⁰⁵.

Официальный римской календарь, т.н. *Fasti* или *calendarium*. Календарь называется *фастами* потому, что в нем читателей интересовали, главным образом, присутственные и неприсутственные дни. Словом «*Fasti*» обозначались также списки магистратов потому, что на первом месте в календаре находились имена тех консулов, по которым велось летоисчисление римлян. До нас дошел образец *Fasti magistratum*, найденных при раскопках на римском форуме в 1546 г.¹⁰⁶. *Libri lintei* – списки магистратов, написанные на полотне и хранящиеся в храме *Juno Moneta* на Капитолийском холме.

¹⁰⁴ См.: Вехов С.И. История Римской литературы, читанный студентам I–IV курсов славяно-русского и классического отделений историко-филологического факультета Варшавского Императорского Университета в 1916–1917 акад. году. Ростов-на-Дону, 1916. С. 38–39.

¹⁰⁵ Там же. С. 41.

¹⁰⁶ Там же. С. 44.

Далее – договоры римлян с различными народами (таких договоров известно восемь), и затем – памятники частного права.

Следующий вид литературы, на котором останавливается С.И. Вехов – фамильные хроники. Древнейшей фамильной хроникой считалась хроника рода Фабиев. По свидетельствам Плутарха, многие из этих хроник погибли во время Галльского пожара в 390 г. (Plut. Anton. 74). Но обычай вести их сохранился.

Следующий вид литературы – ораторские речи. Этому способствовал сам государственный строй Рима¹⁰⁷. Долгое время ораторские речи были безыскусными и даже не записывались. Первой записанной речью считалась речь Аппия Клавдия Цека, произнесенная им против заключения мира с Пирром. Употреблялись они и при погребении знатных лиц (*laudationis funebri*). Погребальные речи давали большую часть материала для фамильных хроник¹⁰⁸. Таким образом, видно, что в течение V в. для развития римской литературы было сделано не так много. Только в области права римляне совершили крупное дело кодификации законов, но памятники эти не входят в область литературы в тесном смысле этого слова. В начале VI в. Рим попал под влияние греческой культуры вообще и литературы – в частности. Поэтому конец безыскусственной римской литературы является, вместе с тем, концом самостоятельного периода и национального развития римской литературы, а также началом периода её развития как литературы подражательной, стоящей по отношению к греческой в положении ученицы. Следы сношений Рима и Греции и главным образом, её колониями в Южной Италии начинались с глубокой древности. Несомненно, уже в царский период в римскую литературу были введены боги греческого Олимпа¹⁰⁹. В 306 г. до н.э. римский сенат отправил в Великую Грецию и Афины комиссию для ознакомления с законами в виду подготовки законодательства XII таблиц. Уже в IV в. на римском форуме существовала особая трибуна для греков. С.И. Вехов с доверием относится к весьма сомнительному сообщению Овидия, что Нума Помпилий был учеником Пифагора¹¹⁰. Под влиянием греческой культуры, во-первых, в высших слоях общества возникло и

¹⁰⁷ См.: Вехов С.И. История Римской литературы, читанный студентам I–IV курсов славяно-русского и классического отделений историко-филологического факультета Варшавского Императорского Университета в 1916–1917 акад. году. Ростов-на-Дону, 1916. С. 46.

¹⁰⁸ Там же. С. 47.

¹⁰⁹ Там же. С. 50.

¹¹⁰ Там же. С. 51.

быстро развивалось стремление дать детям более высокое грамматическое и литературное образование. Во-вторых, римляне вообще склонные к зрелищам, долгое время удовлетворялись в этом отношении кулачными боями, гимнастическими состязаниями, конскими ристалищами. Но после знакомства с греческой цивилизацией, популярностью стали пользоваться театральные представления (комедии и трагедии) и возникла потребность в более совершенной драматической литературе.

Древняя Греция представляла громадный запас комических сюжетов самого различного характера для перенесения на римскую почву. Но воспользоваться ими римляне не могли из-за отсутствия условий – римская аристократия внимательно следила за тем, чтобы честь и достоинство их членов не подвергались нападкам со стороны литературы. Далее автор рассматривает творчество Плавта, Цецилия, Теренция. По его мнению, и в поэзии, и в прозе греческое влияние было весьма солидно¹¹¹.

После этого С.И. Вехов переходит к рассмотрению возникновения прозаической литературы в Риме. Подъем римского национального самосознания вследствие победы Рима над карфагенянами. Появление ряда работ историографического характера. Анналы Квинта Фабия Пиктора. Этому труду придавалось особое значение (Ливий). Далее автор переходит к рассмотрению творчества Луция Цинция Алимента, Ацилия, Публия Сципиона. Неподготовленность латинского языка и римских историков привели к появлению трудов римской истории именно на греческом языке¹¹². Но при изложении истории Рима у греков нельзя было заимствовать подходящего материала, за исключением разве что придуманной ими легенды о троянском происхождении римлян¹¹³. Первым историческим трудом, написанном на латинском языке, были «Origines» Катона (151 г. до н.э). Тогда же начались занятия в области грамматики, основание которым положил известный библиотекарь Пергамской библиотеки Кратес из Молоса. В области сельского хозяйства автор выделяет сочинение Катона «De agricultura» и дает развернутую характеристику его творчества¹¹⁴.

¹¹¹ См.: Вехов С.И. История Римской литературы, читанный студентам I–IV курсов славяно-русского и классического отделений историко-филологического факультета Варшавского Императорского Университета в 1916–1917 акад. году. Ростов-на-Дону, 1916. С. 147.

¹¹² Там же. С. 150–151.

¹¹³ Там же. С. 151.

¹¹⁴ Там же. С. 147–154.

С самого начала римская проза пошла по другому пути, нежели поэзия, по пути более национальному, что было обусловлено характером римского народа. В качестве таковых С.И. Вехов выделяет комедии Плавта, Теренция, Афрания, Цецилия. Также высоко ценились в Риме пьесы Помпония.

Вторая часть курса начинается с характеристики творчества Цицерона¹¹⁵. Произведения Цицерона, по мнению С.И. Вехова, несвободны от недостатков: в них отсутствует строгая система изложения, недостаточная глубина и самостоятельность мысли, неважное знание источников¹¹⁶. После Цицерона самыми известными ораторами были Гортензий, Гай Лициний Кальв – друг поэта Катулла. Марк Юний Брут имел с Цицероном личные хорошие отношения. Они издали речь о диктатуре Помпея и речь в защиту Милона¹¹⁷. Далее следуют характеристики творчества Цезаря¹¹⁸, Корнелия Непота¹¹⁹, Саллюстия¹²⁰ и Теренция Варрона¹²¹.

Естественно, достаточно места в пособии находится Катулле, по творчеству которого автор вел специальный курс¹²². По словам С.И. Вехова, им восхищались наилучшие ценители литературных произведений, а Авл Геллий называл Катулла «*elegantissimus poetarum*» (Att. N. VI. 20.6)

Таким образом, перед нами капитальное учебное пособие, составленное на основе многолетнего педагогического опыта автора и дающее студентам фундаментальные знания по истории римской литературы. Без всякого сомнения, рассматриваемое учебное пособие было полезно и современным студентам – как филологам, так и историкам.

Как известно, С.И. Вехов начинал свою трудовую деятельность с должности помощника библиотекаря в Московском университете. Это наложило отпечаток на всю его последующую трудовую деятельность. Преподавательскую работу в Варшавском Императорском университете он успешно сочетал с работой библиотекаря университета и покинул её лишь в 1914 г., будучи назначенным на ответственную должность ректора. Все

¹¹⁵ См.: Вехов С.И. История Римской литературы, читанный студентам I–IV курсов славяно-русского и классического отделений историко-филологического факультета Варшавского Императорского Университета в 1916–1917 acad. году. Ростов-на-Дону, 1916. С. 254–266.

¹¹⁶ Там же. С. 312.

¹¹⁷ Там же. С. 323.

¹¹⁸ Там же. С. 328–343.

¹¹⁹ Там же. С. 353–361.

¹²⁰ Там же. С. 343–353.

¹²¹ Там же. С. 365–385.

¹²² Там же. С. 407–410.

это свидетельствует о его глубоком понимании значения книги в учебном процессе и её роли в жизни современного ему студенчества.

Но как библиотекарь, С.И. Вехов был не только практиком, но и теоретиком, написав ряд небольших трудов, посвященных как библиотечному делопроизводству в целом, так и состоянию библиотечного дела в Варшавском университете.

Будучи хорошо знаком с процессом формирования библиотечного фонда Варшавского университета, а также её помещениями, в которых она располагалась, Сергей Иванович посветил одну из своих первых работ именно на эту тему¹²³. Написание брошюры было приурочено к моменту освящения нового здания библиотеки. Свою работу С.И. Вехов начинает с описания тех сложностей, которые переживает библиотека и её работники при переезде из одного здания в другое. Такие переезды крупных библиотек связаны лишь с острой необходимостью, когда старое здание уже не вмещает в себе разросшийся библиотечный фонд и одновременно с этим выстроено новое более удобное и лучше приспособленное здание. Опираясь на материалы местных архивов, а также на предшествующую польскоязычную литературу, автор прослеживает историю как старого здания библиотеки, которое располагалась в Казимировском дворце, так и вновь построенного. С.И. Вехов также прослеживает процесс формирования библиотечного фонда, который складывался из частных коллекций формирования, библиотеки Александровского университета, передачи сюда книг из других учебных заведений. По словам автора, к 1895 г. библиотека заключала в себе 234.124 названия в 443 998 томах¹²⁴. И далее автор с чувством глубокого удовлетворения описывает то новое здание, в котором отныне разместилась библиотека и которое полностью отвечало требованиям того времени.

Другая небольшая брошюра С.И. Вехова посвящена общим основам библиотечного делопроизводства. Как отмечает автор, «настоящий очерк имеет своей целью предоставить краткое изложение перечисленных отраслей библиотечного делопроизводства и практические указания по ним»¹²⁵.

¹²³ Вехов С.И. Библиотека Императорского Варшавского университета и её новое здание. Варшава, 1896.

¹²⁴ Там же. С. 7.

¹²⁵ Вехов С.И. Краткий обзор библиотечного делопроизводства. Киев, 1908.

По словам автора, в состав библиотечного делопроизводства входят главным образом: 1) размещение книг и других изданий в порядке, обеспечивающим удобство их хранения и пользования ими; 2) ведение инвентарного каталога (описи) принадлежащих библиотеке и вновь поступивших в неё изданий; 3) ведение каталогов алфавитного, систематического, дублетов и дефектов; 4) приобретение книг и уплата по счетам; 5) сдача книг в переплет и прием их из переплета; 6) выдача книг для пользования и обратный прием их; 7) проверка библиотечного имущества.

Все важнейшие библиографические пособия должны быть разделены на общие, национальные (русские, английские, бельгийские, итальянские, немецкие, польские, французские) и далее по отдельным наукам - по истории и филологии; по юридическим и политическим наукам; по математике и естествознанию; по медицине.

И завершает «библиотечную» тему в трудах С.И. Вехова его небольшая работа, посвященная библиотекам в древнем мире, теме достаточно новой и до него не исследуемой в отечественной историографии¹²⁶. В центре внимания автора все сколько-нибудь известные библиотеки античного мира, начиная от собрания книг афинского тирана Писистрата, Птолемея Филадельфа до книгохранилищ поздней Римской империи.

Сохранилась краткая информация о педагогической деятельности С.И. Вехова. Как свидетельствуют данные о его нагрузке за 1916 г., заслуженный профессор С.И. Вехов в весеннем полугодии вел практические занятия по римской словесности со студентами всех курсов классического отделения. Из 2-х недельных часов, назначенных для этой цели, один употреблен на перевод и разбор со студентами 4-й песни Энеиды Вергилия, а другой – на разбор студенческих рефератов, посвященных интерпретации избранных стихотворений (од) Горация. В весеннем полугодии велись практические занятия с теми же студентами по 2 ч. в неделю, при чем оба часа употреблялись на перевод и объяснение студентами посланий Горация¹²⁷.

Жизнь и деятельность С.И. Вехова – лучший образец служения своему народу, своей родине, своему Университету. Не зря его портрет украшает стены родного ему университета, проделавшего путь от Императорского Варшавского до Южного Федерального.

¹²⁶ Вехов С.И. Библиотеки в древнем мире. Варшава, 1899.

¹²⁷ Варшавские университетские известия, 1916, кн. VI. С. 38.

СПИСОК ТРУДОВ С.И. ВЕХОВА

1. Вехов С.И. Латинская комедия *Querolus* и новейшая обработка её текста. СПб., 1881.
2. Вехов С.И. О римской литературе в век Августа. Вступительная лекция, читанная в Императорском Варшавском университете 11 сентября 1882 г. Варшава, 1882.
3. Вехов С.И. Сочинение Цицерона «О государстве». Опыт историко-литературного анализа. СПб., 1882.
3. Вехов С.И. Отчет о занятиях во время заграничной командировки летом 1884 г. // Варшавские университетские известия, 1885, № 5.
4. Вехов С.И. Об источниках Г.Светония Транквилла в биографиях XII цезарей. Ч. I.
5. Вехов С.И. Библиотека Императорского Варшавского университета и её новое здание. Варшава, 1896.
6. Вехов С.И. Библиотеки в древнем мире. Варшава, 1899.
7. Вехов С.И. Краткий очерк библиотечного делопроизводства. Киев, 1908.
8. Вехов С.И. Введение в объяснение сатир Горация. Варшава, 1913.
9. Вехов С.И. Введение в объяснение сочинений Тацита. Курс, чит. студентам-историкам Варшавского Императорского университета в 1913/1914 акад. году. Варшава, 1914.
10. Вехов С.И. Историческая грамматика латинского языка. Ростов-на-Дону, 1916.
11. Вехов С.И. История римской литературы. Курс лекций. Ростов-на-Дону, 1916.
12. Вехов С.И. Объяснение сатир Персия. Курс, чит. Студенткам-классикам в 1915/1916 акад. г. Ростов-на-Дону, 1916.
13. Вехов С.И. Избранные песни Катутла. Ростов-на-Дону, 1917.
14. Вехов С.И. Объяснение сочинений Тацита. Лекции, читан. студентам Историко-филологического факультета Императорского Варшавского университета в 1915/1916 гг. Ростов-на-Дону, 1916.

ГЛАВА II.
ПРОФЕССОР АЛЕКСАНДР МАРТИНОВИЧ ПРИДИК
(1864–1936)

Вторым профессором, которым была представлена кафедра греческой словесности, был Александр Мартинович Придик (1864–1936), имя которого увы, столь же редко упоминается среди филологов-классиков и историков даже в его родной Эстонии, где он благополучно окончил свои дни¹²⁸. По сравнению с его коллегами по кафедре его можно считать относительно счастливым человеком – он ушел из жизни, не влача жалкое существование

¹²⁸ В качестве небольшого исключения можно назвать краткую заметку эстонских ученых, статью Н. Павличенко о родном брате Евгении Мартыновиче Придике (Петербургский филолог и эпитаграфист Е.М. Придик // Древний мир и мы. Вып. 2. Санкт-Петербург, 2000. С. 189–206), и краткую заметку польского ученого Блащика.

выброшенного из общественной жизни пенсионера, а в статусе авторитетного профессора Тартусского (Дерптского) университета в получившей независимость Эстонии.

Александр был произведен на свет 24 января 1864 г. в Ревеле. По-видимому он происходил от немцев Прибалтики. Имеющиеся в нашем распоряжении источники свидетельствуют о его лютеранско-евангелическом исповедании¹²⁹. Весьма загадчен вопрос о его сословной принадлежности. Документы, отложившиеся в ГАРО, однозначно указывают на то, что его отцом был унтер-офицер в отставке Мартин Придик¹³⁰, но однако здесь не все так просто: в одном из авторитетных немецких биографических справочниках в качестве его отца указан немецкий генерал-майора на русской службе, Фридриха фон Вендриха¹³¹. И эта версия нам кажется более правдоподобной вот по какой причине: на второй странице магистерской диссертации А.М. Придика содержится его посвящение «дрожайшему отцу Фридриху фон Вендриху» («Friderico de Wenndrich patri carissimo...»)¹³². Определенную путаницу в этот вопрос вносит ещё одно косвенное свидетельство: отсутствие у Александра Мартиновича какого-либо имени¹³³, что для генеральского сына выглядит, по меньшей мере странно. Н. Павличенко, автор статьи о брате Александра Мартиновича – Евгении Мартиновиче, ссылаясь на частную беседу с внучкой последнего, высказала мысль о том, что они оба были незаконнорожденными сыновьями генерала Ф. фон Вендриха¹³⁴. Это свидетельство, как нам кажется, полностью снимает все спорные вопросы о его происхождении.

После окончания ревельской гимназии, он в 1882 г. поступил в Дерптский (Юрьевский) университет, классическое отделение которого он окончил в 1887 г. Как наиболее отличившийся студент, он был отправлен для сбора материала для своей научной работы в Берлинский университет. В 1889 г. после защиты в своей alma mater магистерской диссертации на тему «De Cei insulae rebus» был утвержден советом факультета в 1892 г. в звании магистра классической филологии. Его диссертация была посвящена

¹²⁹ Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф.Р-46. Оп. 3. Д. 619. Л. 2.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Wilhelm Lenz (Hrsg.): *Deutschbaltisches biographisches Lexikon 1710-1960*, Köln 1970, S. 600: «Er war ein Sohn des russischen Generalmajors Friedrich Heinrich von Wendrich»,

¹³² Pridik A. *De Cei insulae rebus*. Dorpat. P. IV.

¹³³ ГАРО, Ф.Р-46. Оп. 3. Д. 619. Л. 105.

¹³⁴ Павличенко Н. Е.М. Придик, петербургский филолог и эпиграфист // *Древний мир и мы*. Вып.2. Санкт-Петербург, 2000. С. 190.

различным аспектам – экономическим, политическим, топографическим, религиозным) древнегреческого острова Кос. По сути, это было первое исследование на данную тему в российской историографии античности. Написание данного труда было возможно только при использовании фондов Берлинской библиотеки¹³⁵.

В центре внимания А.М. Придика топография острова (горы, пореки, почвы и т.д.) проблемы ранней политической истории (V–IV вв. до н.э.), исследование этнического состава островитян, а после чего уже автор переходит к исследованию политической системы Коса и его законодательства. В своей диссертации автор свободно оперирует эпиграфическими источниками. Труд Александра Мартиновича был не только замечен научной общественностью, но и получил высокую оценку со стороны немецких классиков. Так, Ад. Бауэр, оценил её, как «превосходный пример движения вперед наших знаний, возможного при монографической обработке небольших областей»¹³⁶. Блестящая защита диссертации открыла её автору возможность приступить к чтению лекций и получить должность приват-доцента классической филологии.

Сохранились сведения о читаемых курсах, которые он вел в Дерптском университете. С разрешения попечителя Рижского Учебного округа от 2 июля 1894 г. по поручению Историко-филологического факультета он вел практические занятия по Геродоту (2 ч. в неделю), во II семестре – 1894 г. – лекции по греческой прозе (3 ч. в неделю). В I семестре 1895 г. – лекции по греческой эпиграфике (2 ч. в неделю), во II семестре 1895 г. – греческий синтаксис (2 ч. в неделю), практические занятия по Фукидиду (2 ч. в неделю). В 1896 г. в I семестре – лекции по греческой литературе (2 ч. в неделю), практические занятия по Плутарху (2 ч. в неделю), во II семестре 1896 г. – курсы и лекции всего 10 ч. в неделю¹³⁷.

Ровно через десять лет, в 1902 г. в родном университете им была также успешно защищена докторская диссертация на тему «Шестая речь Исея. Исследование в области аттической генеалогии и аттического гражданского права». Обосновывая актуальность темы, автор указывает на специфику и важность речей аттических ораторов для понимания греческого права, а

¹³⁵ Pridik A. De Cei insulae rebus. Dorpat, 1892. P. VII.

¹³⁶ Цит. по: Никитский А. А.М. Придик. Шестая речь Исея. Исследования в области аттической генеалогии и аттического гражданского права. Юрьев. Рецензия //Журнал Министерства Народного Просвещения. 1903, апрель. С. 455.

¹³⁷ Там же. Л. 2–4.

также ссылается на отсутствие полноценных исследований в России на данную тему. В центре внимания автора шестая речь оратора Исея, которая не только интересна по своему содержанию, но и отличается обнаруженными в ней фактами из области семейного и наследственного права¹³⁸.

Перед тем, как приступить к написанию диссертации, автор вынужден был осмыслить греческое, римское и современное ему гражданское право, а также все сохранившиеся речи Исея и Демосфена. По словам автора, «...речи Исея нельзя было ни читать, ни издавать, ни переводить без точного знания аттического гражданского права»¹³⁹. Главная сложность, которая возникла при исследовании темы и которую отмечает автор – отсутствие кодификации греческого права, причина которого кроется в слабом владении правоведами греческого языка¹⁴⁰. Другая стоящая перед исследователем трудность – отсутствие ответных речей, которыми должна была отвечать противная сторона. В силу этих причин известный римский принцип «*audiat et altera pars*», здесь не мог быть применим.

Основная канва событий такова. Почтенный и зажиточный афинянин по имени Евктемон, отец большого семейства (три сына и две замужние дочери) на старости лет довольно неожиданно (видимо, и для самого себя), потерял голову от проститутки, именуемой Алка, и дело дошло даже до того, что он оставил свою семью и перебрался к ней. Свою любовницу он сделал управляющей одним из сдаваемых им в наем домов в Керамике и экономкой находящегося в этом же доме трактира. Все его родственники были изолированы от общения с Евктемоном, после чего Алка уговорила старика узаконить её старшего сына. Желая угодить любимой женщине, Евктемон, пренебрегая общественным мнением, решил внести её старшего сына в списки фратрии, как своего собственного. Однако родственники выступили резко против. Так как двух сыновей, Ергамена и Гегемона, уже не было в живых, отстаивать интересы семьи пришлось Филоктемону. По его заявлению фраторы отказались записывать мальчика в списки фратрии. Однако Евктемон нашел иной способ добиться своей цели: он официально обручился с сестрой афинянина Демократа. Филоктемон и его родственники поняли, чем это им может грозить. Прижить собственных детей от сестры Демократа Евктемон, конечно, не мог бы, но взять и усыновить подкидышей

¹³⁸ Придик А.М. Шестая речь Исея. Исследования в области аттической генеалогии и аттического гражданского права. Юрьев, 1902.

¹³⁹ Там же. С. 11.

¹⁴⁰ Там же. С. 20.

– это было вполне им по силам. Филоктемону пришлось пойти на попятную: в результате сделки с отцом тот отказался от брака с сестрой Демократа, а старший сын Алки был внесен в списки фратрии в качестве родного сына Евктемона. Вскоре после этого Филоктемон был убит в морском сражении у Хиоса. Согласно оставленного им завещания, он сделал своим сыном и наследником племянника Хэрестрата, сына сестры, вышедшей замуж за некоего Фанострата¹⁴¹. Но неожиданно являются два совершенно новых персонажа – Антидор и Андрокл, возможно, племянники умершего Евктемона. Они вступили в сговор с Алкой и совместно первым делом попытались уговорить старика отменить невыгодное для детей Алки духовное завещание. Евктемон согласился с этим и попытался забрать свое завещание. Однако ему согласились его отдать только в присутствии Фанострата и Хэрея. В ответ на это Евктемон с помощью Андрокла и Антидора распродал большую часть своего недвижимого имущества. После смерти Евктемона на 96-м году авантюристы предприняли попытку завладеть всем его имуществом, хотя законным наследником считался Хэрестрат. Все это и стало предметом судебного процесса. Речь для законного наследника в суде была написана самим Исеем, но произнес её один из лучших друзей Хэрестрата.

Вторая глава диссертации носит характер просопографического очерка. Основная её цель заключается в попытке А.М. Придика выявить все сведения, которые сохранились об упоминаемых в речи персоналиях. Автор проявляет большую аккуратность в отождествлении имен упоминаемых в речи персонажей с именами, встречающимися в иных источниках. Главные свидетельства о персоналиях А.М. Придик получает все-таки из речи Исея. Альтернативную информацию дают эпиграфические источники, где встречаются интересующие его имена (например, в CIA II n,794 b), а также 54-я речь Демосфена.

По мере возможности автор пытается выяснить степень родства главных «пройдох» – Андрокла и Антидора, и приходит к выводу, что это были ближайшие после брата Евктемона родственники, т.е. племянники Евктемона и двоюродные братья Филоктемона и его сестер, жен Хэрея и Фанострата¹⁴².

Ряд ценных выводов А.М. Придик делает относительно аттического права. Автор делает различия между *усыновлением* и *узаконением*, которое

¹⁴¹ Придик А.М. Шестая речь Исея. Исследования в области аттической генеалогии и аттического гражданского права. Юрьев, 1902. С. 35.

¹⁴² Там же. С. 71–72.

он видит в том, что усыновляются только чужие дети, а узакониваются исключительно собственные незаконнорожденные дети. И здесь он опирается на подобные статьи из немецкого, римского и даже российского права¹⁴³.

Солидный библиографический список представлен трудами зарубежных ученых таких, как Е. Альбрехт¹⁴⁴, К. Фюр¹⁴⁵, Р. Джебб¹⁴⁶, Е.М. Линке¹⁴⁷ и т.д.

Однако данная работа вызвала неоднозначные оценки современников. Острой критике труд А.М. Придик подверг известный филолог-классик Александр Васильевич Никитский (1859–1921). Первым делом, он обратил внимание на введение, которое является «лицом» любого исследования. «Объемистость введения не оправдывается его содержанием т.е. постоянными азбучными истинами, бесцельными обзорами, выдержками из критических отзывов и т.п. Оно настолько водянисто, что может показаться намеренно растянутым, для заполнения первых двух печатных листов»¹⁴⁸, – писал А.В. Никитский.

По поводу недостатков первой главы А.В. Никитский указывает, что «...научного значения эта глава не имеет и для филолога не нужна, а иного внимательного читателя только напрасно сбивает с толку, потому что в изложении своими словами легко вкрадываются неточности, которых не избежал и г. Придик»¹⁴⁹.

Но главный недостаток работы заключается в том, что выдвигая какой-то тезис сначала в форме возможной версии, А.М. Придик затем оперирует ей, как уже полностью доказанной (что А.В.Никитский назвал «переходом догадки в очевидность»)¹⁵⁰

Возможно, излишне критичен и общий вывод рецензента: «...Пользование настоящей книгой весьма опасно: нужно к каждому выводу самого автора, к каждой его странице относиться с принципиальным сомнением...»¹⁵¹.

¹⁴³ Придик А.М. Шестая речь Исея. Исследования в области аттической генеалогии и аттического гражданского права. Юрьев, 1902. С. 106–107.

¹⁴⁴ Albrecht E. Beitrage zur Textkritik des Isaios // Hermes XVIII (1883). S. 362–381.

¹⁴⁵ Fuhr C. Animadversions in oratores atticos. Diss. Bonn, 1877.

¹⁴⁶ Jebb R.C. Selections from the Attic oratores. London, 1896.

¹⁴⁷ Lincke E.M. De elocutione Isaei. Lipsiae, 1884.

¹⁴⁸ Никитский А. Указ. соч. С. 404.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ В качестве примера А.В. Никитский приводит эпизод с экспедицией Тимофея и Фанострата, время которой А.М. Придик относит к 373 г. до н.э. сначала в качестве версии, а потом в дальнейшем уже рассматривает её как вполне доказанную (Никитский А. Указ. соч. С. 410).

¹⁵¹ Никитский А. Указ. соч. С. 455.

Но, как известно, отзывы оппонентов оказались положительными и диссертация была защищена.

Однако и сам Александр Мартинович был замечен в написании рецензий, одна из которых, и надо добавить – довольно просторная и жесткая, была посвящена монографии ученика выдающегося немецкого ученого К.Ю. Белоха Гаэтано де Санктиса (1870–1956), посвященная возникновению и ранней истории Афинского государства¹⁵². Рецензия довольно подробная, поэтому остановимся лишь на её основных моментах. Хотелось бы отметить блестящее знание автором итальянского языка, что позволяет ему дословно цитировать разбираемые им же пассажи и тут же давать им справедливую критику.

Рецензия начинается с реверанса в сторону работающего на тот момент в Италии выдающегося немецкого антиковеда Карла Юлиуса Белоха. Свою рецензию А.М. Придик начинает с замечаний, которые нельзя не признать справедливыми: книга не имеет предисловия, поэтому для читателя остаются непонятными цель, предмет и объект исследования.

Одна из главных причин нападок рецензента до банальности проста: Г. де Санктис пренебрежительно выразился об учителе А.М. Придика, немецком ученом У. Кёлере¹⁵³. Второе серьезное замечание рецензента заключается в том, что автор не использовал некоторые важные русскоязычные работы по теме, в том числе труды не только В.П. Бузескула, но и...его самого! Собственно говоря, этот недостаток всех зарубежных исследований - практически полное незнание русскоязычной историографии, - характерен и для современного западноевропейского антиковедения.

Зато слепое преклонение перед авторитетом К.Ю. Белоха играет с автором злую шутку: так, следуя за мнением своего учителя, он, не имея на то каких-либо оснований, помещает Килонову смуту между реформами Солона и тиранией Писистрата¹⁵⁴. Но там, где К.Ю. Белох весьма осторожен, его ученик возводит его остроумные, но сомнительные гипотезы в настоящую аксиому. Яркий пример тому – приписывание Писистрату введения навкрай¹⁵⁵. Критикуя без должных на то оснований немецких ученых (за

¹⁵² Придик А.М. Gaetano de Sanctis. Storia della Repubblica Ateniese dall origini alle riforme di Clistene. Roma, 1898 (рецензия) // ЖМНП, 1901. Ч. CCCXXXIII. С. 222–263

¹⁵³ Там же. С. 226.

¹⁵⁴ Там же. С. 258–259.

¹⁵⁵ Там же. С. 259.

исключением, разумеется, своего учителя Белоха), Г. де Санктис весьма благосклонно относится к трудам итальянских ученых, в частности малоизвестного исследователя Патрони¹⁵⁶.

Достаточно сурово выглядит окончательный вердикт рецензента: «Работа эта едва ли может быть признана ценным вкладом в историческую литературу. Что в ней важно, не ново, а заимствовано у предшественников, да и при том у них все изложено гораздо лучше и подробнее; немного же новое не выдерживает критики. Научного значения книга не имеет»¹⁵⁷. Данному выводу предшествует пространный список фактических ошибок и опечаток, которые содержатся в данной работе¹⁵⁸.

От себя хотелось бы добавить следующее. В свое время нам приходилось пользоваться соответствующими разделами «Римской истории» Г. де Санктиса, содержащей довольно интересные и остроумные пассажи¹⁵⁹. По всей вероятности, многие недочеты рецензируемой работы можно списать на молодость 28-летнего автора.

12 декабря 1897 г. «...с Высочайшего соизволения Министра Народного Просвещения...с ученой целью А.М. Придику была предоставлена командировка с 1 декабря по 1 сентября 1898 г. и назначено пособие в размере 400 руб. из сумм Министерства Народного Просвещения»¹⁶⁰.

В 1899 г. он был награжден орденом св. Станислава 3-й степени, а 1 января 1901 г. был удостоен титула коллежского советника.

В 1893 г. в Дерпте он женился на Амалии Робертовне Луксингер, так же евангелическо-лютеранского исповедания. 15 августа 1894 г. у него родилась первая дочь Мария, 7 мая 1898 г. – вторая дочь Кэта.

9 октября 1904 г. Александр Мартынович был назначен экстраординарным профессором Варшавского университета по кафедре греческой словесности. Он покинул родной Дерпт, куда ему потом пришлось вернуться через долгих шестнадцать лет, и уже навсегда. На переезд из Дерпта в Варшаву он получил подъемные в сумме 600 руб¹⁶¹.

¹⁵⁶ Придик А.М. Gaetano de Sanctis. Storia della Republica Ateniese dall origini alle riforme di Clistene. Roma, 1898 (рецензия) // ЖМНП, 1901. Ч. CCCXXXIII. С. 228.

¹⁵⁷ Там же. С. 263.

¹⁵⁸ Там же. С. 228–230.

¹⁵⁹ См.: De Sanctis G. Storia dei Romani. V.II. Torino, 1907.

¹⁶⁰ ГАРО. Ф.Р-46. Оп. 3. Д. 619. Л. 5.

¹⁶¹ ГАРО. Ф. Р.- 46. Оп. 3. Д. 619. Л. 66–67.

В 1914–1915 учебном году, наряду с лекциями по греческой словесности он вел практические занятия, заключавшиеся в толковании I книги Фукидида; в толковании Афинской политики Аристотеля, в осеннем семестре на лекциях, которые сочетались с практическими занятиями производилось чтение и разбор VII–IX книг Геродота¹⁶²

Пребывание А.М. Придика в Варшаве совпало с периодом его интенсивных командировок за рубеж. Так, в 1905 г. «с высочайшего соизволения» он был командирован «с ученой целью за границу» с 1 июня по 1 сентября 1905 г. Из специальных средств Университета на эту командировку ему было выдано пособие в сумме 100 руб.¹⁶³ Вообще перечень зарубежных командировок ученого представляется нам весьма солидным. Затем последовали командировки на пасхальные вакации на время 1906 г., на летнее вакационное время по 1 сентября 1906 г., на зимнее вакационное время с 1 декабря 1906 г., на пасхальное вакационное время с 24 марта 1908 г., на летнее вакационное время с 1909 г. (с выдачей ему пособия в размере 250 руб. из специальных средств ун-та), на зимнее вакационное время в 1910 г., на летнее вакационное время 1911 г. (с выдачей пособия 150 руб.), на летнее вакационное время 1912 г., на летнее вакационное время за границу в 1914 г.

В этот период его научные связи были целиком связаны с Германией. В одном из своих писем, адресованных руководству университета 11 мая 1905 г., он пишет: «...мои научные занятия требуют моего скорейшего возвращения в Берлин...» и просит исходатайствовать ему заграничный отпуск на 28 дней¹⁶⁴.

Кстати, во время летней поездки в Германию в 1908 г. с ним произошел неприятный эпизод, который вносит свои штрихи в наши представления о быте и условиях жизни русских профессоров. Сохранилось заявление А.М. Придика, направленное в правление Варшавского университета 1 сентября 1908 г. Приведем его целиком:

«Лето текущего года у меня было очень тяжелое. Лечение старшей дочери от малокровия в Фрейлнвальде, затем вся семья заболела дифтеритом – длительное лечение при весьма неблагоприятных обстоятельствах. Пришлось даже нанимать особую сестру милосердия за особую плату

¹⁶² Краткий отчет о деятельности Варшавского университета за 1914 г. // Варшавские Университетские известия, 1916, кн. VI. С. 37.

¹⁶³ ГАРО, Ф.Р-46. Оп. 3. Д. 619. Л. 6.

¹⁶⁴ Там же. Л. 78.

(впрыскивание сыворотки Беринга). По выздоровлении семьи я сам заболел неврозом сердца и желудка. При этом пришлось прибегнуть к хирургическому вмешательству из-за травмы дочери в Берлине после несчастного случая. Лечение в Берлине вообще очень дорогое, и с нас, русских профессоров, берут весьма высокую плату. Лечение малокровия, дифтерита, и моей болезни уже стоили мне более 200 руб. Счет за лечение и дезинфекцию в Берлине мне ещё вообще не представлен. Прошу Правление Университета о пособии для покрытия издержек. 28 августа 1908 г.». Но в виду отсутствия средств Правление в выдаче пособия вынуждено было ему отказать¹⁶⁵.

Весной 1912 г. профессор А.М. Придик был командирован, согласно постановлению Историко-филологического факультета и Совета Варшавского университета, в Афины с двойной целью: во-первых, для участия в XVI Международном конгрессе ориенталистов, и, во-вторых, как представитель Варшавского университета он должен был принять участие в праздновании 75-летия Афинского университета. Юбилей университета и конгресс удачно совпали по времени: с 25 марта по 1 апреля. По решению Совета Варшавского университета на него была возложена честь вручить приветственный адрес ректору Афинского университета.

На основании изданного А.М. Придиком отчета мы можем судить об этом мероприятии. По его словам, решение организаторов совместить оба мероприятия были связаны с их желанием придать больше помпезности юбилею, что и было достигнуто. Однако если юбилей праздновался широко, то сам конгресс потерпел полное фиаско, ибо действительных ориенталистов собралось немного. Кроме того, уже к моменту приезда гостей число юбилейных торжеств было ещё более увеличено, а сама программа конгресса значительно сужена¹⁶⁶. В своем отчете А.М. Придик приводит на этот счет интересные примеры. Так, известный немецкий ученый А. Дёрпфельд, доклад которого «Die Kultur der homerischen Achaier» с интересом ожидался многими участниками, не прибыл на конгресс, а англичанин Бейнс с важным докладом «On the origin of the alphabet» после ряда переносов, в конце концов, был вынужден читать свой доклад перед тремя случайными слушателями¹⁶⁷. Особую обиду у автора отчета вызвал тот факт, что официальным

¹⁶⁵ Краткий отчет о деятельности Варшавского университета за 1914 г. // Варшавские Университетские известия, 1916, кн. VI. Л. 104.

¹⁶⁶ Придик А.М. Отчет о командировке в Афины весной 1912 года. Варшава, 1913. С. 2.

¹⁶⁷ Там же.

языком заседаний конгресса был признан французский, но были разрешены также выступления на немецком, английском, итальянском, греческом и арабском языках. Использование докладов на русском языке не было допущено на конгрессе, и, по словам Александра Мартиновича, «тем более поразительно и обидно то, что допускались такие мало распространенные языки, как ново-греческий и даже арабский»¹⁶⁸. Свою отрицательную оценку работы конгресса ученый дополняет сообщением о том, что в день закрытия конгресса многие участники подчеркивали, что «такого конгресса быть более не должно», и разъехались, даже не выбрав место проведения следующего конгресса.

В своем отчете ученый не раз подчеркивает свои обиды, вызванные отношением к русским ученым. Ни один из них не был удостоен чести выступить на открытии юбилейных торжеств, не был назначен ни председателем, ни секретарем одной из секций конгресса¹⁶⁹. Что же касается юбилейных торжеств, то, по словам А.М. Придика, они были организованы великолепно, в чем он видит немалую заслугу греческого короля и его супруги Ольги Константиновны, а также супруги королевича Николая – Елены Владимировны, которые, при общем нерасположении греков к русским, тепло встретили российскую делегацию и даже общались с её членами на русском языке. С особым удовольствием ученый описывает экскурсии в Элевсин, Эгину, Делос, Феру, Крит, концерт в залах литературного общества «Парнасс», прием, устроенный вдовой Г. Шлимана в её дворце. Попутно А.М. Придик собрал некоторые материалы для своих дальнейших научных изысканий и для чтения лекций.

В Варшаве вошли в обычай выступления профессоров университета перед широкой публикой с публичными лекциями. Как вновь прибывший, подобной чести был удостоен и А.М. Придик. Летом 1907 г. он выступил с речью на тему «Греческие папирусы», которая вскоре была опубликована. Свою речь А.М. Придик начал с тех изменений, которые произошли во взглядах на развитие Древней Греции. Именно они, по его мнению, изменили взгляды на античное общество. Исследование Древней Греции перестало быть монополией филологов-классиков, ей активно стали заниматься историки. В немалой степени это было обусловлено открытием нового вида

¹⁶⁸ Придик А.М. Отчет о командировке в Афины весной 1912 года. Варшава, 1913. С. 4.

¹⁶⁹ Там же. С. 6.

источников – надписей и папирусов¹⁷⁰. Все это привело к появлению новой науки – папирологии. Именно этот вид источника, по словам ученого, отражающий вопросы хозяйственной и социальной жизни, позволил прийти к мысли о том, что вся древнегреческая культура двигалась вперед тем же самым путем, по которому идет современная цивилизация. И эта культура, благодаря этому виду источника, «...становится все более понятной и знакомой, и это доходило даже до того, что мы неоднократно забываем, что имеем дело с древней, а не с современной жизнью»¹⁷¹. Обосновывая актуальность выбранной темы, профессор отмечал, что к настоящему моменту в России нет ни одного труда, посвященного папирологии. Исключив из своего обзора литературные папирусы, он сосредоточился исключительно на папирусах «документальных». Свое повествование А.М. Придик начинает с рассмотрения того материала, на котором писали папирусы. Он останавливается на особенностях самого растения, указывает на ареал его распространения, описывает даже сам способ приготовления папируса. После рассказа об истории открытия папирусов, профессор А.М. Придик переходит к основной, самой важной части своего повествования – анализу содержания документальных папирусов. Он рассматривает официальные сводки и докладные, официальную переписку административного характера, официальные списки чиновников, финансовые и экономические документы, документы, связанные с храмовыми делами. Отдельно им рассматриваются юридические документы и частные письма. Сухое академическое изложение порой перемежается с интересными фактами, например, о гибели во время пожара на корабле партии папирусов, отправленных в Германию профессором У.Вилькенем, о том, какие именно условия позволили папирусам пролежать нетронутыми целые столетия и т.д. Сегодня сложно предположить, насколько эта речь профессора заинтересовала публику, но то, что он сделал все возможное, чтобы она стала доступной и интересной, не вызывает никаких сомнений. Нам известно также ещё об одном цикле лекций Александра Мартыновича по истории архитектуры, который он прочитал для студентов

¹⁷⁰ Придик А.М. Греческие папирусы. Актовая речь профессора Варшавского университета А.М. Придика. Варшава, 1907. С. 7.

¹⁷¹ Там же. С. 8.

историко-филологического факультета, а затем и для слушательниц Высших Женских курсов во время пасхальных вакаций 1914 года¹⁷².

Время пребывания А.М. Придика в Варшаве отмечено рядом интересных и важных публикаций, изданных на основе читаемых им курсов. Прежде всего, это «Лекции по греческим древностям», которые он читал для студентов Варшавского университета в 1911–1912 учебном году. Это очень важное учебное пособие, которое, в отличие от общих курсов по истории Древней Греции, охватывает *цивилизационные* компоненты, долгое время игнорируемые впоследствии советской исторической наукой об античности. Прежде всего, А.М. Придик дает краткий обзор источников, разделяя их на «древних писателей» и «вещественные памятники». При этом автор, как это ни удивительно, ставит вещественные источники гораздо выше письменных. «...Вещественные памятники – материал документальный, поэтому само собою разумеется, что вещественные памятники несравнимо выше литературных. Авторы могли ошибаться, могли писать пристрастно, могли даже исказить факты. О документальном материале ничего этого сказать нельзя»¹⁷³. В центре внимания автора оказываются такие важные проблемы, которые он характеризует, как «физические условия» Древней Греции, к ним он относит климат, рельеф, море и особенности береговой линии, геологические условия (металлы, минералы, вулканические явления и землетрясения), растительный мир Древней Греции (леса, луга, пастбища, фруктовые деревья, овощи). Важное место автор отводит роли наличествующих в Греции полезных ископаемых. По его мнению, в экономической жизни каждой страны важную роль играют металлы. «Страна, обладающая металлами, если умеет пользоваться ими, не может не процветать»¹⁷⁴, – пишет автор. Самым важным из них является золото, но в Греции его было чрезвычайно мало.

Особое место А.М. Придик отводит анализу понятия «полис», опираясь при этом на известную концепцию Аристотеля социального развития Древней Греции: семья, селение, государство. Как мы можем понять, автор не разделяет понятия «город» и «государство», которые у него объединены

¹⁷² Краткий отчет о деятельности Варшавского Университета за 1914 г.// Варшавские Университетские Известия, 1916, кн. VI. С. 35.

¹⁷³ Придик А.М. Лекции по греческим древностям. Варшава, 1911. С. 7.

¹⁷⁴ Там же. С. 22.

одним общим понятием «полис». В качестве наиболее характерных «моделей» греческих городов-государств ученый берет Афины, Спарту и Крит. Остается загадкой, почему в качестве третьего образца взят Крит, хотя автор в одном месте обмолвился, что «...Крит во времена Эгейской культуры имел первенствующее значение»¹⁷⁵, но в другом месте пишет, что « в течение всей классической эпохи греческой истории Крит никакой роли не играл»¹⁷⁶.

Важнейшие события древнегреческой истории А.М. Придик объясняет экономическими факторами. Так, афинская экспедиция на Сицилию во времена Пелопоннесской войны была вызвана экономическими соображениями: народ стремился к господству над этим островом, чтобы иметь возможность пользоваться его богатствами, Другой приводимый им пример – политика Филиппа II, который, прежде чем приступить к завоеванию Греции, решил лишиться её всего того, что она получала извне, в частности, хлеба из Фракии¹⁷⁷. Оценка экономического состояния Афин дается им с позиций известной политики меркантилизма: оно было неважным потому, что «будучи вынужденно много ввозить из-за границы, – особенно хлеба, и мало вывозить за границу, тогда как для каждого государства важен обратный порядок – мало ввозить и много вывозить».¹⁷⁸

Через год на основе читаемых им лекций о древнегреческом историке Ксенофоне он издает о нем новое учебное пособие. Его он начинает по традиции с зарождения греческой историографии, поэтапно рассматривая поэтов, логографов, от Геродота и Фукидида переходя к Ксенофону. Последнего, правда, он не считает «первоклассным писателем»: «все писатели Греции занимались каким-то одним литературным родом, Ксенофонт писал обо всем, но ни в чем особенно не прославился; он не был ни выдающимся философом, ни оратором, ни историком – везде он был только дилетантом». С другой стороны, А.М. Придик отмечает и важность значение его исторического труда: если бы не было Ксенофонта, то мы не знали бы о том, что происходило в период с 411 по 362 гг. до н.э. Отмечается и высокий слог греческого автора – он был весьма образованным человеком, учеником Сократа. Непосредственно свою работу А.М. Придик начинает с биографии

¹⁷⁵ Придик А.М. Лекции по греческим древностям. Варшава, 1911. 106.

¹⁷⁶ Там же. С. 107.

¹⁷⁷ Там же. С. 31.

¹⁷⁸ Там же. С. 113.

Ксенофонта и её источников, в числе которых он называет самого греческого историка, а также Диогена Лаэртского. Далее автор переходит к личности Ксенофонта, которого он характеризует, как человека набожного, он был аристократом и стоял на стороне врагов демократии, и не мог оставаться в Афинах после восстановления демократии. Но, по словам автора, только за одно историк не заслуживает оправдания: за его участие в Коронейской битве, хотя он и находился в штабе Агесилия¹⁷⁹.

Основное внимание в пособии автор уделяет сочинениям Ксенофонта. Опираясь на указание Диогена Лаэртского, он называет их примерное количество – около 40 книг (Diog. Laert. II. 56). При рассмотрении сочинений упомянутого автора возникают две основные проблемы: 1) когда было написано каждое сочинение; 2) ввиду появления множества подложных сочинений, им ли оно было написано или кем-то другим под его именем.

Все сочинения Ксенофонта А.М. Придик делит на пять категорий. К числу первых он относит его *исторические сочинения*, среди которых он выделяет «Анабасис». Обстоятельства его появления таковы: во время работы Ксенофонта над «Греческой историей» появился «Анабасис» некоего Софайнета из Стимфала, в котором были описаны все обстоятельства похода греков, но о Ксенофонте и его заслугах ничего не было сказано. Последний, прочитав его, рассердился и начал писать свой. Взвзвись за написание «Анабасиса», автор преследовал двоякую цель: 1) чтобы указать на свои подвиги; 2) чтобы оправдать свой поступок. Все сообщаемые в работе сведения – географические, археологические, этнографические – достоверны. Что касается исторических фактов, то достоверность их сложно проверить, ибо сочинение Софайнета не сохранилось. При этом А.М. Придик предполагает, что писал он его не по памяти, а вел дневник, которым затем и воспользовался¹⁸⁰. Ко второй категории трудов именитого грека А.М. Придик относит его «Греческую историю», в которой описываются события 411–362 гг. до н.э. и которую он писал отчасти на основе своих мемуаров. В этом произведении Ксенофонт якобы подражает Фукидиду, его сочинение «цельное и связное»¹⁸¹. К третьей категории произведений Ксенофонта он относит Киропедию, которую называет «историческим тенденциозным

¹⁷⁹ Придик А.М. Лекции по греческим древностям. Варшава, 1911. С. 46.

¹⁸⁰ Там же. С. 51.

¹⁸¹ Там же. С. 60.

романом», к четвертой – произведение «Агесилай», панегирик памяти только что умершего друга. Следующая группа работ объединена им под заголовком *Сочинения философского содержания*, среди которых он выделяет: «Апологию Сократа», «Пир», «Экономику». К категории «небольшие историко-политические трактаты» А.М. Придик относит «Лакедемонскую политику», «О доходах», «Герон». В группу *разные мелкие статьи* входят сочинения «О лошадях», «Об охоте». В завершении, характеризуя творчество рассматриваемого им автора, ученый отмечает простоту и естественность его стиля, отмечая и то, что многое из подробно описанного Ксенофонтом, он видел сам лично¹⁸².

Пособие содержит необходимый список литературы, среди которой мы находим работы К.В. Крюгера¹⁸³, А. Рокетта¹⁸⁴ и ряда других зарубежных авторов.

Следующее пособие, также «родившееся» из занятий профессора, было посвящено «отцу истории» – Геродоту. Эту свою работу А.М. Придик начал с рассказа о культурном развитии Ионии и зарождении здесь научных знаний. Затем, по традиции, автор переходит к рассказу о логографах, которых А.М. Придик характеризует как лиц, «которые за деньги писали для других судебные речи»¹⁸⁵. Их произведения, составлявшие первые образцы греческой прозы, затрагивали не только историю Греции, но и историю иноземного варварского мира. Именно логографы и были предшественниками Геродота. «Отцом истории» Цицерон назвал Геродота потому, что у него, по словам ученого, «...впервые является понимание истинных задач истории в связи с художественным изложением богатого исторического материала...»¹⁸⁶. Характеризуя труд Геродота, А.М. Придик указывает, что историк делает первым решительный шаг от простого пересказа преданий к научно-критической разработке исторического материала, и как ни примитивна эта критика источников, все-таки она ставит Геродота неизмеримо выше всех его предшественников»¹⁸⁷. Другая, не менее важная заслуга Ге-

¹⁸² Придик А.М. Лекции по греческим древностям. Варшава, 1911. С. 72.

¹⁸³ Kruger K.W. De Xenophontis vitae. Halle, 1822.

¹⁸⁴ Roquette A. De Xenophontis vita. Königsberg, 1884.

¹⁸⁵ Придик А.М. Объяснение Геродота. Курс, читанный студентам Историко-филологического факультета в 1914–1915 академическом году. Варшава, 1915. С. 6.

¹⁸⁶ Там же. С. 9.

¹⁸⁷ Там же. С. 15.

родота заключается в том, что он весь свой собранный во время путешествий материал, – исторический, географический и этнографический, – сгруппировал вокруг одного грандиозного сюжета – рассказа о борьбе эллинов с варварами. Как указывает А.М. Придик, другой заслугой Геродота является то, что он излагает историю древнейших народов, о которых мы без него ничего бы не знали. Что же касается упреков в его адрес относительно легкомысленного отношения к собранному им материалу, то его можно объяснить тем, что он много путешествовал по тем странам и общался с представителями тех народов, языки которых он не знал. Характеризуя мировоззрение Геродота, автор указывает на то, что он верит в чудеса, в оракулы, предсказания, в видения и сны, и вообще в предзнаменования событий. Однако все это сочетается у него с зачатками рационализма и скептицизма. В качестве источников Геродота называются не только личные наблюдения, заключения и разыскания, но и письменные источники, самым любимым из которых для него являлись изречения оракулов.

Сравнивая Фукидида с Геродотом и оправдывая последнего, ученый указывает на то, что если первый описывает современные ему события, то второй писал о давно прошедших временах; даже со времени греко-персидских войн к тому времени прошло не менее 50-ти лет¹⁸⁸. В работе приводится солидный список рекомендованной литературы, содержащий труды Э. Майера¹⁸⁹, К-Ф. Дальманна¹⁹⁰, В.П. Бузескула¹⁹¹ и других авторов.

Завершает пособие VI книга Геродота, в которой содержится перевод и комментарии к 94–120 главам данной книги. Комментарии содержат объяснение наиболее сложных выражений, встречающихся в главах. Известно также о том, что А.М. Придик написал подробную статью «К вопросу о Килоновой смуте», которую планировали опубликовать в одном из номеров Варшавских Университетских известий, однако, к сожалению, обнаружить нам её удалось¹⁹².

¹⁸⁸ Придик А.М. Объяснение Геродота. Курс, читанный студентам Историко-филологического факультет в 1914–1915 академическом году. Варшава, 1915. С. 22.

¹⁸⁹ Meyer E. Forschungen zur alten Geschichte. Bd.2. Halle, 1899.

¹⁹⁰ Dahlmann K. Herodot. Altona, 1824.

¹⁹¹ Бузескул В.П. Введение в историю Греции. Харьков, 1904.

¹⁹² Краткий отчет о деятельности Варшавского университета за 1914 г. // Варшавские Университетские известия, 1916, кн. VI. С. 26.

23 сентября 1912 г. Высочайшим приказом по гражданскому ведомству № 62 А.М. Придик был назначен и.д. ординарного профессора Варшавского университета по занимаемой им кафедре.

Начало Первой мировой войны застало врасплох Александра Мартиновича и его семью. В телеграмме от 2 августа 1914 г., адресованной руководству Варшавского университета, он пишет: «Вернувшись через Торнео в Петербург прошу сообщить по телеграфу, как можно получить неполученное мною июльское жалованье и выдаваемый трехмесячный оклад, разрешается ли и безопасен ли немедленный личный приезд в Варшаву за вещами, или уполномочить кого-нибудь выслать вещи и сколько можно вывезти багажа»¹⁹³. Однако, как известно, эвакуация Варшавского университета произошла лишь через год после начала войны. Известно, что ещё в июле 1915 г. А.М. Придик со своей семьей отдыхал на курорте Усть-Нарва, откуда он, получив известие о предстоящей эвакуации университета из Варшавы, обратился к руководству, прося известить его телеграммой, о том, «...куда нас переведут, чтобы знать сейчас, куда отдать дочь в гимназию»¹⁹⁴.

Но даже в тяжелейших условиях эвакуации А.М. Придик не терял голову и проявлял удивительную педантичность. Так, сохранилось его заявление на имя ректора университета, в котором он сообщает: «При выдаче эвакуационного пособия в размере 2-х месячного жалованья, была удержана 1/5 часть такового в виду неправильного толкования Варшавской Казенной Палатой о том, что жалованье профессоров Варшавского университета составляет содержание. Вследствие разъяснения Департамента Общих Дел Министерства Народного Просвещения ...имею счесть возбудить ходатайство о доплате удержанной 1/5 части из двухмесячного жалованья, выданного мне эвакуационного пособия...»¹⁹⁵. И эта незаконно удержанная из его оклада сумма была ему возвращена.

Во время службы в Варшаве А.М. Придик был награжден орденом св. Анны 3-й степени (1909) и орденом Св. Владимира 4-ой степени (1914 г.). Здесь же, в Варшаве 1 января 1906 г. он получил титул статского советника.

Осенью 1915 г. А.М. Придик в составе профессорско-преподавательского состава Варшавского университета прибыл на Дон, в г.Ростов-на-

¹⁹³ ГАРО. Ф.Р-46. Оп. 3. Д. 619. Л. 115.

¹⁹⁴ Там же. Л. 119.

¹⁹⁵ Там же. Л. 107.

Дону. Начался новый, ростовский период его научно-педагогической деятельности.

Его служебная карьера в Ростове-на-Дону, насколько можно судить по сохранившимся документам, складывалась следующим образом. 18 марта 1917 г. он был избран ординарным профессором по кафедре классической филологии сроком на 4 года¹⁹⁶. Одновременно Министерством Народного Просвещения он был утвержден на тот же срок (на 4 года) деканом Историко-филологического ф-та. Но надо сказать, что период его деканства оказался недолгим: через год и четыре месяца согласно собственному прошению он 6 июля 1918 г. увольняется с должности декана историко-филологического факультета¹⁹⁷. Официально – по состоянию здоровья, но едва ли это было главной причиной. В условиях разрухи и хаоса революции и гражданской войны от декана требовались иные качества, нежели те, которые требовались ранее.

В этот период А.М. Придик все более начинает переключаться на преподавание истории искусств. Сохранившееся решение Исторического факультета на заседании от 4 мая 1918 г. гласило о том, что профессору А.М. Придику поручается преподавание по вакантной кафедре теории и истории искусства на год (1918–1919 уч. год) с вознаграждением в 1200 руб. из вакантного оклада¹⁹⁸.

Возможно, что в это время, в 1918 г. Александр Мартинович ещё питал какие-то иллюзии относительно своих перспектив на донской земле. Как нам думается, важным свидетельством этому может служить та активность, которую он проявил при открытии в г. Ростове-на-Дону Донского археологического института и который был учрежден 1 мая 1918 года, как частное высшее учебное заведение группой профессоров Донского университета, объединившихся в «Общество Учредителей Ростовского-на-Дону историко-археологического института». Основные задачи института учредители видели в научной разработке археологии, истории искусств и археографии со всеми сопредельными дисциплинами, а также в подготовке специалистов для должностей в музеях, библиотеках, театрах и архивах. Институт имел два отделения: истории искусств и археологии. Курс был трехгодичный, два

¹⁹⁶ ГАРО. Ф.Р.- 46. Оп. 3. Д. 619. Л. 120.

¹⁹⁷ Там же. Л. 37.

¹⁹⁸ Там же. Л. 28.

первых года читались лекции по программе института, третий год предназначался специально для практических занятий по одному из предметов, избранном слушателем, и для самостоятельной научной работы под руководством профессоров. Программа преподавания предусматривала лекции по всем разделам истории, по археологии и этнографии, истории русского искусства и русского театра, истории музыки, музыковедению, библиотековедению, геологии и палеонтологии, эпиграфике, нумизматике, а также чтение древних рукописей. Сдавшим все установленные на отделении экзамены и зачеты вручали свидетельство об окончании института, а успешно защитившие диссертацию должны были получить звание "ученого историка искусств", "ученого археолога" или "ученого архивоведа"¹⁹⁹. Плата за обучение составляла 120 рублей в год и вносилась по полугодиям. Определяя важность и необходимость создания нового вуза и, понимая, что без общественной поддержки не обойтись, учредители уже в середине мая провели собрание, пригласив представителей различных культурно-просветительных, научных и общественных организаций, предпринимателей Ростова и Нахичевани. На собрании предполагалось выяснить, в какой степени каждое из общественных учреждений и частные лица могут оказать поддержку институту материальными средствами, коллекциями, библиотеками, учебно-вспомогательными пособиями, личным советом и содействием.

С докладами о создании Археологического института, его задачах выступили профессора А.М. Придик и А.И. Яцимирский, которые впоследствии и возглавили институт. В Донском археологическом институте помимо исполнения обязанностей ректора, А.М. Придик читал курс истории Древней Греции и истории искусства. Трудно точно установить, когда конкретно А.М. Придик ушел с должности ректора, но доподлинно известно, что с сентября 1920 г. обязанности ректора он уже передал А.И. Яцимирскому. Будучи человеком прозорливым, Александр Мартинович отлично понимал, что никаких дальнейших перспектив Археологический институт не имеет, а его закрытие – лишь вопрос времени.

Но университетская жизнь шла своим чередом. Двумя годами ранее, 30 апреля 1918 г. за выслугу 25 лет утвержден в звании заслуженного профессора Советом Донского университета²⁰⁰.

¹⁹⁹ Римская З.В. Донской археологический институт // Донской временник. 1998. С. 22.

²⁰⁰ ГАРО Ф.Р-46. Оп. 3. Д. 619. Л. 33.

Несмотря на сложную политическую и экономическую ситуацию в стране, А.М. Придику в июне 1918 г. удается получить ещё одну зарубежную командировку. На летнее вакационное время он был командирован «с научной целью» за границу в г. Берлин, Дрезден, Лейпциг, Мюнхен, а также Киев, Петроград, Москву и Варшаву²⁰¹. Скорее всего, во время этой командировки он зондировал почву на предмет поиска нового места работы с последующим отъездом из Ростова-на-Дону. Но опять же, судя по всему, в этот момент ничего подходящего для себя он не нашел ни за рубежом, ни в самой России. Однако, чем сильнее ухудшалась ситуация в стране в целом и на Дону в частности, идея отъезда уже твердо созрела в его голове.

Так, в личном деле ученого сохранился любопытный документ: заявление дочери Александра Мартиновича, служащей канцелярии проректора, машинистки 2-го разряда канцелярии по студенческим делам, Екатерины Александровны Придик, на имя ректора Донского университета, в котором она просит уволить её со службы по семейным обстоятельствам²⁰². Второй документ, свидетельствующий об этом, просьба самого А.М. Придика, датированная 23 декабря 1919 г. о выдаче новых бессрочных паспортов его жене, его дочерям и, естественно, ему самому²⁰³. Все это убедительно свидетельствует о том, что он и его семья готовились к отъезду из Советской России.

Ростовский период был наименее продуктивным в научном творчестве и учебно-методической работе ученого. В этом нет ничего удивительного: как А.М. Придик, так и его коллеги по университету, были лишены нормальных условий для работы. Самым тяжелым для них было то, что практически все они лишились своих личных библиотек, а если к тому же учесть факт потери большей части фондов университетской библиотеки, то научные условия для работы бывших «варшавян» можно признать поистине экстремальными.

В этот период, насколько нам известно, ученый смог издать всего лишь одно пособие, в основе которого лежали материалы читаемого им курса в 1915/1916 учебном году. Речь идет об учебном пособии «Лекции по истории античного искусства»²⁰⁴. Прежде всего, бросается в глаза конспективность данного пособия, объем которого составил всего лишь 16 страниц.

²⁰¹ ГАРО Ф.Р-46. Оп. 3. Д. 619. Л. 60.

²⁰² Там же. Л. 25–26.

²⁰³ Там же. Л. 30.

²⁰⁴ Придик А.М. Лекции по истории античного искусства. Ростов-на-Дону, 1916.

По всей вероятности, объяснение этому можно найти в тех тяжелых условиях мировой войны, в которых оказались как сама страна, так и Варшавский университет. Оно было разделено автором на три главы: 1) Что такое «произведение искусства» и что такое «искусство»? 2) Античное искусство; 3) Археология искусства. В первой главе А.М. Придик останавливается на философских и теоретических вопросах темы. По мнению автора, искусство – это передача тех впечатлений, которые мы получаем от внешнего мира. Но одной природы, чтобы возникло произведение искусства, недостаточно: здесь необходимо участие человека. Для того, чтобы возникло произведение искусства, другими словами, необходима «обработка природы человеком»²⁰⁵. Сам же художник при передаче природы вносит свое личное, субъективное, что принято называть стилизацией. Именно в стилизации отражались душа художника, дух времени, цели создания, материал, из которого произведения искусства изготовлены. По мнению автора, понятия «красивый» и «эстетический» несколько не совпадают. Если великий художник изобразит уродливый предмет, но сделает это естественно, живо и законченно, то его творение, несомненно, будет произведением искусства, даже маленьким шедевром, и произведет на зрителя огромное впечатление. А.М. Придик, рассматривая виды искусства, ставит в один ряд архитектуру (зодчество), скульптуру (пластика или ваяние), и живопись. Сходство их заключается в том, что они создаются для глаза зрителя. Если мастер-строитель обращает внимание исключительно на практичность постройки, то он не художник. Архитектура становится искусством только тогда, когда включает в себя и «требования глаза».

Автор также ставит вопрос об истоках искусства. По его мнению, искусство – это духовная связь, которая объединяет даже самые отдаленные времена и народы. Оно существовало даже у самых отсталых народов, которые старались украшать свои примитивные жилища. Природа – это величайший художник, но создание произведений искусства предполагает свободную деятельность человека.

Вторая глава – «Античное искусство» – начинается с анализа тех природных условий, в которых оно зародилось, при этом подчеркиваются их отличия от природных условий Древнего Востока. Природные условия

²⁰⁵ Придик А.М. Лекции по истории античного искусства. Ростов-на-Дону, 1916. С. 4.

Древней Греции позволяли стране вступать в контакты с любыми государствами. Не обходит стороной автор и особенности греческого менталитета: у греков в высшей степени был развит «дух изобретательности», который дополнялся «богатейшей фантазией и тонкой восприимчивостью»²⁰⁶. Именно поэтому только греки создали образцовые, вечные и бесподобные художественные произведения. В третьей главе автор рассматривает роль археологии в изучении вещественных памятников. По словам автора, перед археологией стоит четыре задачи: 1) обнаружение и открытие памятников; 2) их описание; 3) объяснение; 4) датировка и определение автора. Важность данной главы объясняется тем, что автор в самом начале своей работы в качестве главных источников истории искусства определил источники вещественные. При этом автор замечает, что возможности археологии весьма ограничены: античные постройки, произведения скульптуры и живописи практически не дошли до нас. В этих условиях важную роль приобретает значение раскопок. В заключении А.М. Придика указывается, в каких именно музеях хранятся результаты этих раскопок: в Риме – Капитолийский и Ватиканский, в Лондоне – Британский музей, в Мюнхене – Глиптотека и Старая Пинакотека, в Петрограде – Эрмитаж, в Париже – Лувр, в Афинах – музей на Акрополе и археологический и т.д. Такая информация, естественно, будет важна для студентов-историков и искусствоведов²⁰⁷.

Довольно любопытным выглядит прошение А.М. Придика выдать ему удостоверение о том, что он, как профессор истории искусств, по своей специальности нуждается «...в фотографическом аппарате и фото принадлежностях для снимания снимков с произведений искусства и изготовления диапозитивов...»²⁰⁸. И это в сентябре 1920 года, когда уже практически был решен вопрос о его увольнении и отъезде.

К сожалению, нам неизвестны подробности отъезда А.М. Придика и его семьи из г.Ростова-на-Дону. Но доподлинно известно, что он вернулся туда, откуда начиналась его научная деятельность: в г.Дерпт, ставший к тому времени Тарту. Круг, таким образом, замкнулся. Здесь, в родном Дерптском университете он вновь занял место на своей бывшей кафедре,

²⁰⁶ Придик А.М. Лекции по истории античного искусства. Ростов-на-Дону, 1916. С. 10.

²⁰⁷ Там же. С. 15.

²⁰⁸ ГАРО Ф. Р-46. Оп. 3. Д. 619. Л. 132.

где проработал до самой своей смерти в 1936 г. Его последние труды, посвященные династии Лагидов, он писал на немецком языке. В качестве основных трудов можно назвать работы *Der Mitregent des Ptolemaios II Philadelphos*. (Dorpat, 1924), *Konig Ptolemaios I und Philisophen* (Dorpat, 1932), *Berenike, die Schwester der Konigs Ptolemaios III Euergetes* (Tartu, 1935). В одной из своих последних работ, на закате жизни, А.И. Придик сформулировал один из своих методов исследования. «В моей статье... я указывал на то, что без помощи фантазии – Моммзен по праву называет её матерью всех историков – комбинирования и интуиции нельзя составить историческую картину; и не надо бояться того, что из-за этого можно прийти к неверному выводу»²⁰⁹. Интересное, но все-таки спорное мнение.

А в целом, ещё одна – «другая» судьба ещё одного ученого....

²⁰⁹ Pridik. A. *Konig Ptolemaios I und Philisophen*. Dorpat, 1932. S.42. Anm.62.

СПИСОК ТРУДОВ А.М. ПРИДИКА

1. Pridik A. De Cei insulae rebus. Dorpat, 1892.
2. Придик А.М. Gaetano de Sanctis. Storia della Repubblica Ateniese dall'origini alle riforme di Clistene. Roma, 1898 (рецензия) // ЖМНП, 1901. Ч. СССXXXIII. С.222–263
3. Придик А.М. Шестая речь Исея. Исследования в области аттической генеалогии и аттического гражданского права. Юрьев, 1902.
4. Придик А.М. Греческие папирусы. Актовая речь профессора Варшавского университета А.М.Придика. Варшава, 1907. – 71 с.
5. Придик А.М. Лекции по греческим древностям. Варшава, 1911.
6. Придик А.М. Лекции по истории античного искусства, чит. В 1911/1912 ак. Году проф. А.М. Придиком для слушательниц Варшавских женских курсов. Варшава, 1912 – 24 с.
7. Придик А.М. Отчет о командировке в Афины весной 1912 года. Варшава, 1913.
8. Придик А.М. «Hellenika» Ксенофонта. Лекции, чит. проф. А.М. Придиком студентам Историко-филологического факультета Императорского Варшавского университета в 1916/19167 акад. году. Ростов-на-Дону, 1917. – 109 с.
9. Придик А.М. Объяснение сочинения Плуарха Pericles. КУпс, читмт. Студентам Историко-филологического факульткта Императрского Варшавского университета. В 1915.1916 акад. Году. Ростов-на-Дону, 1916. – 64 с.
10. Придик А.М. Объяснение Геродота. Курс, читанный студентам Историко-филологического факультет в 1914–1915 акад. году. Варшава, 1915.
11. Pridik A. Der Mitregent des Ptolemaios II Philadelphos. Dorpat, 1924.
12. Pridik A. Konig Ptolemaios I und Philisophen. Dorpat, 1932.
13. Pridik A. Berenike, die Schwester der Konigs Ptolemaios III Euergetes. Tartu, 1935.

Глава III.

ПРОФЕССОР АНАТОЛИЙ ФЁДОРОВИЧ СЕМЁНОВ

(14.6.1863 – после 1931 г.)*

Профессор Анатолий Фёдорович Семёнов родился в июне 1863 г. в столице Баварии Мюнхене. Был крещен в греческой церкви г. Мюнхена 19 марта 1880 г. настоятелем церкви архимандритом Каллиником²¹⁰. Его родители – земский врач Федор Васильевич Семёнов и вдова Екатерина Осиповна Сведомская (мать будущих художников Александра и Павла Сведомских от первого брака с лесничим Александром Павловичем Сведомским) в 1861 г. заключили брак в Михайловском заводе недалеко от Перми. Отец Ф.В. Семёнова – Василий Федорович Семёнов – был надворным советником и доверенным у Сведомских по делам винокуренного завода. Будучи убежденным в превосходстве системы образования в Германии, Василий Федорович убедил свою супругу переехать в Германию. Сначала из России они приехали в Дюссельдорф, а оттуда в Мюнхен, где в 1863 г. и родился их первенец Анатолий. Сама Екатерина Осиповна Сведомская умерла в Германии в 1886 г.

В виду слабого здоровья сына родители решили не посылать его в народную школу и гимназию, а учить дома. Учил его сначала отец (сам он окончил Петербургский университет по факультету естественных наук, а затем получил в Мюнхене степень доктора медицины). Он обучал сына русскому языку и истории словесности, всеобщей истории, математике, физики и географии. Позднее были приглашены учителя гимназии, которые учили мальчика различным языкам: немецкому, французскому, английскому, греческому и латыни. Сверх того, юный Анатолий брал уроки теории музыки и фортепианной игры. Во время ежегодных летних поездок во Французскую Швейцарию он изучал французский и практически говорил на нём также свободно, как и по-русски и по-немецки. В 1883 г. Баварское Министерство Просвещения направило А.Ф.Семёнова для сдачи выпускного экзамена в качестве экстерна в гимназию г. Фрейзинга (близ Мюнхена). Удостоившись

*В основу главы с некоторыми дополнениями и изменениями лег наш очерк об А.Ф. Семенове, написанный для коллективной монографии (см.: Казарова Н.А., Казаров С.С., Лобова В.В. Истории Варшавского университета, Время и судьбы. Ростов-на-Дону, 2014. С. 129–190).

²¹⁰ Государственный архив Черниговской области (далее – ГАЧО). Ф.1105. Оп. 1. Д. 1610. Л. 9.

свидетельства зрелости (*Matura*) осенью того же года, Анатолий Фёдорович поступил на медицинский факультет Мюнхенского ун-та, где слушал лекции по анатомии, физике, химии. Но уже летом 1884 г. он перешёл на I отделение философского факультета (филологическое) и посвятил себя изучению классической филологии. Здесь он слушал лекции профессоров Криста (греческая словесность), Вельфлина (римская словесность), Корнелиуса (история средних веков), Крумбахера (история Нового времени) и т.д. Сверх того, работал на семинарах профессоров Криста, Вельфлина и Шолля, а у последнего ещё занимался палеографией и эпиграфикой. Далее А.Ф. Семёнов стал действительным членом Академического Историко-филологического общества, где долгое время состоял филистером. Затем он читал рефераты и принимал участие в чтении и интерпретации древних авторов. Наравне с занятиями в университете, Анатолий Фёдорович продолжал свои занятия по музыке, а именно в Мюнхенской Государственной Консерватории. Выдержав экзамен по теории музыки (гармония, контрапункт, fuga), он был удостоен в 1887 г. звания учителя музыки. Осенью 1888 г. сдал Государственный экзамен в университете, вместе с дипломом получил право преподавания древних языков в Баварской гимназии. И здесь в своей научной карьере он делает резкий поворот: на службу в Баварии А.Ф. Семёнов не поступил, а, переехав в Петербург, стал готовиться к академической карьере в России. На основании Баварского диплома он был допущен к сдаче экзамена на степень магистра. Этому экзамену он подвергся в 1890 г., а затем, выбрав тему для диссертации, принялся за её разработку. В 1893 г. сдал ещё дополнительный экзамен на звание учителя гимназии, он поступил на государственную службу в качестве преподавателя древних языков во второй Киевской гимназии, а в 1895 г. после публичной защиты диссертации под названием «*Antiquitates iuris publici Cretorum*» он был удостоен звания магистра греческой словесности²¹¹.

Отзыв на магистерскую диссертацию А.Ф. Семёнова написал профессор Нежинского Историко-Филологического Института А.Лециус, который опубликовал её в журнале «Университетские известия» (г.Киев) за 1895 г. Рецензент отметил, что во второй половине XIX в. значительно увеличилось число источников по греческой истории и греческим государственным

²¹¹ Semenov A. *Antiquitates iuris publici Cretensium*. Jurjevi, 1894.

«древностям». В виду этого стало необходимым подвергнуть пересмотру результаты прежних общих исследований по названным частям нашей науки. К числу этих историко-антикварных исследований относилась и диссертация А.Ф. Семёнова. Т.к. главное исследование о древнем Крите трёхтомное сочинение Ноеск`а вышло ещё в 20-х годах XIX века, то план диссертанта собирать и разбирать весь новонайденный материал по критским государственным древностям сам по себе заслуживает полного одобрения. Автор мог надеяться сделать ценный вклад в науку и значительно пополнить наши сведения о критском государственном праве. Ожидание это не исполнилось в полном объеме. Оказалось, что наши новые источники лишь в частностях и мелочах обогатили наши ведения о государственных порядках древнего Крита. Тем не менее, труд А.Ф. Семёнова рецензент признает весьма актуальным²¹². Автор действительно собрал весь до сих пор известный эпиграфический материал, он толкует его прилежно и осторожно, и старается вывести из него соответствующие заключения о рассматриваемых им вопросах.

Одновременно с исследованием А.Ф. Семёнова вышло исследование итальянского ученого Е. Чикотти, на которое автор ещё успел несколько раз сослаться. Хотя учёные пришли к одним и тем же результатам, но А.Ф. Семёнов работал совершенно самостоятельно и нередко расходится с выводами своего визави.

Свою работу он разделил на 9 глав. В 1-й он характеризует и перечисляет литературу по Критским государственным «древностям» от Геродота до Е. Чикотти. Во 2-й после краткого описания острова рассуждает о его догреческом населении, о завоевании острова греками и дорьянами и сообщает список всех известных нам городов древнего Крита. В 3-й главе он перечисляет те надписи, в которых сообщаются сведения об истории острова, а потом старается её воссоздать от древнейших времён до покорения острова римлянами. Следующие темы уже непосредственно относятся к теме. В 4-й автор излагает общее развитие государственного порядка в критских общинах, в 5-й – о союзе критских городов, в 6-й о сословиях, в 7-й – о магистратуре, в 8-й о критских учреждениях римского периода, и в 9-й –

²¹² Лециус А. Рецензия на сочинение А.Ф. Семенова *Antiquitates iuris publici Cretensium*, представленное для приобретения степени магистра греческой словесности // Университетские известия. Киев, 1895, № 8. С. 1.

о государственном воспитании молодёжи. По мнению рецензента, такое распределение материала не совсем удачно.

Работа А.Ф. Семёнова выполнена на высоком уровне, хотя диссертация его носит, главным образом, описательный характер. Автор сопоставляет и толкует различные источники. Достоинством диссертации, по словам автора рецензии, является «добросовестное отношение автора к делу и его трудолюбие: он пользуется всей литературой по затронутым им вопросам, старается вникнуть в скудные показания источников, вывести из них заключения для пополнения наших сведения о критском государственном праве»²¹³.

С другой стороны, работа несвободна от всех тех недостатков, которые часто замечаются в трудах молодых и неопытных ученых «среднего уровня»: попадаются излишние повторения, его доводы нередко слабоваты, неполны и неудачны, изложение иногда неясно и неточно, встречаются противоречия.

А.Ф. Семёнов пишет по латыни. Но его латынь, хотя её можно назвать правильной – не особенно плавна. Он, по-видимому, мало потрудился над языком, допуская вульгаризмы и солэкизмы, хотя и редко, и прямые ошибки. Текст испещрен многими и нередко довольно крупными опечатками и недосмотрами, которые не производят особенно приятного впечатления: А.Ф. Семёнов плохой корректор и, должно быть, при корректуре обошёлся без содействия ассистента, между тем, как таковое желательно при издании *первого* сочинения, к тому же ещё на латинском языке. Так, во 2-й главе автор кратко говорит о предполагаемом доисторическом населении острова, об Этеокритянах, Кидонах. Куретах, Корибантах, Тельхинах, а также о следах финикийян и египтян на почве Крита. Изложение – довольно удовлетворительное и знакомит читателя с настоящим положением данного вопроса. Как пишет рецензент, «*часто надо ставить знак вопроса*». Так, желая доказать, что Этеокритяне и Кидоны – семиты, А.Ф. Семёнов сопоставляет название первого племени с названием города Этеи, которое он по-челу-то считает семитским.

Далее, автор, рассуждая о завоевании острова греками, высказывается против тех учёных, по мнению которых острова Эгейского моря, стало быть, находились в руках дорян ещё до их переселения в Пелопоннес. Вопрос о

²¹³ Лециус А. Указ. соч. С. 7.

том, сколько было греческих общин, т.е. политических общин на о. Крит, он не разрешает, ограничиваясь сам перечислением тех 120 городов и городков, имена которых до сих пор известны.

Известный интерес представляет его экскурс о Миносе и приписываемой ему талассократии. Отстаивая мнение о первоначальном политическом объединении острова в седой старине, он в пользу этого мнения ссылается не только на общее сходство политических учреждений во всех критских общинах, но и на поразительное сходство формул клятв, применяемых при заключении договоров между отдельными городами.

В 4-й главе автор излагает ход развития политического порядка в критских городах. Изложение его не вызывает крупных сомнений: оно разумно и трезво. Демократическую эпоху он на основании надписей делит на два периода: в 1-м упоминается только *oi kosmoi* и *h polis*, во втором – совет и народ. Значит, магистерская власть была не сразу уничтожена, но лишь в позднейшее время была вытеснена властью народного совета. Замечание это правильно, хотя оно изложено автором не совсем ясно и А.Ф. Семёнов пишет, что олигархия на о.Крит была установлена в 600 г., 150 лет после царя Этеарха²¹⁴. Разница между встречающимися понятиями ясно не изложена. Но в целом глава довольно удачна.

В 6-й главе «*De ordinibus*» рецензент находит много неясного и непоследовательного, хотя изложение отличается похвальной полнотой. Крайне туманны его замечания о критских филах.

Удачнее, по мнению А. Лециуса, 7 гл. «*De magistratibus*». В этой главе – она самая объемистая – заключается главная заслуга диссертации А.Ф. Семёнова. Он тщательно толкует все имеющиеся данные о должностных лицах в критских общинах и старается скудные показания источников облечь хоть некоторую плотью и кровью. Глава, по мнению рецензента, содержит много самостоятельного и не лишена научной ценности.

В 8-й главе собрано и разобрано всё, что нам известно о критских государственных учреждениях в римский период.

В 9-й главе изложен трудный и спорный вопрос о государственном воспитании критской молодёжи, хотя его изложение не свободно от противоречий и неясностей.

²¹⁴ Semenov A. Op. cit. P. 65–66.

Автора рецензии удручает латинский слог А.Ф. Семёнова. Он не только весьма посредственный латинский стилист, но и иногда не признает законов латинской фразеологии: *non dubito* или *traditur* он иногда сочетает с *accus cum infinit.*, он смешивает *alius alium* и *inter se*, принимает *suffragari* в значении «голосовать», употребляет *notitiae* как «данные», *abreviatio* – сокращение.

Семёнову, по словам рецензента, свойственна значительная рассеянность. Порядок цитирования источников также вызывает возражения рецензента.

Подводя итог, автор отмечает, что с одной стороны, труд А.Ф. Семёнова не свободен от довольно крупных недостатков – они вызваны отчасти молодостью и неопытностью автора, отчасти же они свойственны ему лично: с другой стороны, его сочинение есть его диссертация, она носит характер не компилятивный, а научный и дает разные научные результаты. А. Лециус считает его удовлетворительным *specimen eruditonis et diligentiae*. Все это, по словам рецензента, позволило одобрить работу А.Ф. Семёнова и допустить её в качестве магистерской диссертации к защите²¹⁵, которая и была успешно защищена.

Однако первым опытом публикации был его перевод с английского языка сочинения Джебба «Гомер. Введение к Илиаде и Одиссеи», которое было издано в 1892 году²¹⁶.

Начиная с 1896 г. он перешёл на службу в Киево-Печерскую гимназию, где преподавал преимущественно латинский язык, а также немецкий, французский и древнегреческий языки.

В этот период определились его научные интересы. Во-первых, его ещё продолжают интересовать Крит и его клятвенные формулировки. Во-вторых, он начинает серьёзную и длительную работу над проблемами творчества ряда древнегреческих поэтов. И, в-третьих, преподавание в Киевско-Печерской гимназии не могло не наложить своего отпечатка на ещё одну сторону его творчества: параллельно он начинает работу над анализом греческих рукописей, содержащих тексты святых Симеона Дивногорца и Симеона Богослова.

²¹⁵ Semenov A. Op. cit. С. 8.

²¹⁶ Джебб. Гомер. Введение к Илиаде и Одиссее / пер. с англ. А.Ф. Семенова. СПб., 1892.

Ранее во время работы в Мюнхенской королевской библиотеке он обнаружил греческую рукопись XI века, содержащие житие Симеона Дивногорца. Поскольку эта рукопись оставалась неизданной, автор решил перевести на русский язык и издать параллельно тексты на языке оригинала, (т.е. на греческом) и в русском переводе. Изданию самого текста предшествовала подробная вводная статья о жизни и трудах самого Симеона Дивногорца.

Свой рассказ А.Ф.Семёнов начинает с повествования о том тяжком испытании, которое накладывали на себя добровольно подвижники христианской церкви. Речь идёт о долговременном неподвижном стоянии в молитве и самоуглублении, чему автор приводит многочисленные примеры. Эти люди получили название стилитов или столпников. Столпы, воздвигаемые стилитами, были различной высоты. Так, столп, на котором спасался Симеон Старший, достигал до 36 локтей в высоту. Верхняя площадка, на которой стоял подвижник, была сравнительно небольшой и равнялась примерно одной квадратной сажени. Иногда эта площадка окружалась забором или досками. Поднятие на верхнюю площадку осуществлялось с помощью лестницы, которую затем стилит держал у себя наверху и спускался только в самых крайних случаях.

Удалившись от шума и мирской суеты некоторые из столпников не полностью прерывали связи с оставленным им миром. Некоторые из них поучали с высоты своих учеников, давали благие наставления, и утверждали в учении Христовом не только устно, но и письменно. Среди таких наставлений столпников до нас дошли наставления и Симеона Дивногорца, жившего в начале VI века. Симеон Дивногорец оставил после себя свои проповеди, послания, молитвы, и наконец, поэтические произведения – церковные гимны и тропари. Жизнь Симеона Дивногорца (по-гречески – Тавмасторита) стала известной благодаря «Истории Церкви» Евагрия.

В 1898 г. во время летних каникул А.Ф. Семёнов отправился в Венецию, где занимался в библиотеке св. Марка, размещавшейся в бывшем дворце дождей. Здесь ему попала рукопись, которая там находилась под номером 494. В этой рукописи его внимание привлекли стихотворения другого Симеона – Богослова, составившие целый сборник. Наведя необходимые справки, А.Ф. Семёнов выяснил, что она ещё никогда не издавалась, и

он решил взять на себя труд по её изданию. Но другие неотложные дела помешали ему выполнить задуманное, и эту идею пришлось отложить до 1901 года. Во время летних каникул 1901 г. он просил директора Киево-Печёрской гимназии В.И. Петра разрешить ему заграничную командировку в Германию, где в Государственной библиотеке г. Мюнхена ему удалось сличить две хранящиеся там рукописи. Результаты его работы были опубликованы им в 1902 году.

Свою работу А.Ф. Семёнов начинает с его краткого жизнеописания, которое ранее было составлено ревностным учеником Симеона – Никитой Стэтатом, но также оставалось неизданным. Автору удалось установить, что уже в 17 веке французский учёный Комбефи читал житие Симеона Богослова в библиотеке Мазарини²¹⁷. Несмотря на то, что в рукописи отсутствуют какие-либо даты, А.Ф. Семёнов косвенным путём пытается их восстановить, что, впрочем, является довольно сложной задачей. Симеон Богослов, судя по всему, жил в XI веке. Принимая 1032–1043 гг. как годы смерти Симеона Богослова, в качестве даты его рождения указывает примерно на 963 г. По словам А.Ф. Семёнова, Симеон родился в Малой Азии, в области Пафлагонии, в семье богатых и знатных родителей²¹⁸. Уже в раннем возрасте он прибыл в Константинополь, чтобы под руководство своего дяди занять одну из государственных должностей. Когда ему только исполнилось 17 лет он занял пост спатарокубукулария. Однако после смерти дяди ничто не помешало юноше избрать свой жизненный путь. Он сошёлся с одним из монахов знаменитого тогда студийского монастыря, также носившим имя Симеона. Именно к нему юноша обратился с просьбой принять его в число иноков, но по причине своей молодости получил отказ. Ещё шесть лет ему пришлось оставаться мирянином, пока, наконец, сам Симеон Старший не предложил ему поменять образ жизни. Он письменно отказался от наследства своего отца и стал посещать кладбища, подготавливая себя к созерцательной жизни инока. Затем он поступил в студийский монастырь в качестве послушника и Симеон Старший сделался его духовным отцом. В течение своей жизни ему пришлось поменять ряд монастырей и ряд должностей, пока, наконец, в конце жизни он уединился в монастыре св. Марины, где и умер.

²¹⁷ Семёнов А.Ф. Сличение рукописей, содержащих гимны Симеона Богослова. Киев, 1902. С. 2.

²¹⁸ Там же. С. 5.

За всю свою долгую жизнь Симеон много писал. Он оставил после себя около десятка сочинений и все на греческом языке. Его произведения составили целый сборник, который был собран его учеником Никитой.

Недостаток формального византийского образования послужил Симеону как писателю хорошую службу: во всех его произведениях нет учёного балласта и витиеватой вычурности, которой обычно старались блистать византийские писатели. Симеон говорит искренне, от души, избегая напыщенных фраз. Его гимны, как с сожалением сообщает автор, до сих пор не изданы в оригинале. С точки зрения художественной наибольшего внимания заслуживают его поэтические произведения. Но издание его гимнов необходимо ещё и потому, что они имеют важное значение и для истории церкви²¹⁹.

Автор даёт описание сличённых им рукописей:

1) Венецианская рукопись. Это толстый том, переплетённый в красную кожу. Текст написан в два столбца. Судя по письму, относился к XIII или к XIV веку. Его писали разные лица, о можно различить четыре различных почерка. Материал – пергамент. Содержит 58 гимнов и других сочинений Симеона.

2) Мюнхенская греческая рукопись № 177. Написана на бумаге. Переплёт красный, бумажный, относится к XVI веку. Автор-составитель некто Иероним Трагодист кипрский. Содержит речи и гимны Симеона.

3) Мюнхенская рукопись № 526. Материала – бомбицина. Переплёт – белый, кожаный с медными застёжками. Время – XV век ми в конце рукописи даже приведена точная дата: 25 июня 1453 г. Рукопись подпорчена какой-то жидкостью, отчего письмо кое-где исчезло. Читается сравнительно легко, так как сокращений почти нет. Она содержит исключительно сочинения Симеона. И далее автор на 34 страницах приводит те различия в греческом тексте, которые встречаются в этих рукописях²²⁰.

Чем вызвано наше обращение к работе А.Ф. Семёнова, которая относится не к эпохе античности, а к более позднему периоду – периоду средневековья? Во-первых, мы пытаемся характеризовать творчество А.Ф. Семё-

²¹⁹ Семенов А.Ф. Сличение рукописей, содержащих гимны Симеона Богослова. Киев, 1902. С. 9.

²²⁰ Там же. С. 12–45.

нова в целом, не исключая ни одной из его работ. Во-вторых, рассматриваемая работа демонстрирует нам блестящий анализ древнегреческого текста, проведённый автором.

С темой его магистерской диссертации тесно связана его статья о критских клятвенных формулах, которые сохранились в древне-критских надписях. Свою статью на эту тему автор начинает с описания политического положения Крита, где существовал ряд постоянно враждующих между собой городов-государств. Они вынуждены были то и дело заключать между собой союзы, скрепляя их различными клятвенными формулировками. Всего дошло восемь таких формулировок. Сперва стороны в них приводился ряд божеств, которым стороны клялись, после чего следовали обещания жить во взаимной дружбе, придерживаться одних и тех же друзей, иметь одних и тех же врагов и строго соблюдать договоры под угрозой наказания богов за нарушение этой клятвы и награды с их же стороны за её соблюдение²²¹. В клятвах даже упоминаются наказания, которыми подвергнутся клятвопреступники: земля их не будет приносить плодов, а жены их не будут рожать детей. Наконец, что характерно для воинственных критян, клятвопреступник не вернётся невредимым с войны. Общие черты критских клятв могут, по мнению автора, навести на мысль о том, что в основе всех дошедших до нас клятвенных формул лежит одна. С целью доказать это автор сличает, во-первых, те божества, которые в них упоминаются. В рассматриваемых автором договорах упоминаются как панэллинские божества – Зевс, Гестия, Гера, Афина, Аполлон, так и местные – Куреты, Бри томартиса, Корибанты²²². После этого автор переходит к тем эпитетам, которые сопровождают упомянутые божества. При этом одни из богов снабжены ими в изобилии, другие – вовсе лишены этих эпитетов. Зевс именуется *Оратриос*, *Дикастой*, *Таллай*. *Моннитиос*, *Бидатас*, *Агорайос*, Первые два произведены от двух горных групп на Крите, и по-видимому, указывают на почитание божества на горных вершинах. Третий эпитет указывает на функцию Зевса как покровителя рынка или рыночной площади, на которой обычно протекала общественная жизнь греков. Этимология других эпитетов весьма туманна.

²²¹ Семенов А.Ф. Несколько слов о древне-критских клятвенных формулах // Записки Императорского русского археологического общества. Т. 7. СПб., 1895. С. 47.

²²² Там же. С. 49.

Из местных божеств, упоминаемых в клятвенных формулах автор считает заслуживающей внимания Бритомартиса, которую греки обычно отождествляли с Артемидой. Она была древнейшей богиней лесов, полей, моря. Её культ был широко распространён в западной части острова, а в городе Кидонея располагался её храм.

Все упомянутые божества в клятвенных формулах обычно приводятся в определённом порядке: во главе их стоит Гестия – божество очага (а в данном случае – государственного), на втором месте – Зевс, как верховное божество эллинов, далее – супруга Зевса Гера, затем – Аполлон и Афина. В одной из клятв двое последних заменены Посейдоном и Амфитритой.

Клятвенная формула, принятая на Крите, не была тождественна тем, которые были приняты в других областях Эллады. Её происхождение автор предлагает искать на самом Крите²²³. Он обращается к древнейшей истории Крита и указывает на то, что он издавна был населён племенами, различными по своему происхождению: среди его обитателей упоминаются финикийцы, карийцы, фригийцы, и наконец, загадочные пеласги. Затем здесь возникло государство, основанное дорийцами, и города, населённые ими имели внутреннее сходство и даже во всех из них имелся единый календарь. То же самое мы наблюдаем и с клятвенными формулами, на основании чего автор приходит к выводу: был период, когда весь остров представлял из себя единое политическое целое – одно государство. Подтверждение этому, по мнению автора, служит легенда о могущественном царе Миносе, потомок которого Идомей, участвовавший в Троянской войне, был последним мифическим царём Крита²²⁴. А.Ф. Семёнов не настаивал на том, что государство Миноса охватывало весь Крит, а скорее всего – его среднюю и восточные части вместе с Кноссом и выражает надежду, что дальнейшая разработка данного вопроса и новые открытия позволят приблизиться к разрешению этой интереснейшей проблемы.

Серию его штудий, посвящённых греческой поэзии и её отдельным представителям, открывала его монография о творчестве Феокрита. Свою работу автор начинает с общих рассуждений о роли литературы в духовной жизни того или иного народа. По его мнению, политическая история тесно

²²³ Семёнов А.Ф. Несколько слов о древне-критских клятвенных формулах // Записки Императорского русского археологического общества. Т. 7. СПб., 1895. С. 52.

²²⁴ Там же. С.53.

связана с литературой, и всякое её изменение соответственно ведёт к переменам в области литературы. Лучшим подтверждением этой мысли является древнегреческая литература. Затем автор делает краткий экскурс в развитие греческого общества и греческой литературы, после чего переходит непосредственно к анализу творчества Феокрита. Именно в его творчестве жанр поэзии, по словам А.Ф. Семёнова приобрёл своё наивысшее развитие²²⁵.

Далее автор переходит к попытке составления биографии Феокрита, которая, по словам автора, представляется столь же сложной, как и попытка составить биографию Гомера. Более того, некоторые учёные вообще сомневались в подлинности имени поэта. Автор отмечает труд немецкого учёного Хемпеля, который первым доказал, что в александрийской литературе Феокрит был известен под именем Мосх, что по-гречески означало «Бычёк», а стихотворения, принадлежащие Мосху, должны относиться к творчеству Феокрита. Оба они были сиракузянами и оба были авторами буколической поэзии.

Сложным является вопрос о месте рождения Феокрита: одни считают его сиракузянином, другие – уроженцем острова Кос. Сам А.Ф. Семёнов придерживался мнения, что родиной Феокрита всё-таки был Кос.

Такие же сложности вызывает и определение даты рождения поэта, ибо до нас не дошло на этот счёт никаких данных. Анализируя его поэзию и отталкиваясь от дат жизни тех персонажей, кому были посвящены его стихи, автор приходит к выводу, что он родился между 325–320 гг. до н. э., а время его смерти относится примерно к 250 г. до н.э.

Столь же скудны сведения о жизни поэта. По своему происхождению он принадлежал к зажиточной части населения, не совсем понятно, какие причины побудили его покинуть родину и отправиться путешествовать по Элладе, чтобы найти покровителя своему таланту. Из Сиракуз он посетил Милет, где навестил своего друга врача Никия, что было увековечено в XXVIII его стихотворении. Вообще же, пребывание Феокрита в Сиракузах было продолжительным, здесь он сделался гражданином города, но затем он принял приглашение своих друзей, вероятно, в том числе Каллимаха, и отправился в Александрию, где стал восторженным поклонником Птолемея

²²⁵ Семенов А.Ф. Введение к чтению Феокрита. Киев, 1896. С. 7.

II Филадельфа. Но и здесь он почувствовал недовольство своим положением, хотя в своих стихах он хвалил щедрость Птолемея.

Что касается его дальнейшей жизни, то известно, что он жил при дворе Гиерона II и Птолемея II и находился в хороших отношениях с образованнейшими людьми своего времени. К сожалению, некоторых из них автор называет только по прозвищам, так что мы вынуждены только догадываться, о ком из них идёт речь. Почему некоторых из своих друзей он называет только по прозвищам, остаётся загадкой²²⁶.

Далее, опираясь на труды предшествующей немецкой историографии, А.Ф. Семёнов приступает к разбору содержания стихотворений Феокрита, высказывая при этом и собственную точку зрения и демонстрируя знание тонкостей греческого языка. Из работы со своей определённой следует, что Феокрит был разносторонним и плодовитым поэтом и писал во всех трёх главных видах поэзии: эпосе, лирике и драме. Из всех же видов поэзии наибольшую славу Феокрит снискал своей буколической (пастушеской) поэзией. Именно эти стихи обессмертили его имя. Буколическую поэзию Феокрита А.Ф. Семёнов делит по содержанию на две группы: предметом одной служат мифы, особенно миф о Дафнисе, содержание другой составляли – картины обыденной жизни пастухов. Его произведения свидетельствуют об образованности и начитанности поэта.

Чисто филологическим тонкостям посвящена небольшая заметка А.Ф. Семёнова «К Геродоту», в которой автор анализирует два отрывка из IV книги Геродота. Следуя правилам древнегреческого языка, он переставляет ряд слов и восстанавливает смысл отрывка, где говорится о длине Боспора, где Дарий начал наводить мосты²²⁷.

Там же в Киеве он обращается к исследованию древнегреческой эпиграммы и издаёт о ней специальную работу. Своё исследование он начинает с определения этимологии греческих слов «эпиграмма» и «эпиграфэ». Первоначально, по словам автора, оба эти слова употреблялись без всякого различия, но затем первое стало обозначать исключительно надпись в стихах,

²²⁶ Семёнов А.Ф. Введение к чтению Феокрита. Киев, 1896. С. 16–19.

²²⁷ Семёнов А.Ф. К Геродоту // Гимназия, 1899. С. 67.

второе – прозаическую надпись²²⁸. После этого он переходит к анализу эпиграмм ряда известных поэтов, в частности, Симонида Кеосского, к творчеству которого он ещё не раз потом будет возвращаться.

В 1903 г. А.Ф. Семёнов сдал при Киевском учебном округе экзамен на звание учителя немецкого и французского языков. В биографии А.Ф. Семёнова есть один загадочный эпизод: известно, что с 1 июля 1905 г. переведен на должность учителя в Стародубскую гимназию, но уже 29 сентября того же года уволен от должности согласно прошению²²⁹. В чем крылась причина столь быстрого ухода А.Ф. Семёнова с должности нам доподлинно неизвестно. На этот счёт могут быть два варианта ответа: либо на новом месте у него не сложились отношения с новым коллективом, либо ему предложили другое место, сулившее большие перспективы.

В 1906 г. он перешёл на службу в Петербургскую Ларинскую гимназию в качестве преподавателя немецкого языка. Кроме Ларинской гимназии преподавал в Петербургской Покровской женской гимназии, немецкий язык и читал в 8-м специальном классе лекции по немецкой литературе и по методике преподавания этого языка. Далее Анатолий Фёдорович преподавал греческий язык в немецком училище Св. Екатерины (Katerininschule). Предложением Попечителя Санкт-Петербургского Учебного Округа от 26 сентября 1906 г. он был допущен к чтению лекций в СПбУ в качестве приват-доцента по кафедре классической филологии с 1 сентября 1906 г.²³⁰. К работе в Санкт-Петербургском университете он приступил с 1907 г. и проработал там до 1910 г. в должности приват-доцента.

В 1910 г. конференцией Нежинского Историко-филологического Института избран на кафедру греческой словесности на должность экстраординарного профессора, что без сомнения, явилось признанием научных и педагогических заслуг учёного. В связи с этим 27 сентября 1910 г. директор Нежинского Историко-Филологического Института обращается к ректору Императорского Санкт-Петербургского университета и информирует его, что приват-доцент университета Ф. Семёнов 25 сентября избран экстраординарным профессором по кафедре греческой словесности и просит вы-

²²⁸ Семенов А.Ф. Древнегреческая эпиграмма. Киев, 1900. С. 2.

²²⁹ ГАЧО. Ф. 1105. Оп. 1. Д.1610. Л. 69.

²³⁰ Там же. Л. 5.

слать формулярный список о службе магистерский диплом и прочие документы. В ответ его извещают, что требуемые документы г. Семёнова находятся в канцелярии Покровской Женской Гимназии, в каковой и он и состоит преподавателем²³¹.

В течение трех лет – с 1910 по 1913 гг. – А.Ф. Семёнов проработал в г. Нежине. Эти три года оказались для него весьма плодотворными как в научном, так и в педагогическом отношении, ибо в этот период им был написан ряд интересных работ как по древнегреческой истории и литературе, так и по педагогике.

В 1910 г. в Нежине А.Ф. Семёнов издает небольшую работу, посвящённую произошедшему в Афинах процессу над известной гетерой Фриной, которую защищал не менее известный афинский оратор Гиперид. Объектом его анализа явился известный пассаж из произведения Афинейя, автора II н.э. Личность гетеры Фрины была настолько популярной, что ей впоследствии посветили свои произведения такие известные живописцы XIX в., как польский художник Г. Семирадский, французский – Ж.-Л. Жером, итальянский скульптор Ф. Барцаги и многие другие.

Осветив фактическую сторону дела, А.Ф. Семёнов ставит две основные проблемы, которые он пытается решить: 1) как случилось, что простая куртизанка Фрина могла навлечь на себя обвинение в нечестии со стороны государства; 2) как случилось, что известный оратор и государственный деятель взялся защищать пользующуюся дурной славой женщину? Своё исследование автор начинает с определения того понятия, которое обычно вкладывали древние греки в слово «нечестие», выясняя этимологию понятия *асебшия* и демонстрируя при этом превосходное знание греческого языка (что вообще характерно для его работ). По его мнению, обвинение в *асебии* (нечестии) в этом случае подразумевало введение и распространение в Афинах культа чужого божества. Идя дальше в своих рассуждениях, Анатолий Фёдорович сопоставляет эпизод с раздеванием на процессе Фрины Гиперодом с известным эпизодом, когда Писистрат выдал за богиню Афину простую женщину по имени Фия: по его мнению, если в том случае афиняне поверили, что это была действительно Афина, то во втором, поражённые

²³¹ ГАЧО. Ф. 1105. Оп.1. Д.1610. Л. 1–2.

красотой обнажённой Фрины, они были убеждены, что перед ними сама Афродита²³². Предположение довольно смелое и остроумное, но, тем не менее, остающееся всего лишь предположением. Хотя А.Ф. Семёнов прямо и не говорит об особенностях греческого миропонимания, греческого менталитета, понятно, что речь идет именно об этом.

Во время своего пребывания в г. Нежине А.Ф. Семёнов начинает публиковаться и в зарубежных научных периодических изданиях. Так, в 1911 г. в немецком журнале «*Philologus*» вышла его статья о дорийской любви к мальчикам, теме, широко обсуждавшийся в зарубежной антиковедческой литературе XIX – начала XX вв. В этой статье А.Ф. Семёнов вступает в полемику с известным немецким учёным Э. Бете по поводу характера взаимоотношений мальчиков и мужчин у греков в целом и у дорийцев – в частности. Соглашаясь с тем, что этот обычай в Греции получил распространение только с переселением дорийцев, он предлагает разделить вопрос на две части: 1) с одной стороны, учитывать роль государства и его поддержку данного обычая; 2) ни в коем случае не возводить отдельные случаи проявления этого уродливого явления в ранг поддерживаемой государством системы²³³. Государство видело повсюду в Греции, где оно допускало любовь мальчикам, в Спарте ли, на Крите или в Фивах, чисто идеальное отношение, большую педагогическую ценность, особенно, что касалось военного обучения. От этой любви к мальчикам, по мнению автора, нужно строго отличать безобразные, мерзкие пороки, которые широко распространились в Греции под влиянием богатых и зажиточных стран Ближнего Востока. «Действительно, как же это было возможно, что простой, пусть необразованный, но такой честный и естественный народ, каким были дорийцы, уже в очень древние времена были вовлечены в искажение обычая с извращённостью, делая проекцию единственному пороку?»²³⁴ - удивляется автор. Очевидно, противоречие ясно. Гораздо естественнее это было бы ожидать от ионийцев, ставшим известными. Но не в этом случае. Короче говоря, существует огромное различие между гомосексуализмом в полном смысле этого слова и дорийской любовью к мальчикам. Необходимо признать, что эта любовь в более поздние времена, к сожалению, перешла в первую. Это, по мнению автора,

²³² Семёнов А.Ф. Гиперид и Фрина // Сборник Историко-филологического общества при Институте князя Безбородко в Нежине. Нежин, 1912–1913. Т. 8. С. 9.

²³³ Semenov A.F. Zur dorischen Knabenliebe // *Filologus*. 1911. S. 147.

²³⁴ *Ibid.* S.150.

ничего не меняет в утверждении, что в самом начале это одно понятие, которое надо отделять от другого.

Любимым греческим автором А.Ф. Семёнова был Симонид Кеосский. Издав о нём первую свою работу ещё в Киеве в 1903 г.²³⁵, в нежинский период своей деятельности он вновь возвращается к его творчеству, результатом чего стало издание второй его монографии на данную тему. Побудительным мотивом для этого, по словам А.Ф. Семёнова были его собственные ошибки и ошибки тех, за кем он ранее следовал. К тому же удачные конъектуры в текстах древних авторов помогли восстановить подлинные слова поэта, что придало правильное понимание его текстам. Биография Симонида даётся на широком историческом фоне, ибо, по словам автора, «знакомство с внешними обстоятельствами жизни писателя значительно облегчает изучение его произведений»²³⁶. Несмотря на то, что полной биографии автора не сохранилось, А.Ф. Семёнов на основе самых разнообразных отрывочных данных буквально по крупицам пытается её воссоздать. Кроме того, А.Ф. Семёнов указывает на тех зарубежных авторов, труды которых он использовал для составления биографии поэта (работы Гиралдуса, Фосса, Фабрициуса, Бэйле, Бернхарди, Берга, Ситтля, Криста и т.д.). Причём работа первого автора на эту тему была написана в 1525 году! Не забывает А.Ф. Семёнов и первую биографию Симонида на русском языке – это труд Степковскогo изданный в Варшаве в 1879 г. Примечательно, что основные вехи биографии поэта А.Ф. Семёнов пытается восстановить не только по кратким упоминаниям различных авторов (Свиды, Плутарха, Цицерона и т.д.), но на основании сведений из эпиграмм самого поэта. В приложении автор даёт переведённую им лично подборку наименее известных эпиграмм поэта.

Со времени издания этой работы прошёл почти целый век, но до сих пор в отечественном антиковедении работа А.Ф. Семёнова о Симониде остаётся, по сути, единственной.

Именно в Нежине происходят большие перемены и в личной жизни учёного. На имя директора Нежинского Историко-Филологического Института 5 февраля 1913 г. от него поступает прошение следующего содержания:

²³⁵ Семенов А.Ф. Симонид Кеосский. Его жизнь и поэзия. Киев, 1903.

²³⁶ Семенов А.Ф. Греческий лирик Симонид Кеосский и сохранившиеся отрывки его поэзии. Нежин, 1912. С. 1.

«Имею честь просить Ваше превосходительство не отказать мне в разрешении вступить в законный брак с девицей, дочерью купца Иустинией Николаевной Бешеновой, 34 лет и в отпуске на время от 8 февраля с.г. до 16 февраля»²³⁷. Он получает разрешение и впервые в 50 летнем возрасте вступает в брак. Его супруга, И.Н. Бешенова, была на 16 лет моложе своего мужа.

В 1913 г. по избрании на факультете и Совете Анатолий Федорович был утверждён экстраординарным профессором Варшавского университета. В связи с этим ректор Варшавского ун-та обращается к Директору Нежинского Историко-Филологического Института со следующей просьбой: «Экстраординарный профессор Нежинского Историко-Филологического Института А.Ф. Семёнов избран советом Императорского Варшавского Университета кандидатом на должность экстраординарного профессора...по кафедре греческой словесности...Не встречается ли с Вашей стороны препятствий к переходу г.Семёнова на службу во вверенный мне Университет» и просит прислать формулярный список о его службе и личные документы...»²³⁸.

Здесь, в Варшаве он проработал до 1915 г, когда Университет был переведён в г. Ростов-на-Дону. Доподлинно известно, что в 1914 г. профессор А.Ф. Семёнов вел практические занятия по греческому языку со студентами классического отделения²³⁹.

В Донском ун-те он был утверждён в звании ординарного профессора в 1917 г. Здесь же, в 1916 г. вышла его обобщающая работа, которая как бы подводила итог всем его исследованиям по истории античной литературы «Очерк по истории греческой лирики классического периода». Обосновывая необходимость издания этого труда, А.Ф. Семёнов писал, что он хотел в сжатом виде «представить нашей молодёжи полезное руководство по этому предмету в виду относительной бедности нашей учебной литературы сочинениями по истории древнегреческой словесности»²⁴⁰. Что касается хронологических рамок и содержательной стороны работы, то она, во-первых, охватывает лирику классического периода и завершается 400 г. до н.э., и во-вторых, рассматривает древнейшую религиозную и светскую лирику,

²³⁷ ГАЧО. Ф. 1105. Оп. 1. Д. 1610. Л. 51.

²³⁸ Варшавские университетские известия, 1915. Кн. 6. С. 35.

²³⁹ Там же.

²⁴⁰ Семенов А.Ф. Очерк истории греческой лирики классического периода. Ростов-на-Дону, 1916. С. 5.

«младших хоровых лириков» (Симонида, Вакхилида и Пиндара), элегию, сатиру, а также Лесбейскую лирику в лице Алкея, Сапфо и Анакреонта.

На страницах данного краткого очерка едва ли возможно полностью осветить основное содержание этого обобщающего труда, который, кстати, также стал библиографической редкостью, поэтому коснусь лишь основных идей, высказанных автором в этой работе. По мнению А.Ф. Семёнова, начиная с VII в. до н.э. в Греции наметился упадок эпической поэзии. Место отцветающего эпоса в греческой поэзии занял другой её вид – лирика. Причины этого автор видит в следующем: в эпосе поэты описывали прошедшие времена, в которых у греков господствовал миф²⁴¹. В лирике же поэты, наоборот, выражали чувства по поводу современных событий, в ней преобладала действительность и с ней вместе – личность поэта, ибо по поводу какого-либо события он выражал не только чувства людей, но и свои личные. С изменением содержания поэзии изменились и её формы. Лирика была песней в полном смысле этого слова, ибо лирические стихотворения пели и аккомпанировали им на музыкальных инструментах. Особенностью греческой лирики по сравнению с эпикой было то, что поэт-эпик, говоря об общеизвестных мифах, говорил на языке везде понятном, так как он читал свои произведения в разных областях, поэт-лирик интересовался, прежде всего, делами своего родного города и, конечно, выражался на языке, на котором сам думал, так как предназначал своё произведение для своих ближайших соплеменников. Именно в лирике стала проявляться и индивидуальность авторов античной эпохи.

Автор отмечает, что у греков существовали и религиозные, и светские песни. Среди первых А.Ф. Семёнов упоминает гимн, который исполнялся в Дельфах, среди светских песен – песни нянек, песни ремесленников и т.д. Но расцвет греческой лирики начался тогда, когда талантливые поэты оставили устаревшую эпiku и под влиянием ряда причин стали искать новые способы выражения воодушевлявших их чувств.

Всю лирическую поэзию автор делит на две группы: 1) лирику хоровую; 2) лирику монодическую (песни, исполняемые одним лицом). В свою очередь, хоровую лирику автор делит на религиозную и светскую. К религиозной хоровой лирике он относит *пэан, просодию и партеннии*²⁴².

²⁴¹ Семёнов А.Ф. Очерк истории греческой лирики классического периода. Ростов-на-Дону, 1916. С. 8.

²⁴² Там же. С. 14.

Рассматривая создание различных форм древнегреческой лирики, автор указывает на роль музыки, объясняя её бесконечное разнообразие ритмических построений, которые себе позволяли греческие поэты-лирики.

Затем автор переходит к характеристике творчества отдельных авторов, давая краткие их биографии. Начав с творчества уроженца острова Лесбос Терпандра, он затем переходит поэтапно к творчеству Алкмана, Ариона, а также таких малоизвестных широкому читателю поэтов, как Ласос, Меланиппид, Филоксен, Тимофей, Стесихор, Ивик и т.д. Рассматривая творчество «младших поэтов хоровой лирики», он вновь возвращается к произведениям своего любимого поэта Симонида Кеосского, хотя на этот раз даёт лишь общую, концентрированную оценку его творчеству. Столь же кратко, но достаточно ёмко он характеризует творчество Вакхилида и Пиндара.

Нельзя не обратить внимания на тот солидный список иностранной, в основном германоязычной, литературы, который использовал автор в своём исследовании. Это работы Т. Берга, Г. Боде, Д. Хартунга, Д. Смита, Г. Мюллера, У. Виламовица-Меллендорфа, Д. Фарнелла и других авторов. Вне всякого сомнения, в условиях отсутствия подобной обобщающей литературы в Ростове издание «Очерков...» было весьма нужным и полезным.

В 1918 и 1919 гг. А.Ф. Семёнов занимал должность декана Историко-филологического факультета. При основании в г. Ростове-на-Дону Археологического Института в 1918 г. он занял должность профессора и в этом учреждении. Предметы, по которым он читал лекции, следующие: греческая литература периодов классического и александрийского, история греческого языка, история античной культуры, греческая метрика, палеография и эпиграфика. Суть его практических занятий со студентами заключалась в чтении и грамматическом разборе текстов Гомера, Софокла, Эврипида, Феокрита, Катулла, Цицерона, Тацита, готовил студентов к самостоятельной работе в области изучения античности. В 1918 и 1919 гг. читал лекции по античности и по истории немецкой литературы на Педагогических курсах²⁴³.

За долгие годы преподавательской деятельности А.Ф. Семенов накопил богатый педагогический опыт – опыт преподавателя и воспитателя, который он сумел изложить в ряде своих статей и брошюр. Изучение этого опыта представляет немалый интерес, ибо позволит взглянуть как на самого

²⁴³ ГАРО. Ф. Р.-46. Оп.1. Д. 307. Л. 189.

Анатолия Федоровича, как преподавателя, так и на саму систему образования не только России, но и соседней Германии.

Окончив различные учебные заведения Германии, само собой разумеется, что А.Ф. Семёнов отлично знал её систему образования. К тому же, даже будучи зрелым ученым, он время от времени наезжал туда в научные командировки для работы в местных библиотеках. Поэтому, начав преподавать в России и столкнувшись с отечественной системой образования, он сразу же увидел её существенные недостатки. Всё это побудило его обобщить всё лучшее, что он нашёл в немецкой системе образования и ознакомить с ней российскую общественность.

Изложение своего видения проблем он начинает не с критики недостатков российской системы гимназического образования, а именно с ознакомления читателей с устройством классических гимназий в Баварии. Свою первую статью на данную тему он написал под впечатлением своего пребывания летом 1895 г. в столице Баварии Мюнхене, куда он прибыл не только для работы в библиотеке, но и, по-видимому, чтобы навестить приживающихся там постоянно родителей.

Все средние учебные заведения в Баварии подчинены в административном и учебном отношении Министерству внутренних дел по делам церкви и школы. Надзор за учебными делами в гимназиях возложен на состоящий при Министре Высший учебный совет, составленный из нескольких профессоров университета, высших технических и коммерческих школ и ректоров гимназий, известных своей научной и педагогической деятельностью.

В первый класс гимназии принимались дети от 10 до 12 лет, куда поступали уже достаточно подготовленные ученики, которые были «дисциплинированы» народной школой после 4–5 летнего пребывания в ней, что в целом облегчало их дальнейшее обучение в гимназии и благотворно влияло на их духовное и физическое развитие²⁴⁴.

Приём учеников в гимназию производился один раз в год в первых числах сентября. Учебный год в гимназиях Германии начинался с 10 сентября и оканчивался 14 июня, следовательно, в общем продолжался полных

²⁴⁴ Семенов А.Ф. Устройство классических гимназий в Баварии // Педагогический еженедельник, 1896, № 6–7. С. 63.

10 месяцев. По подсчётам автора, за исключением праздничных и воскресных дней, на учебный год приходилось 230 учебных дней, а так как полный учебный гимназический курс продолжался девять лет, то он составлял 2070 учебных дней. Для сравнения, в российских гимназиях учебный год состоял из 208 учебных дней, на весь восьмилетний курс гимназии приходилось 1664 учебных дня, т.е. наш гимназический курс был короче немецкого на 406 дней, или почти на два учебных года! В силу этих причин и программы российских гимназий менее насыщены, иначе выполнение их для учащихся было бы сопряжено со значительными сложностями.

Ученикам баварских гимназий не полагалось форменной одежды: они являются в классы в обыкновенном городском костюме. Всякое щегольство запрещалось.

Какова же была плата за обучение в немецких гимназиях? Она назначалась в трёх низших классах по тридцати марок в год (русский рубль равнялся примерно двум маркам), в трёх средних классах – по тридцати шести марок, в трёх высших – по сорок марок. Плата вносилась ежемесячно в течение десяти месяцев. Но были и лица, освобождаемые от оплаты: это те, кто мог предъявить свидетельство о бедности из той общины, к которой он был приписан и отличавшиеся успехами в науке и хорошим поведением.

Занятия во всех классах начинались в 8 часов утра и продолжались в младших классах до 10 или 11 часов, в старших – до 12 часов. Затем предоставлялось два часа на обед, после чего занятия продолжались в младших классах от 16 до 17 ч., в старших – от 17 до 19 ч.; по средам и субботам после полудня уроков не было.

Ученики 1 и 2 классов гимназии имели по 25 уроков в неделю, 3 класса – 26, 4 класса – 27, 5 и 6 классов – по 28, 7–9 классов – по 29 уроков²⁴⁵.

Обязательные предметы в германских классических гимназиях те же, что и в российских, за исключением имеющегося у них естествознания. К необязательным предметам относились еврейский, английский и итальянский языки, стенография, музыка, пение и специальное рисование.

Весьма интересна и расценовка предметов: на Закон Божий во всех классах отводилось по два урока в неделю, на родной, т.е. немецкий язык полагалось в 1 классе по 5 уроков, во 2 – 4 урока, в 3 – 3 урока, от 4 по 7

²⁴⁵ Семенов А.Ф. Устройство классических гимназий в Баварии // Педагогический еженедельник, 1896, № 6–7. С. 64.

класс включительно по два урока в неделю, в 8 классе – 3 урока в неделю и в 9 классе четыре урока. Кроме грамматики языка изучается риторика и история литературы, в младших классах обращается особое внимание на правильный и логичный пересказ прочитанного во время урока литературного произведения, в старших классах – на сочинение. На латинский язык в первых пяти классах полагалось по восемь уроков в неделю, в 6 и 7 классах по семь, и в 8 и 9 – по шесть. В старших классах при чтении Овидия, Вергилия и Горация заучивались на память некоторые отрывки из них. Греческий язык начинался только с четвертого класса и число его уроков было по шесть в каждом классе. Кроме чтения во время урока латинских и греческих авторов ученикам предписывалось обязательное чтение какого-либо автора дома; также в течение семестра ученики должны были прочесть дома какое-либо научное пособие по мифологии или по истории и его содержание пересказать учителю в классе.

В классических гимназиях Германии изучалась и математика. В первых трёх классах на неё отводилось по 3 урока в неделю, в 4 – два урока, в 5 и 6 – по пять, в трёх высших классах – по четыре урока в неделю. Физику же преподавали только в 7 и 8 классах по одному уроку в неделю.

Преподавание истории начиналось с третьего класса. С 3 класса по 7 было определено по два урока в неделю, в 8 и 9 классах – по три.

География изучалась в первых пяти классах по два урока в неделю. Естествознание преподавалось в первых пяти классах по одному уроку в неделю. Французский язык изучался в последних четырёх классах, в 6 и 7 классах, по три урока в неделю, в 8 и 9 – по два. Физкультурой, или как её тогда называли, гимнастикой, гимназисты занимались во всех классах по два часа. Рисованием обязательно занимались ученики 2 и 3 классов по два урока в неделю²⁴⁶.

В немецких гимназиях надзор за порядком в классе во время уроков поручался одному из учеников по выбору классного наставника на один месяц, на одну неделю или даже на весь год. Избранный на эту должность носил название *Primus*. Он вёл классный журнал, в который записывал отсутствующих в классе учеников, отказ того или иного ученика от ответа и даже причины отказа, замечания, сделанные преподавателем ученику, проступки учеников, уроки, заданные на следующий день и т.д.

²⁴⁶ Семенов А.Ф. Устройство классических гимназий в Баварии // Педагогический еженедельник, 1896, № 6–7. С. 65

Весьма интересно и описание самого урока. Большая часть времени на уроке занята не только опросом того, что задано, но и всего пройденного. Это производилось отнюдь не от необходимости выяснить успехи учеников оценками, как полагали в России некоторые педагоги, а из желания, чтобы памяти у учеников прочно укоренились полученные ими знания.

Довольно своеобразной представляется и системы выставляемых учителями оценок: за ответы учащихся они ставились не ежедневно, а только один раз в четверть, причём никаких протестов ученика на выставленную оценку не допускалось. Но преподаватель время от времени вносил в свою записную книжку заметки об ответах учеников (т.н. *geheime Censur*).

Учащиеся баварских гимназий, по словам А.Ф. Семёнова, отличались примерным поведением: после звонка без всякого постороннего побуждения они быстро собирались в классы. Всякое же нарушение дисциплины строго каралось, причём наказания имелись двух видов: наказания, которые налагались преподавателем и наказания, которые налагались самим ректором. Первые вид наказаний подразумевал выговор ученику перед классом, пересадка его на отдельную скамью, оставление его в гимназии после уроков на один час и более. Второй вид наказаний предусматривал выговор, помещение в карцер, лишение права бесплатного обучения, угроза исключения из гимназии. Исключение ученика из гимназии происходило в основном по решению педагогического совета, но за проступки, позорящие честь заведения или грубо нарушающие предписанный распорядок, ректор мог и своей властью исключить ученика, уведомив педагогический совет только в его следующем заседании. А.Ф. Семёнов приводит случай, когда ученик, отказавшийся выполнить приказ учителя выйти из класса, был в тот же день исключён ректором из гимназии²⁴⁷. Исключение могло назначаться на один семестр, по окончании которого ученик мог поступить в другую гимназию, но не в том же городе; или же ученик исключался навсегда, в таком случае он уже не мог никуда более поступить. Однако последнее наказание налагалось только с согласия министерства.

Ученики переводились в следующий класс без экзамена, на основании полученной им годичной оценки, выведенной из четвертных оценок. Если учащийся не успевал по какому-либо одному предмету, ему позволялось

²⁴⁷ Семенов А.Ф. Устройство классических гимназий в Баварии // Педагогический еженедельник, 1896, № 6–7. С. 78.

сдать по этому предмету экзамен перед началом нового учебного года. Ученики, прибывшие в одном классе два года и не переведённые в следующие классы, исключались из гимназии и не имели права перейти в другую гимназию. Исключению подвергались также те ученики, которые уже достигли допустимого в этом классе возраста. Предельный возраст учеников был рассчитан так, что, поступив гимназию в 10 лет, он мог окончить курс к 21 году, чтобы по достижению этого возраста ему надлежало явиться к исполнению воинских обязанностей.

В 9 классе в конце учебного года производился экзамен на аттестат зрелости, но во время экзамена обычные уроки в классе не прекращались, исключая дней экзамена, и что самое удивительное – на время подготовки к экзамену никакого особого времени не предоставлялось. В состав экзаменационной комиссии входил ректор и преподаватели гимназии, а председательствовал комиссар, назначаемый министром из профессоров университетов. Экзамен проводился в устной и письменной форме. Письменный экзамен начинался с 14 июня и продолжался четыре дня. В первый день ученики делали перевод с немецкого на латинский язык, на что им отводилось 4 часа времени. Во второй день они писали сочинение на родном языке на тему, взятую из классической литературы. На третий день в первой половине дня проводился экзамен, заключающийся в переводе с греческого языка на немецкий, а после обеда – с немецкого на французский. На четвертый день проводилось письменное решение задач по физике и математике. Только при переводе с греческого на немецкий разрешалось пользоваться словарём. На время письменных работ назначался один из молодых преподавателей в качестве наблюдателя, чтобы исключить списывания и подсказки.

После письменного экзамена ученики ещё продолжали посещение занятий в течение двух недель, пока преподаватели рассматривали письменные работы. Результаты экзаменов рассматривались на педагогическом совете, причём комиссар из Министерства имел права настоять на повторном рассмотрении той или иной работы. Ученики, получившие за сочинение на родном языке неудовлетворительную оценку, к устному экзамену не допускались. Также к устному экзамену не допускались те из учеников, которые получили три неудовлетворительные оценки по трём другим письменным

экзаменам. От устных экзаменов полностью освобождались те, кто за письменные работы получал удовлетворительные оценки и имел по ним в течение года хорошие оценки. Все остальные ученики сдавали ещё и устный экзамен. Каждому испытуемому на устный экзамен отводился один день: утром и после обеда. При этом на ответ ему давалось не более одного часа. Выдержавшие экзамен получали аттестат об окончании курс гимназии и пользовались правом поступления в университет.

Не менее интересна система управления хозяйственной и учебной деятельностью гимназий. Она целиком лежала на ректоре, назначаемом министром из профессоров гимназии по классическим языкам. В его обязанности входил контроль за преподаванием. С этой целью ректор время от времени посещал классы и присутствовала на уроках, следил, чтобы преподавание не уклонялось от программ, утверждённых министерством, и указывал преподавателям на те или иные замеченные им недостатки и давал советы по их устранению. Ректор был обязан преподавать один из классических языков (но не более 12 уроков в неделю) в 8 или 9 классе. В начале каждого учебного года ректор назначал классных наставников и при участии педагогического совета составлял расписание уроков. В конце учебного года ректор подавал в Министерство отчёт о состоянии вверенной ему гимназии, в котором, между прочим, размещает краткий обзор научной и педагогической деятельности каждого преподавателя и его политические убеждения, т.е. к какой парламентской партии он принадлежит. Ректор сообщал Министерству обо всех необходимых мерах – в том числе и хозяйственных, по улучшению работы гимназии. Преподаватели гимназии к решению хозяйственных вопросов не имели никакого отношения.

Что входило в функции педагогического совета? Он обсуждал дела, касающиеся преподавания. На его заседаниях выбирались программы и пособия для преподавания уже отобранные министерством, распределялось преподавание в классах между членами совета, издавались дидактические и дисциплинарные правила для учащихся, назначал награды лучшим ученикам, налагал на учеников различные взыскания и даже принимал решение об их исключении за тяжелые проступки.

Ректор не имел права занимать какого-либо места в другом среднем учебном заведении или быть профессором университета. В редких случаях на него возлагалось руководство прогимназией, расположенной недалеко от

гимназии. В зависимости от наполненности гимназии или при наличии общежития ему в помощники назначался проректор из той же гимназии, продолжавший своё преподавание.

Интересные сведения А.Ф. Семёнов приводит об окладе ректора. Первые пять лет он получал жалование в сумме 4920 марок и по 540 марок квартирных в год. Начиная с 6-го по 10-й годы службы он получал по 582 марок в год, с 11 по 15 годы – 6180 марок в год, с 16-го по 20-й годы включительно – 6540 марок в год, и начиная с 21-го года службы ему каждые пять лет прибавляли по 180 марок²⁴⁸.

Для решения различных «бумажных» дел имелась канцелярия во главе с секретарём, который считался государственным служащим, а также вольнонаёмные писцы, получавшие по 3 марки в день.

Преподавателями классических гимназий могли быть лица, пробывшие по окончании курса гимназии не менее восьми семестров в университете по 1-му отделению (историко-филологическому) или по 2-му (физико-математическому) философского факультета. Получив об этом свидетельство из университета, они подавали прошение в Министерство о допущении их к государственному испытанию и прилагали при прошении удостоверение полиции, что за ними никаких уголовных дел не числится. Государственный экзамен для всей Баварии проводился один раз в год в Мюнхене, начиная с 1 по 22 октября. Для проведения государственного экзамена назначается министерская комиссия, состоящая из профессоров университета и ректоров гимназий под председательством одного из членов высшего учебного совета. Число членов комиссии должно быть не менее шести. Для каждого предмета бывает два вида экзамена: письменный и устный. На первый даётся 4 часа, на второй – 2 часа. Перечень предметов, по которому сдаётся экзамен, таков: латинский и греческий языки, греческая и римская история, всеобщая история, немецкая литература, историческая грамматика немецкого языка, история философии и педагогика. Кроме того, нужно написать сочинение на заданную тему из области классической филологии или педагогики. Получившие неудовлетворительную оценку за письменную работу, к устной не допускаются. Выдержавшие же государственный экзамен, получают от экзаменационной комиссии свидетельство об этом и

²⁴⁸ Семёнов А.Ф. Устройство классических гимназий в Баварии // Педагогический еженедельник, 1896, № 6–7. С. 80.

могут тотчас же заявить о своём желании поступить на службу. Министерство распределяет их в зависимости от полученных оценок младшими учителями в гимназии. По истечении года они, сохраняя за собою занимаемые места младших учителей, подвергаются специальному экзамену на звание учителей, представляя перед началом испытания какое-либо научное исследование на тему по своему выбору, или на тему из указываемых ежегодно министерством. Это исследование должно быть не менее одного печатного листа и не превышать трёх. Испытательная комиссия состояла из профессоров университета, из которых 5 филологов, 2 историка, и по одному специалисту по археологии, германистики и философии²⁴⁹.

Выдержавшие испытание получают звание старших учителей и назначаются министерством на работу в порядке старшинства полученных ими на экзамене оценок. Те, кто не выдержал испытание, могут повторить испытание на следующий год. Старшие преподаватели, прослужившие известное число лет, получают звание профессоров гимназии, при этом жалование их увеличивается. Число профессоров для всех гимназий Баварии определяется парламентом. Ранее, когда число гимназий было меньше, каждый из преподавателей после 15 лет службы мог рассчитывать на получение профессорского звания, но после того, как их число увеличились, рассчитывать на получение профессорского звания стало возможно только после 20 лет службы.

Зарплата учителей напрямую зависела от их звания. Младшие учителя гимназий получали по 1440 марок в год, Старшие учителя за первые три года службы получали 2280 марок в год плюс 180 марок квартирных, за 4–5 годы 2820 марок ежегодно, с 6-го по 10-й год – 3180 марок, с 11 по 15 годы – по 3 360 марок, с 16 по 20 год – 3540 марок. С 25 года службы они получают прибавку к жалованию по 180 марок ежегодно.

Ещё выше была, естественно, зарплата профессоров гимназий. Первые пять лет службы они получали 3720 марок плюс 420 марок квартирных ежегодно, всего – 4 140 марок, с 6-го по 10-й годы – 4500 марок, с 11 по 16 годы – 4860 марок, от 16 до 20 лет – по 5220 марок ежегодно²⁵⁰ (8).

²⁴⁹ Семенов А.Ф. Устройство классических гимназий в Баварии // Педагогический еженедельник, 1896, № 6–7. С. 81.

²⁵⁰ Там же. С. 82.

Насколько соответствовала эти зарплаты прожиточному уровню тогдашней Германии? А.Ф. Семёнов на этот счёт даёт исчерпывающее пояснение: «Будучи хорошо осведомленным с жизнью в Мюнхене и в провинциальных баварских городах, мы думаем, что преподаватели гимназий не могут жаловаться на скудость получаемого ими содержания, особенно если примем во внимание, что оно точно определено на целый ряд лет и совершенно не обуславливается числом даваемых уроков, которое может зависеть от многих случайных обстоятельств»²⁵¹. И нельзя не заметить читаемый сквозь строки намёк автора о том, что материальное положение учителей российских гимназий заметно хуже положения их немецких коллег.

Что касается числа уроков неделю, то у всех преподавателей их не должно быть более 22, у младших учителей – не более 18. В случае отсутствия или болезни преподавателя его заменяют другие, свободные коллеги безвозмездно, т.е. никогда не прерывается за отсутствием преподавателя.

К обязанностям преподавателя кроме преподавания относится также наблюдение за поведением учеников, так как особых воспитателей при гимназиях не существовало. Обычно они прохаживались среди учеников по коридорам гимназии зимой и по двору летом. Воспитательный процесс продолжался и вне стен гимназии: учителя были обязаны следить за поведением учеников на улице и в общественных местах и в случае замеченных проступков, сообщать о них ректору.

Примечательно, что особого библиотекаря в гимназии не было – каждый классный наставник заведовал собственной библиотекой своего класса.

Завершая свой очерк гимназического образования в Германии, А.Ф. Семёнов пишет, что оно «довольно сходно с нашим», но существуют «некоторые отклонения». И хотя автор подчёркивает, что «останавливаться на них частности, критически рассматривать их в отдельности, проводить параллели, делать сравнения и выводить из них заключения завело бы нас слишком далеко и не входило в план нашей работы», такие сравнения напрашиваются сам собой, и выводы автора читаются сквозь строки, не оставляя на этот счёт двух мнений: германская система гимназического образования является для него образцовой, многое из которой надо позаимствовать России.

²⁵¹ Семёнов А.Ф. Устройство классических гимназий в Баварии // Педагогический еженедельник, 1896, № 6–7.

Однако следуя в дальнейшем логике автора, рассмотрим систему гимназического образования в России, которой автор посвятил отдельную монографию. Уже само название монографии – «О малоуспешности учеников наших гимназий» – настраивает нас на определённый лад. И в дальнейшем наши предположения полностью оправдываются.

Вся работа А.Ф. Семёнова построена на сравнении немецкой и российской систем гимназического образования. Свою работу он начинает с великого значения образования в жизни любого общества, приводя высказывания авторитетных государственных деятелей и учёных. После этого автор переходит к анализу той ситуации, которая сложилась в системе образования на рубеже XIX–XX веков. По его словам, сложились и совершенствуются две главные системы образования молодых поколений – гуманистическая и реальная, которые ведут непрерывную борьбу между собой между собой с переменным успехом, который зависит господствующих в обществе взглядов.

В настоящее время, как указывает автор, в обществе преобладает преимущественно практический взгляд на жизнедеятельность и потому развилась ненависть на классической древности, как и ко всему не приносящему непосредственной практической пользы. Родителя, исходя из чисто практических целей, заботятся не столько о широком образовании детей, сколько о том, чтобы они скорее и с гораздо меньшими усилиями оканчивали обучение и старались бы получить место, обеспечивающее их материальное благополучие. При таком чисто практическом взгляде общества на образование у большинства родителей развилось недовольство гуманистической системой; по их мнению, изучение гуманистических наук отнимает слишком много времени. Как известно, родителям свойственно все неудачи в образовании их детей сваливать на школу, но остаётся чрезмерно довольны, если школы по своей сути нетребовательны. Поэтому прежде чем, идя на встречу пожеланиям некоторых родителей, разрушать старую школу, А.Ф. Семёнов предлагает первоначально выяснить, какие недостатки лежат в сущности системы. По словам автора, излишняя поспешность во внедрении новой системы может не только неблагоприятно повлиять на целый ряд подрастающих поколений, но и ввести государство в значительные и напрасные расходы²⁵².

²⁵² Семенов А.Ф. К вопросу о малоуспешности учеников наших гимназий. Киев, 1904. С. 6–7.

И здесь автор вновь ссылается на опыт соседней Германии, которая, по его словам, прекрасный пример такой осторожной и осмотрительной реформы средних учебных заведений. Эта реформа, начавшаяся в 70-е годы XIX в., в начале XX века оставалась всё ещё незавершённой. Из 277 прусских гимназий были реформированы около 30. Первой из них реформированию подверглась городская гимназия в Альтоне. Её реформирование заключалось в том, что греческий язык был изъят из программы, количество часов по латинскому языку было уменьшено, а вместо него увеличено количество часов по физике, естествознания, английского и французского языков. Таким образом, альтонская гимназия представляла собой смесь прежней реальной гимназии с реальной школой без древних языков.

Примерно по такому же образцу, по словам автора, произошло реформирование франкфуртской гимназии Гёте: здесь количество греческого языка было сокращено с 36 до 32 ч. в неделю, а латинского – с 62 до 52 ч.

Параллельно количество математики было увеличен с 34 до 46 ч. в неделю, истории и географии с 26 до 28, французского языка – 19 до 32. Преобразованная таким образом гимназия явилась соединением прежних реальной и классической гимназий. В основу реформирования альтонской и франкфуртской гимназий были положены одни и те же идеи: сперва дети овладевали грамматикой родного языка, а уже затем переходили к изучению древних языков. Таким образом, здесь не произошло коренной ломки прежней системы. Но тем не менее, по словам автора, реформа гимназий не встретила в Германии большого сочувствия. Бывший министр народного просвещения Баварии Ландманн в своём выступлении в парламенте сказал, что «осуществление вновь предлагаемых нами реформ на деле я считал бы национальным бедствием»²⁵³. Подобная реформа и с такой осторожностью проводилась и во Франции.

Поспешное же реформирование системы гимназического образования может привести к большим затруднениям при её проведении и подорвать доверие к самой реформе. В качестве примера подобной поспешности автор приводит реформу гр. Толстого, которая при своём проведении сразу же встретила два важнейших препятствия: 1) недостаток преподавателей; 2) отсутствие учебных пособий. Чтобы помочь делу, были приглашены преподаватели из-за рубежа, но по причине незнаний российских порядков, им был

²⁵³ Семенов А.Ф. К вопросу о малоуспешности учеников наших гимназий. Киев, 1904. С. 8.

трудно возбудить у учеников интерес к древним языкам, а необходимое для этого изучение грамматики вызвало у учеников настоящую ненависть к этим предметам. Даже увеличение часов на изучение новых языков сразу же вывило нехватку подготовленных преподавателей даже в таких центрах, как Москва. Такая же нужда ощущалась и в преподавателях естественных наук. Если же необходимо было бы заменить греческий язык, считавшийся неизвестно почему трудным для гимназистов, то по словам автора, вместо него желательно было увеличение часов на такие предметы, как история, философия, литература, которые могут лучше расширить умственный кругозор гимназистов, чем изучение специальных наук.

Резюмируя свои рассуждения, А.Ф. Семёнов пишет, что дело отнюдь не в преимуществах той или иной системы образования, ибо обе они ведут к облагораживанию души, возвышенности мысли и воспитанию сердца». Но рассуждая о той или иной системе образования, нельзя забывать упускать ей самый важный элемент – учеников, без которых немислимо существование самой школы. «Учеников или вовсе не касались, либо относились к ним как к каким-то бесформенным существам, витающим в пространстве, из которого они ежедневно к 9 часам утра нисходят в гимназию»²⁵⁴. И далее А.Ф. Семёнов переходит к рассуждениям о самих учениках, от которых зависят успехи в системе образования.

В российские гимназии в начале XX века наметился приток учащихся из всех слоёв общества, и, следовательно, с самым разным уровнем домашнего воспитания, различными привычками, понятиями, характером и т.д. Между тем, дети ремесленников и крестьян, по причине малой культурности и материальной обеспеченности их родителей оставались без всякого воспитания, ухода и присмотра, так как в России в то время не было ни детских садов, ни детских приютов, куда родители, отправляясь на работу, могли бы оставлять детей на дань за небольшую плату для присмотра за ними и их обучением. В России дети из «несостоятельных классов» получают по словам автора, воспитание на задних дворах, среди таких же брошенных детей, как и они сами. Там они вольно или не вольно становятся свидетелями различных преступлений, безнравственных поступков, а порой и принимают сами в них непосредственное участие.

²⁵⁴ Семенов А.Ф. К вопросу о малоуспешности учеников наших гимназий. Киев, 1904. С. 13.

Если на воспитание детей обращалось мало внимания, то ещё меньше внимания обращалось на их обучение. Многие родители смотрели на школу с чисто практических целей: чем легче в неё поступить, чем короче в ней курс и чем больше прав и преимуществ окончившим её, тем она считается лучше, потому что раньше снимает с родителей заботу о содержании детей и позволяют детям раньше пристроиться на хорошее место. По словам А.Ф. Семёнова, многие беды проистекают от неправильной позиции родителей: многим руководителям музыкальных или школ для рисования пытаюсь убедить родителей, что их дети лишены способностей и из них не выйдет ни художников, ни музыкантов, наживают в лице их родителей настоящих врагов. К тому же многие родители убеждены, что их детям свойственна любовь к наукам. Но дело в том, что, по словам автора, необходимо различать детское любопытство и истинную любовь к наукам – понятиям, не имеющим между собой ничего общего²⁵⁵.

Но даже наличие интереса к наукам не может гарантировать успешного обучения в будущем: для этого требуется нормальное развитие умственных способностей, охота к труду, терпение, настойчивость и многое другое. Между тем родители не обращают на это должного внимания, а ведут детей в школу только потому, что они достигли школьного возраста. Им безразлично, в какую школу отдавать ребёнка. Если в родители стремятся отдавать детей в гимназии, то это объясняется тем, отчасти лёгкостью поступления в них, отчасти теми правами, которые предоставляются окончившими курс, отчасти личным тщеславием родителей, мечтающих чтобы их дети по окончании заняли определенное общественное положение. Но главный недостаток существующей системы образования – это нехватка низших общеобразовательных школ. По данным статистики одна народная школа приходилась на 2833 человека. Из 946 городских поселений России 92 города вообще не имели ни одной школы. К примеру, в Англии при населении в четыре раза меньше, чем в России, учащихся общеобразовательных школ было в полтора раза больше чем в России. Общий вывод, который делает в этом вопросе автор: для поддержания нормального процесса обучения и развития школьного дела, необходимо в год открывать до 2600 новых четырёх-

²⁵⁵ Семенов А.Ф. К вопросу о малоуспешности учеников наших гимназий. Киев, 1904. С. 14–15.

годовых школ. Даже в крупных городах ежегодно за порогом школы остаются сотни детей. Так, в 1903 г. более тысячи детей, желавших получить начальное образование, не смогли его получить.

Таким образом, автор подводит нас к одному из главных своих выводов: перед поступлением в гимназию дети обязаны в течение нескольких лет посещать народные школы, потому что именно в них они получают под руководством специально подготовленных учителей необходимые начальные сведения о предметах, которые им впоследствии более подробно придётся изучать в гимназиях. В России же большинство поступающих в гимназии даже не переступало порога начальных школ, не имея представления о том, какие науки им придётся изучать. Для таких детей уже первый класс гимназии является трудным: не усвоив его надлежащим образом, они переходят во второй и т.д. Понятно, что при таких обстоятельствах трудности обучения будут возрастать с каждым годом, и они никогда не смогут сравниться с теми зарубежными сверстниками, которые до поступления в гимназию проходят основательную подготовку. Некоторые из наших детей, не посещая начальную школу, должны до поступления в гимназию обучаться дома, что порой весьма обременительно для семей с небольшим достатком, и некоторые семьи при этом стремятся отделаться «малой кровью»: для этой цели приглашают студента, семинариста или отставного военного, или чиновника. Зачастую эти люди занимаются только временно, до того, как подыщут более выгодное место. На их место приходит новый учитель, который начинает своё обучение снова. Но даже состоятельные люди находят для своих детей хорошо подготовленных наставников с огромным трудом, по большей части – из иностранцев.

Убедившись в неподготовленности детей к средней школе, министерство сочло необходимым открыть при гимназиях подготовительные классы. Но эта мера не решила проблемы: во-первых, из-за низкого уровня требований для приёма в первый класс родители из более обеспеченных семей пренебрегают начальным образованием, так что первые два или три года учебного возраста у них совершенно пропадают; во-вторых, дети из обеспеченных семей поступают в первый класс с более лучшей базой, нежели у их товарищей, и т.о. учащиеся 1 класса как бы распадаются на два разряда: для одних он оказывается слишком легким, для других – слишком трудным.

По мнению автора, большой вред системе гимназического образования нанёс Устав 1864 г., который ещё более понизил требования для приёма в первый класс гимназии, причём настолько, что поступать туда стало легче, чем в уездные училища. Это привело к переполнению гимназий учениками, которым по положению и средствам их родителей было бы свойственно обучаться в уездных училищах и которые лишь в исключительных случаях могут окончить полный курс гимназий, но по большей части оставляют гимназии недоучившись²⁵⁶.

Ещё одна важная проблема, на которую указывает А.Ф. Семёнов, это проблема переполненности классов. Гимназии, и без того переполненные, с каждым годом переполняются всё более. В этой связи автор ссылается на мнение министр просвещения Венгрии, который прямо ставил успех обучения от количества учащихся в каждом отдельно взятом классе. И здесь же следует сравнение с баварскими гимназиями, где число учащихся в одном классе гимназии равняется 35 человекам. В противоположность им количество учеников в российских гимназиях достигало 60. Также обстоит дело с общим количеством учеников в гимназиях. Так, в Киевской гимназии, которая была рассчитана на 350 человек, обучалось 500 человек. При этом нарушаются все гигиенические нормы.

Переполненность классов заметно влияет на труд самого преподавателя. Ему труднее «сообразовываться с индивидуальными качествами учеников, а должен обучать всех вместе, что при разнообразии их способностей вредно отражается на их развитии и успехах»²⁵⁷. К тому же при большом количестве учеников среди них найдутся ленивые и малоспособные, которые не могут или не хотят внимательно следить за объяснениями преподавателя, а устраивают различные шалости, типа мычания, пускания стрел или просят выйти. И это нередко проделывают 18–19 летние ученики, безнаказанно нарушая внимание своих товарищей и труд преподавателя. Слабые и ленивые ученики – это, по словам А.Ф.Семёнова, «крест учителя», которые являются обузой и тормозом для ведения занятий в классе. Бесспорно, что удаление из гимназий непригодных для обучения элементов будет только содействовать успехам оставшихся. Ради нескольких обездоленных природою и ленивых, наставники много раз должны повторять сызнова то,

²⁵⁶ Семёнов А.Ф. К вопросу о малоуспешности учеников наших гимназий. Киев, 1904. С. 23.

²⁵⁷ Там же. С. 25–26.

что давно должно быть известно; в это время даже средний ученик переживает убийственную скуку и начинает лениться. Всё это ведёт к фактическому невыполнению программы.

Далее автор указывает на те меры, которые предпринимаются для устранения данной проблемы в ряде европейских стран. И вновь в качестве примера берётся опыт Германии, где детей, показавших сомнительные знания на приёмном экзамене, берут на шестинедельную пробную подготовку, по окончании которой, если они окажут недостаточные успехи, то их немедленно удаляют. Вообще, учеников малоспособных, ленивых стараются удалять из гимназии по возможности через короткое время.

С другой стороны, строгость вступительных экзаменов также является той действенной мерой, которая должна не допускать переполнения гимназий. Именно в младших классах скапливается до 50% отсталых учеников, которые парализуют работу учителя и пагубно действуют на товарищей. И здесь автор предлагает проводить строгие экзамены, чтобы не допустить эти элементы в старшие классы. И снова А.Ф. Семёнов в качестве примера приводит опыт Германии и Франции, где очищение гимназий от непригодных для обучения элементов не представляется слишком тяжёлым для учеников и их семейств, т.к. там существовало значительное количество самых разнообразных школ, в которых исключённые ученики могли найти себе место, более соответствующее их способностям и наклонностям²⁵⁸. В России же подобное исключение было не только жестоким, но и даже опасным в виду явной нехватки низших учебных заведений.

Далее автор переходит к заочной полемике с Ж.-Ж. Руссо, который считал, что не стоит заниматься воспитанием неспособных, ибо воспитатель не больничная сиделка и не должен тратить на это время. Дети, отставшие в физическом и умственном развитии, выделяют из своей среды молодых преступников, за содержание и надзор за которыми общество и государство уплатит в будущем вдесятеро больше, чем стоило бы их своевременное воспитание и обучение в школах специально для них устроенных.

Предлагая своё решение умственно отсталых детей, автор, как и подобает антиковеду, обращается к опыту древнего мира. Он пишет, что в Древнем Риме детей, отставших в умственном развитии от сверстников, лечили медицинскими средствами: им давали чемерицу и другие специфические

²⁵⁸ Семенов А.Ф. К вопросу о малоуспешности учеников наших гимназий. Киев, 1904. С. 27–28.

средства, будто бы улучшающие память. В настоящее время – сетует автор, – малоспособных учеников уже не лечат медицинскими средствами, а устраивают для их обучения особого типа «вспомогательные школы»²⁵⁹. В Германии, таких школ, например, было открыто около 70, в которых обучаются дети от 6 до 14 лет и у которых умственные способности развиваются настолько, что они могут переходить в нормальные школы и успешно продолжать образование. Подобным образом обстояло дело и во Франции и Англии. Таким образом, по мнению автора, в Европе пришли к убедительному выводу, что для психически отсталых детей необходимо специальное воспитание. Но поскольку в России таких специальных школ практически не существовало, исключать из гимназии всех малоспособных детей было бы слишком жестоко, ибо многие из них лишились бы даже начального образования. В силу этих причин зачастую педагогические советы вынуждены из чувства сострадания оставлять таких малоспособных детей по несколько лет в одном и том же классе. Но если такое снисхождение ещё разумно в младших классах, то в старших классах оно не представляет существенных выгод: выйдя в 13–14 лет из гимназии дети ещё могут поступить в обучение какому-либо ремеслу или перейти к практической деятельности, достигнув же 17–18 лет они лишаются и этой возможности. Чтобы не губить их окончательно приходится выдавать аттестат круглым невеждам, Фальшивое снисхождение, по мнению автора, есть величайшая жестокость по отношению к ученикам, которая может навсегда испортить их учебную и жизненную карьеру²⁶⁰.

Печальные результаты заниженных экзаменационных требований начинали сказываться и давали повод к несправедливым нападкам на гимназии и на существующую систему образования. В начале 1902 г. в журнале министерства юстиции были сообщены нелестные отзывы председателей и прокуроров о молодых юристах. Главное почти единогласное обвинение заключалось в малограмотности поступающих с университетской скамьи на судебные должности, крайней неразвитости их и в незнании правил правописания.

К числу причин, снижающих успехи российских гимназистов, автор относит весьма слабый домашний надзор. Родители нередко под предлогом

²⁵⁹ Семенов А.Ф. К вопросу о малоуспешности учеников наших гимназий. Киев, 1904. С. 29.

²⁶⁰ Там же. С. 32.

не лишать детей удовольствия, позволяют им вести такой образ жизни, который вовсе не согласуется с успешным получением образования. «У нас, – пишет автор, – самая зелёная молодёжь посещает театры, концерты, цирки, общественные собрания, домашние балы и вечеринки и пр. и таким образом не только отвлекаются от занятий науками, но и теряют всякую охоту ими заниматься, утрачивают стремление к саморазвитию. Ученики, ведущие такой образ жизни, естественно, недосыпают, они едва имеют 6 часов времени для отдыха вместо необходимых для сна 8–10 часов, что со временем приводит к неровному расстройству. Придя в класс не выспавшимся, ученики не могут быть внимательны, часто под ничтожными предложениями совсем не являются на уроки. Ежегодно на каждого ученика приходится до 50 % пропущенных уроков»²⁶¹.

Домашние работы такими учениками выполняются крайне небрежно или даже совсем не выполняются, а между тем родители негодовали, что дети должны сидеть за уроками чуть ли не до утра! Самый легкий труд, который приходится проделывать ученику, вызывает взрыв негодования со стороны родителей. Более того, родители требуют, чтобы ученики разучивали домашние задания прямо на уроке.

Ещё одним фактором, препятствующим получению нормального гимназического образования А.Ф. Семёнов называет материальную нужду. Некоторые ученики гимназий буквально были вынуждены бороться за существование. Автор приводит статью из Астраханского Вестника, где содержался рассказ о гимназисте 5-го класса Попове, который после смерти отца семью из матери и семи малолетних братьев и сестёр, добывая для этого средства трудясь корректором и доставкой в биржевой отдел сведений о продажах рыбы, одновременно продолжая обучение в гимназии. Измученный таким непосильным трудом, он скоро последовал за своим отцом... Хотя подобные примеры не часты, тем не менее, масса 14–15 летних гимназистов вынуждены добывать себе пропитание частными уроками или стоянием в лавке своих родителей. Такие тяжелые условия жизни не могут не отражаться на научных знаниях и здоровье учеников²⁶².

²⁶¹ Семёнов А.Ф. К вопросу о малоуспешности учеников наших гимназий. Киев, 1904. С. 35.

²⁶² Там же. С. 37–38.

Автор обращает внимание ещё на один феномен российской образовательной системы и вскрывает её корни и пороки. Речь идёт о *репетиторстве*. Оно явилось следствием слабой подготовленности учеников к обучению в гимназии. Хотя во французских лицеях репетиторство тоже получило распространение, но там репетиторы одновременно несли обязанности надзирателей. Они, как бывшие питомцы лицея, находились с ним в полном контакте, были хорошо знакомы с программами и с методами обучения в лицее, близко знали способности и характер каждого ученика. В Германии репетиторство развито гораздо слабее, где родители репетитора приглашают только тогда, когда им это посоветует сам ректор или классный наставник. Их берут из студентов или молодых преподавателей, А.Ф. Семёнов приводит слова попечителя Киевского учебного округа, который говорил, что родители, поместив сына в гимназию, тут же ищут репетитора, который бы помогал их сыну в том предмете, который покажется ему трудным. Поэтому репетиторство в России получило широкое распространение. Юные репетиторы почти незнакомы с делом и в большинстве случаев сами слабо знающие предмет, не в состоянии правильно объяснить заданный урок. В среднем за урок репетиторы получали от 20 до 30 копеек, что не удовлетворяло самым насущным потребностям далеко нетребовательного студента. Одним словом, пользы от репетиторства никакой, а вред весьма очевиден: оно лишает детей охоты и способностей к самостоятельному труду²⁶³.

Ещё один фактор, который также приводит к малоуспешности учеников гимназий, это слабое физическое здоровье учеников, на которое в России обращают мало внимания. При неудовлетворительном физическом состоянии родителей таким же оно остаётся и у детей. Так, доктор Зак, исследовав в Москве 6800 воспитанников средних учебных заведений, нашёл 2.956 негодными к военной службе. В школу часто поступают дети ослабленные и физически, и психически. Автор приводит данные о потреблении мяса, хлеба и других продуктов в год на человека и Россия в этом отношении явно уступает таким странам, как США и Англия. Это влияет на увеличение тех болезней, которые зависят от самого питания: цынга, золотуха, куриная слепота, рахит, сыпной тиф и т.д. Причём число больных этими болезнями возрастает не по дням, а по часам. Вместе с этим возрастает количество калек и

²⁶³ Семёнов А.Ф. К вопросу о малоуспешности учеников наших гимназий. Киев, 1904. С. 40–41.

эпилептиков. Антигигиенический образ жизни коснулся и мелких служащих: самоотравление табаком, алкоголем, бессонные ночи за картами, вечная нужда в деньгах – такова обстановка и та нравственная атмосфера, в которой рождается и проводит время юное поколение. При таких условиях трудно, чтобы дети были здоровы. Как говорил Дарвин, каждое поколение собирает жатву того, что посеяло предыдущее. Нервная слабость была чрезмерно распространена среди болезней молодёжи в России. Она может усиливаться до такой степени, что мозг становится почти неспособным к мышлению и вообще к какой-либо умственной деятельности²⁶⁴.

Одним из наиболее частых признаков «нервной слабости» служит головная боль, доходящая иногда до мигрени и препятствующая занятиям ученика. По некоторым данным, головной болью страдали от 30 до 40 % воспитанников петербургских средних учебных заведений. Она особенно интенсивно проявляется у тех из них, кто происходит от родителей алкоголиков. И здесь снова автор ссылается на указания древних: по его словам, ещё Аристотель и Плутарх заметили, что дети пьяниц бывают либо сами пьяницы, либо нервные субъекты. Алкоголь производит глубокие изменения в организме. Опираясь на данным профессора Марро, автор указывает, что из ста молодых преступников 66 злоупотребляли алкоголем, и у 56 из них этот порок был наследственным. В поле зрения А.Ф.Семёнова попали и исследования профессора Ламброзо, который сообщал, что от одного пьяницы по имени Макс Жуке в период до его 75-летия произошло потомство в 870 человек, из которых насчитывалось 200 воров и убийц, 280 слабоумных, слепых и чахоточных, 90 проституток и 300 детей, умерших вскоре после рождения. Всё это убеждает, что алкоголики до смерти успевают развиться и оставить такое же потомство, как и они сами. И в России, как печально констатирует автор, алкоголизм принадлежит к числу нередких явлений²⁶⁵.

Из других факторов, вредно влияющих на нервную систему учащихся, автор выделяет курение. По его мнению, курение табака ведёт к расстройству сердца и желудка, притупляет умственные способности и ослабляет память, вызывает сонливость и нервную слабость. И вновь автор опирается на последние исследования в этой области зарубежных врачей. Начав курить, дети перестают прогрессировать в науках, становятся невнимательными и

²⁶⁴ Семенов А.Ф. К вопросу о малоуспешности учеников наших гимназий. Киев, 1904. С. 42.

²⁶⁵ Там же. С. 47–48.

нервными, не могут справляться с заданной работой и не в состоянии спокойно сидеть в классе. Автор пишет, что нужно приобретать положительный опыт зарубежных стран в борьбе с этим злом: так в Японии законно наказывает родителей, позволяющих курить табак детям, обучающимся в школе²⁶⁶.

Иногда бывает, что курящие дети могут первоначально нормально учиться, но потом постепенно оно постепенно сказывается, внимание и память слабеют, и дети начинают плохо учиться. И хотя дома их наказывают за леность, но наказания не приносит пользы, а наоборот – оно действует вредно, у детей развивается мрачное расположение духа, апатия и идеи преследования, которые порой могут довести их до отчаяния и самоубийства.

Различные болезни, препятствующие нормальному обучению детей, по мнению А.Ф.Семёнова, делают необходимым участие врача на заседаниях педагогического совета, который мог бы отличить ленивого ученика от больного.

Ещё один фактор, который по мнению автора препятствует нормальному развитию учеников, это *переутомление*. Именно посредством его стараются ныне доказать непригодность существующей ныне системы классической системы и объяснить различные неприятности, одолевающие учеников в школе. По словам автора, ещё Платон предостерегал от излишнего напряжения сил учащихся: «Учение не должно быть тягостью, никакие насильно навязанные знания не останутся в душе». Утомление и сонливость – враги учения. И далее автор снова ссылается на опыт Германии и Франции, где вопрос о переутомлении неоднократно разбирался на уровне правительства.

Каковы же причины переутомления детей? По мнению автора, это плохое домашнее воспитание, недостаточная подготовка, слабость умственных способностей, леность и разные дурные качества характера.

Чтобы предохранить учеников от переутомления, некоторые предлагали разнообразить умственные занятия физическим трудом, гимнастикой, танцами, играми, экскурсиями и т.д., но мы видели, что, во-первых, умственные занятия не переутомляют учеников средней школы, так как почти 80 % из них не подвергаются переутомлению, у остальных же оно развивается от независимых от школы факторов; во-вторых, сменой умственного

²⁶⁶ Семенов А.Ф. К вопросу о малоуспешности учеников наших гимназий. Киев, 1904. С. 49.

труда на физический невозможно и обратно нельзя предохранить ученика от переутомления; так как, если бы каждая работа утомляла только тот орган, который, которым она производится, то при целесообразной смене деятельности можно было бы работать неограниченное время; уставший орган мог бы успокоиться пока вместо него работали другие. Но ежедневный опыт убеждает в том, что действительная усталость ощущается одновременно во всех частях нашего организма. Каждый по опыту знает, что, если он прошёл 40 верст в день, он не сможет заниматься умственным трудом, так будет чувствовать слабость не только в ногах, но и ослабление мозга и нервов. Следовательно, гимнастические упражнения, требуя усиленной механической деятельности, не могут в то же время служить для отдыха. Особенно вредно они действуют, когда помещаются между другими уроками, после чего можно наблюдать, как ученики остаются вялыми, утомлёнными, какими и были ранее.

Сказанное о гимнастике, относится также и к занятиям музыкой, живописью, ручным трудом, если он помещается между уроками по научным предметам. У нас нередко рекомендуют для отдыха заняться музыкой, но музыка сильно раздражает и без того раздражённую нервную систему. Автор приводит удивительное высказывание композитора Гуно, который на вопрос, какое место должна занимать музыка в деле воспитания, ответил: если не хотят сделать музыку средством для существования, то надлежит тратить на неё насколько можно меньше времени.

Автор отвергает также идеи некоторых общественных деятелей разделить классные занятия на утренние и послеобеденные. Такое разделение, по его мнению, неудобно с точки зрения гигиенической и экономической, а ещё более потому, что послеобеденный отдых недостаточен для уравновешения предобеденной усталости, как доказали это наблюдения доктора Фридриха.

Но какой же выход видит сам автор? Он предлагает следовать известной триаде Огюста Конта: восемь часов отдыха, восемь часов умственной работы, и восемь часов сна для взрослого человека. Для детей же количество часов для умственной работы должно быть несколько уменьшено²⁶⁷. Автор приводит высказывание доктора Нечаева, который писал, что «нормальная

²⁶⁷ Семенов А.Ф. К вопросу о малоуспешности учеников наших гимназий. Киев, 1904. С. 65.

дневная работа», т.е. средняя продолжительность умственной работы в течение дня не может превышать 6,5 часов. Главный вывод, к которому приходит автор: не только даровитые ученики, но и ученики со средними способностями при правильном распределении времени не могут жаловаться на переутомление в российских гимназиях.

И далее А.Ф. Семёнов переходит к не менее интересному и важному вопросу об условиях труда преподавателя в России, попутно делая важные сравнения с условиями труда преподавателя гимназии в Германии.

По его словам, преподаватели, не менее, чем ученики, могут подвергаться различным недугам. И причиной тому не только более пожилой их возраст, но и ежедневное, частое раздражение нервов и мозга, вызываемое служебной деятельностью и волнениями, тесно связанными борьбой за существование и семейными заботами, которые ослабляют организм и предрасполагают к разного рода заболеваниям. И здесь автор приводит разного рода данные из медицинской статистики. Из 19 пациентов доктора в лечебнице нервных болезней доктора Адамсона почти половина пациентов были преподавателями учебных заведений. Врачи кантонов Невшательского и Женевского свидетельствуют, что огромный процент учительниц поступают в дома умалишённых по причине нервных расстройств. Особенно часто они страдают острыми и хроническими горловыми и лёгочными болезнями, вследствие вдыхания пыли, повышенной температуры классной комнаты, продолжительного говорения громким голосом. Полученные таким образом болезни поддерживаются и ухудшаются простудой, которой легко подвергаются преподаватели при частых переменах температуры.

Далее А.Ф. Семёнов обращается к весьма актуальному и сегодня вопросу материального обеспечения преподавателей. И здесь автор прибегает к сравнению с хорошо известным ему германским опытом. В то время, как преподаватель берлинской гимназии за свои 18–22 урока в неделю получает 4800–6300 марок в год, т.е. в переводе 2230–2980 руб. в год, преподаватель наших гимназий за тоже число уроков получает от 1080 до 1320 руб.: оклады в 1200 и 1500 руб. нельзя принимать во внимание, так как они назначаются по одному на всю гимназию и выдаются только старейшим преподавателям в гимназии. Правда, преподаватель российских гимназий может увеличить свой доход дополнительными уроками, но и вместе с ними его заработок

едва ли дотянет до 1400–1700 руб. в год., т.е. получит он в два раза меньше, чем его берлинский коллега²⁶⁸.

К тому же нельзя не заметить, что жизнь в российских городах значительно дороже, чем в городах Германии. Но даже и там уже в начале XX века было признано, что материальное положение учительского персонала при годовом окладе в 2230–2980 руб. весьма неудовлетворительно по сравнению с другим профессиями, и комиссия по вопросам образования, заседавшая в Берлине 6–8 июня 1903 г. потребовала дальнейшего улучшения материальных условий, в которых приходится работать учителям гимназий. «Если материально положение берлинские преподаватели считают тяжёлым, вследствие чего пустовало множество учительских мест, то каковым же оно должно быть для наших преподавателей, получающих вдвое меньше?» – задаётся вопросом автор. Едва ли зарабатывая 1400–177 руб. в год, преподаватель сможет существовать прилично своему общественному положению, воспитывать детей и хоть что-то отложить на старость. Даже после 25-летней службы дальнейшее его существование не кажется обеспеченным, потому что его пенсия в 500–600 руб. с трудом может обеспечить его самого, но никак не его семью. Поэтому преподаватель в России не редко больной, изнурённый должен усиленно стараться, чтобы его оставили после 25 лет службы на дальнейший срок и служит он пока хватит сил или терпит его начальство, чтобы только поддержать семью и не допустить её скатывания до уровня бедности. Вследствие этого встречаются на службе преподаватели уже в значительно пожилом возрасте, переутомлённые продолжительной работой и обязанные давать по-прежнему тоже число уроков, как и в дни своей молодости, так как жалование у нас не увеличивалось с числом лет службы, как в Германии или Франции, а с числом уроков. Преподаватели подчиняются тому же закону, что и ученики: умственная деятельность и внимание их постепенно слабеют с увеличением количества часов работы.

Недостаток получаемого на работе жалования вынуждало преподавателей российских гимназий искать себе побочных заработков, т.е. давать частные уроки, так как к другому роду деятельности им трудно привыкнуть. Но для того, чтобы давать частные уроки необходимо иметь достаточно свободного времени. Но случалось и так, что преподаватель просто не находил

²⁶⁸ Семенов А.Ф. К вопросу о малоуспешности учеников наших гимназий. Киев, 1904. С. 68.

для этого свободного времени. Порой имея по три-четыре урока в день, преподаватель должен оставаться в гимназии до 3 часов дня, а нередко он и вечером бывает занят, будучи обязанным помещать педагогические советы. Таким образом, для частных уроков учитель должен буквально выкраивать свободное время зачастую прилагая для этого титанические усилия. «Что же могут ждать ученики от учителя, переутомлённого непосильным трудом, от учителя. Мысли которого заняты вечно борьбой за существование?» – восклицает автор²⁶⁹. И при таком тяжелом положении преподавателя общество, относясь к нему вполне безучастно, ещё требует от него идеального совершенства!

Подводя итог своим рассуждениям, А.Ф. Семёнов пишет, что причины падения уровня успешности учеников гимназий наших учебных заведений кроются не в системе, на которой она зиждется, а на разнообразных условиях, влияющих на правильный ход образования юношей²⁷⁰. Резюмируя ход рассуждений автора, можно выделить те факторы, которые препятствуют нормальному процессу образования.

Во-первых, это необходимость широко развития начального образования, чтобы дети, желающие поступить в гимназию, шли туда подготовленными.

Во-вторых, для нормализации учебного процесса в самой гимназии безнадежно отстающие ученики должны отсеиваться и переходить в различные ремесленные и другие школы, дающие им необходимые профессии для будущего трудоустройства.

В-третьих, для повышения успешности учеников необходимо усилить домашнее воспитание, которое является залогом успешного образования в гимназии.

В-четвёртых, необходимо обращать особое внимание не только на здоровый образ жизни учеников, но и их родителей, ибо только здоровый ученик способен успешно воспринимать полученные знания.

В-пятых, процесс образования едва ли будет успешным если для главного действующего лица этого процесса – учителя – не будут созданы нормальные условия для работы, в том числе – и материальные.

²⁶⁹ Семенов А.Ф. К вопросу о малоуспешности учеников наших гимназий. Киев, 1904. С. 70.

²⁷⁰ Там же. С. 71.

Со времени написания А.Ф. Семёновым упомянутой работы прошло уже более ста лет, но как актуально высказанные им проблемы звучат и сегодня.

А.Ф. Семёнов являлся Действительным членом Русского Археологического общества, Киевского Филологического и Философского общества при Институте кн. Безбородко, а также Историко-Филологического общества (Verein) в Мюнхене.

В мае 1915 г. А.Ф. Семенов передал в дар библиотеке Варшавского университета книги по медицине ушедшего из жизни отца, которые были размещены в четырех ящиках и временно оставлены в нижнем помещении библиотеки. После эвакуации Варшавского университета в г. Ростов-на-Дону они были временно оставлены в Варшаве. В своем письме от 20 мая 1917 г. в адрес руководства Варшавского университета профессор А.Ф. Семенов пишет о том, что эти книги он пожертвовал именно «русскому университету» и просит их, а также экземпляры изданной им работы «Симонид Кеосский» перенаправить в Донской университет²⁷¹. Как любого ученого, его страшила перспектива в условиях Первой мировой войны навсегда лишиться столь дорогих ему изданий.

Наиболее тяжёлым для учёного (как, впрочем, и для большинства профессоров бывшего Варшавского университета) было последнее десятилетие его научной и педагогической деятельности. Вот что писал сам А.Ф. Семёнов об этом периоде в своей автобиографии: «Значительная большая часть времени его преподавания в Варшавском и Донском университетах протекала при крайне неблагоприятных обстоятельствах не только для занятий по его специальности, т.е. классической филологии, но и по другим наукам. То была эпоха жесткой войны и государственной разрухи. Особенно печальным был факт, что масса студенчества принуждена была прервать свои штудии, будучи призванными на военную службу. Аудитории пустовали. Тем не менее, ему (А.Ф. Семенову – С.К.) удалось воспитать одного молодого учёного, знание которого ныне были оценены за границей – это И.О. Панас, доцент Пражского университета»²⁷².

²⁷¹ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 44. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

²⁷² Панас Иван Онуфриевич (1890–1980) – уроженец местечка Рава Русская в Галиции. По окончании Варшавского университета был оставлен «для подготовки к профессорскому званию», защитил диссертацию, начал преподавать в Варшавском университете, но в связи с сокращением часов на преподавание древних языков был вынужден уехать сначала в Галицию, а затем и в

Пользуясь материалами, собранными ещё до начала войны, профессор А.Ф. Семёнов вчерне закончил несколько научных работ: 1) Эволюция греческого языка от Гомера до наших дней; 2) Университетская жизнь и древности; 3) Языкознание и цивилизация.

Война прервала также начатую работу в Парижской национальной библиотеке по сличению находящихся там рукописей гимнов Симеона Богослова. Этот памятник византийской литературы он намеревался издать, следуя совету покойного друга, известного византиниста Крумбахера из Мюнхена. Гимны Симеона, по его же собственным словам, являются важным первоисточником для изучения истории Византийской секты госихатов²⁷³.

Находясь в России, А.Ф. Семёнов внимательно следил за судьбой своих учителей в Германии. Одному из них, бывшему профессору Мюнхенского университета Эдуарду фон Вельфлину, умершему в 1908 году, он посвятил некролог в одном из отечественных периодических изданий. По словам автора, он, обучаясь несколько лет под его руководством, «счёл своим моральным долгом, посвятить краткую заметку памяти незабвенного учителя»²⁷⁴. Далее на нескольких страницах автор описывает жизненный путь учёного и его научные заслуги. Э. фон Вельфлин, будучи швейцарцем, родился 1 января 1831 г. в Базеле. Получив образование в гимназии, а затем в местном университете, он увлёкся классическим древностями, продолжив своё образование в Геттингене и Париже, куда ездил в 1854 году. В 1856 г. он получил место помощника университетского библиотекаря и учителя гимназии. Ранее, в 1854 г. он получил звание доктора классической филологии (степень магистра в немецких и швейцарских университетах давнее не существовала), а в 1856 г. в Базельском университете получил должность приват-доцента. Однако судьба совершила резкий поворот, и он был переведен на должность учителя гимназии г. Винтертура, где проучительствовал целых восемь лет. Но к 1869 г. своим научными трудами он приобрёл такую известность, что Цюрихский университет пригласил его занять кафедру классической филологии в должности экстраординарного профессора. В Цюрихе Э. фон Вельфлин проработал шесть лет, после чего покинул Швейцарию и переехал в Баварию, получив приглашение Эрлангенского

Чехию. Был директором Гимназии в Праге и доцентом Пражского университета. Похоронен на Ольшанском кладбище г. Праги.

²⁷³ ОР РГБ. Ф. 44. Оп. 14. Д. 1. Л. 191.

²⁷⁴ Семенов А.Ф. Эдуард фон Вельфлин // Гермес, 1909. С. 20.

университета. Спустя пять лет он занял кафедру в Мюнхенском университете и одновременно избран ординарным академиком королевской Баварской Академии наук. В Мюнхене он прожил с 1880 г. до конца своей жизни. В 1906 г., вследствие преклонного возраста он подал прошение об отставке, переселился в родной Базель, где и окончил свои дни. Для автора Э. фон Вельфлин являет собой образ упорства и преданности науке, потому что ему в течение пятнадцати лет пришлось тянуть лямку учителя средней школы. А.Ф. Семёнов высоко оценивает его как учителя, хотя тот, по его словам, не имел ораторских способностей. Его лекции собирали большое число слушателей и концу семестра, когда лекционные аудитории обычно пустовали, у него оставалось то же число слушателей, что и в начале семестра. Предметом его лекций была латинская филология, а любимым автором – Тацит. Его научные труды были посвящены истории языка и критике текста, но главным трудом его жизни было издание капитального словаря латинского языка – *Thesaurus Linguae Latinae* – «сокровищнице латинской речи»²⁷⁵.

Но ещё тяжелее пришлось А.Ф. Семёнову и его коллегам после установления на Дону Советской власти. Он, рождённый в Германии и приехавший в Россию добровольно, по зову сердца, не мог и подумать об эмиграции. Но если до середины 20-х годов новая власть как-то терпела учёных старой школы (свои кадры ещё не были подготовлены), то с конца 20-х годов начинается политика их постепенного вытеснения, для чего применялись самые различные средства. Во-первых, это изменение учебных программ, где фактически вообще не оставалось места древним языкам – древнегреческому и латыни. Они не были нужны новой власти. Но это были те дисциплины, которым А.Ф. Семёнов фактически посвятил свою жизнь. Во-вторых, практически вся профессура бывшего Варшавского университета была предпенсионного или просто пенсионного возраста – ничто не препятствовало вполне естественному на первый взгляд проведению их на «заслуженный отдых», что и практиковалось в ряде случаев. В-третьих, «социально чуждые элементы», к которым негласно относились учёные старой царской

²⁷⁵ Семенов А.Ф. Эдуард фон Вельфлин // Гермес, 1909. С. 23.

школы, подвергались разного рода проработкам, а порой и просто преследованиям со стороны органов ОГПУ-НКВД, с последующей высылкой или даже осуждением.

Единственным светлым пятном в этой обстановки безысходности и всяческого отсутствия каких-либо перспектив, стала зарубежная стажировка, которую А.Ф. Семёнова получил от Наркомпроса в столь родной и любимый для него г.Мюнхен. Целью этой командировки для А.Ф. Семенова было завершение двух больших монографий, работу над которыми ученый начал ещё до первой мировой войны: «История греческого языка от Гомера до наших дней» и «Эволюция античности». В условиях практически полного отсутствия необходимой литературы в г. Ростове-на-Дону завершение этих работ стало практически невозможным. К тому же, если в рассматриваемый период на Западе регулярно издавались журналы по классической филологии и истории, то в России издание подобных журналов полностью прекратилось. А.Ф. Семенову предстояло проштудировать иностранные издания по его теме, вышедшие за прошедший десяток лет.

Сохранился подробный отчет о научной стажировке ученого, который был опубликован. Мюнхен был избран А.Ф. Семеновым ещё и потому, что ему были очень хорошо известны местные научные библиотеки и содержащиеся в них фонды. Здесь располагалась Государственная библиотека (Staatsbibliothek), которая была основана ещё в XVI в. баварским герцогом Альбрехтом. С того времени она регулярно пополнялась за счет казны и к началу XX в. насчитывала около полутора миллиона томов и около 50 000 рукописей на разных языках, в том числе восточные рукописи на арабском, персидском, турецком и китайских языках.

Весьма интересна и поучительна система работы Мюнхенской научной библиотеки, которая в общих чертах описана А.Ф. Семёновым. «Чтобы получить книгу, на особом печатном бланке (они продаются при входе в читальную залу – 10 штук за 5 пфенингов) отмечают автора, название книги, место и время издания, а также свое звание и фамилию. Кроме того, отмечают, желают ли получить книгу для чтения в читальном зале, или же желают взять её на дом. Бланки затем бросают в особый ящик. Книги, заказанные до полудня, получают или в зале, или в *Ausleihzimmer* (т.е. бюро для выдачи книг на дом) в тот же день. Чтобы брать книги на дом, должно внести залог в размере 50 марок – 25 рублей.

Для новых журналов существует особая большой зал, стены которой сверху до низу установлены выдвижными ящиками с только что полученными журналами. Наконец, есть ещё зал, где можно заказывать и читать рукописи»²⁷⁶. Однако сам А.Ф. Семёнов предпочитал заниматься в т.н. «семинариях» при Мюнхенском университете – классической и византийской. «Надо заметить, что семинарии при Мюнхенском университете обставлены истинно роскошно. Каждая занимает по две или три большие залы, стены которых с верху до низу уставлены книгами. Специальные библиотеки хорошо пополняются, имея значительный бюджет. Имеются между прочим семинарии индогерманская, семитская, восточная и славянская... В основу семинарии византийской легла целиком большая специальная библиотека ...Kumbacher`a, создавшего кафедру византийской филологии и культуры при Мюнхенском университете. Заниматься в семинариях удобно, потому что дозволяется самому разыскивать (существуют карточные каталоги) и брать с полок нужные книги, чем достигается экономия во времени», – пишет А.Ф. Семёнов²⁷⁷. Чтобы получить право заниматься в семинариях, ему пришлось обращаться к двум их директорам – профессорам Реми и Гейзенбергу. Оба профессора очень любезно встретили своего российского коллегу, разрешили ему заниматься в своих семинариях и даже вручили от них ключи, что бы он мог ходить туда в любое удобное для него время.

Интересны зарисовки А.Ф. Семенова относительно немецкого студенчества и его жизни. Сам университет состоял из богословского, юридического, политико-экономического, медицинского, ветеринарного и двух отделений философского факультета: физико-математического и филологического. Управлял университетом Сенат, под председательством ежегодно избираемого ректора и избираемых от факультетов ординарных профессоров. А.Ф. Семёнов с удивлением отмечает появление различных политических обществ – от монархических до коммунистических (при этом автор отмечает, что во время его учебы существовали только корпорации землячеств и научные кружки). Но ещё больше его удивление вызывало количество обучающихся женщин, которых в годы его учебы не было вообще, а к 1925 г. возросло до 1900 человек. Студентов различных факультетов можно было

²⁷⁶ Семёнов А.Ф. Поездка в Мюнхен // Известия Северо-Кавказского государственного университета. 1928, № 3 (16). С. 166.

²⁷⁷ Там же.

отличить по специальной форме. Так, студенты-богословы носили черные подрясники. Свой досуг профессора зачастую проводили вместе со студентами. Так 50-летие Историко-филологического Общества было отмечено торжественным собранием, после которого профессора с их женами и студенты совершили прогулку в местечко Грюнвальд в долине Изара, где молодежь даже устроила танцы. Без сомнения, подобные совместные праздники способствовали сплочению профессорско-преподавательского и студенческого коллективов.

За время своей стажировки А.Ф. Семёнов выступил с двумя рефератами «Об истории греческой колонии в устье Дона» и «Об античном студенчестве», которые затем были опубликованы – первый в *Petermanns Geograph. Mitteilungen*, второй – в мюнхенском журнале *Der Sammler*. Также к началу лета А.Ф. Семенов в общих чертах завершил обе планируемые им работы и задумал их издать на немецком языке. Черновые варианты работ он представил упомянутым немецким профессорам Реми и Гейзенбергу, которые дали на них хвалебные отзывы и рекомендации их к изданию. Однако, к сожалению, по ряду объективных причин (дороговизна печатных работ, сокращение сбыта немецких книг за границу) их издать не удалось²⁷⁸.

Интенсивную научную работу А.Ф. Семенов успешно сочетал с культурной программой. Это и неудивительно, ибо сам Анатолий Федорович в свое время окончил Мюнхенскую консерваторию. К тому же Мюнхен имел славу города искусств (*Kunststadt*). Бывшая королевская музыкальная школа была превращена в высшее учебное заведение – *Akademie der Tonskunst*, в которой изучение теории музыки было поставлено на научную основу. Несмотря на то, что резко возросли цены на билеты, оперное искусство продолжало оставаться на самом высоком уровне. На том же высоком уровне в Баварии оставалось и изобразительное искусство. А.Ф. Семенов с удовольствием посетил ежегодно устраиваемую Международную выставку картин в Хрустальном дворце. Кроме старых, уже известных ранее достопримечательностей прибавилась новая: открытый в 1924 г. «Германский музей» (*Deutsches Museum*). Здесь посетитель мог наглядно изучать достижения человеческой инженерно-технической мысли (история велосипедов, локомотивов, летательных аппаратов и т.д.). Ради удобства ознакомления гостей с

²⁷⁸ Семенов А.Ф. Поездка в Мюнхен // Известия Северо-Кавказского государственного университета. 1928, № 3 (16). С. 167.

достопримечательностями Мюнхена по городу ездили специальные автобусы с гидами, рассказывающие посетителям города о его достопримечательностях.

Столь же интересны наблюдения А.Ф. Семенова о внутренней политической жизни в Германии в целом и в Баварии в частности. Анализ ситуации в Германии, по признанию самого Анатолия Федоровича, был сделан им на основе изучения полудюжины различных газет, выходящих в стране. Учитывая внутреннюю ситуацию в СССР и его внешнеполитическое положение, выскажем смелое, но вполне возможное предположение: органы Советской разведки, учитывая первые шаги по сближению Германии и СССР и выпуская ученого из страны, дали ему необходимые инструкции по изучению внутривосточной ситуации в Германии с последующим изложением его соображений на предмет возможного дальнейшего сближения Германии и СССР. При этом учитывалось его отличное знание страны в целом. Вероятно, именно этим и можно объяснить то, что в период репрессий против активных членов Общества истории и древностей профессор А.Ф. Семенов по этому делу не был привлечен. Даже краткие и лаконичные сведения ученого, вошедшие в официальный отчет, предназначенный для широкой ученой публики, ясно повествуют об активном Австро-Германском сближении, о горячем желании немцев к выводу иностранных войск из Рейнской области, о смене анти-французских настроений на анти-итальянские в германском обществе, связанные с антигерманской политикой итальянцев в Южном Тироле и т.д. Даже находясь 4 дня в Праге, он успел заметить процесс «чехизации» Праги и одновременное сохранение здесь прогерманских настроений. Все эти наблюдения, сделанные опытным ученым, должны были быть по достоинству оценены Советской властью.

И ещё на одно немаловажное обстоятельство нельзя не обратить внимание: в июне 1926 г., находясь в Мюнхене, А.Ф. Семёнов серьёзно заболел. Несмотря на то, что он имел право оставаться здесь ещё до середины октября, он срочно поспешил домой.

В душе он не мог не понимать, что это посещение любимой им Баварии может оказаться последним. На Родине, в Советской России, его ждали самые туманные и весьма сомнительные перспективы. Реши он остаться в Германии, он, без сомнения, учитывая его авторитет в ученом мире и отлич-

ное знание немецкого языка, не остался бы без работы и получил бы возможность для своих дальнейших научных изысканий. Но у него не было и мысли остаться здесь навсегда. Тогда же, возвращаясь в Россию, он вернулся в Прагу, чтобы в последний раз встретиться со своим любимым учеником, доцентом Пражского университета, И.О. Панасом²⁷⁹. Некоторые эпизоды его возвращения из Праги в Россию, весьма любопытны. Так мы не без удивления узнаем, что в вагоне поезда, который шел в Россию, А.Ф. Семенов ехал совсем один. К тому же из-за ошибки в паспорте, где в качестве даты возвращения в Россию вместо 1926 был поставлен 1925 г. его не хотели впускать в Россию, приведя ученого в состояние ужаса, но к счастью все успешно разрешилось...

Но что ждало его в Советской России?

В период со второй половины 1920-х годов власти всячески поощряют развитие краеведения, отпуская средства на различные исследования в этой области и даже оплачивая отдельные лекции на эти темы. От наступившей безысходности ряд профессоров и доцентов бывшего Варшавского университета, в том числе и А.Ф. Семёнов, пытались найти себя в краеведении, войдя в различные научные общества и активно участвуя в их работе. Но нельзя исключить, что это был своего рода выход их неугасаемого интереса к науке. К тому же ничего другого эти люди делать просто не могли.

После ликвидации Донского археологического института было основано Донское общество археологии и истории Искусств (ДОАИИ), в состав которого вошли и ведущие учёные историки бывшего Варшавского университета. В состав общества вошёл и А.Ф. Семёнов. В опубликованной программе заседаний общества на 6 мая 1923 г. был запланирован его доклад «Археологические новости в западной литературе»²⁸⁰, который, по всей вероятности, и был заслушан.

После того, как ДОАИИ было реорганизовано в 1925 г. в «Северо-Кавказское общество археологии, истории и этнографии», на его заседании было принято решение о создании постоянной Танаидской комиссии, целью

²⁷⁹ Семенов А.Ф. Поездка в Мюнхен // Известия Северо-Кавказского государственного университета. 1928, № 3 (16). С. 169.

²⁸⁰ Бойко А.Л. Танаидская комиссия СКОАИЭ: предпосылки образования и деятельность // IX Донские археологические чтения 26 декабря 2006 г. Тексты докладов и материалы дискуссии. Ростов-на-Дону, 2007, С. 23–24.

которой было разработана вопросы связанных с изучением Танаиса. Председателем комиссии был избран профессор СКГУ И.П. Козловский, а его заместителем – профессор А.Ф. Семёнов. Судя по всему, научная деятельность общества была весьма насыщенной. На её заседаниях прослушивались довольно интересные доклады по археологии, краеведению, эпиграфике и нумизматике 13 мая 1927 г. с докладом «Эпиграфические мелочи из Недвиговского городища» выступил и А.Ф. Семёнов. Вполне понятно, что с таким уровнем знания древних языков, каким он обладал (да, ещё, естественно и П.Н. Черняев), он мог взяться за изучение местной эпиграфики.

Однако власти уже взяли курс на вытеснение учёных старой школы не только из высших учебных заведений, но и из различных краеведческих организаций. С 11 по 14 июля 1930 г. в Ростове-на-Дону прошла 1-я Северо-Кавказская конференция по краеведению, на которой делегаты в соответствии с духом времени уделили большое внимание борьбе со «старыми краеведами», которые, как говорилось, «мешали установлению диктатуры пролетариата в краеведении». Тон здесь задавали выпускники Института Красной профессуры, настойчиво обвинявшие общество в «отрыве от современности», «замкнутости», «буржуазном индивидуализме». Этот курс был одобрен руководством края. В Бюро произошли существенные кадровые изменения. Одновременно начались чистки и проработки среди преподавателей СКГУ. В числе подвергшихся проработке, а также отстранённых от работы оказался и профессор А.Ф. Семёнов²⁸¹. Но, по-видимому, он был отстранён от работы в СКГУ несколько раньше. Так, в фондах ГАРО сохранилось извещение ГПФ от 29 февраля 1928 г. с информацией об отчислении профессора Педфака А.Ф. Семёнова в виду перехода его на пенсию²⁸². А уже в октябре того же года последовало его увольнение и с Медицинского факультета. В сохранившемся протоколе заседания деканата Медицинского факультета от 8 октября 1928 г. говорилось: «Ввиду имеющихся заявлений о целесообразности иметь лектора по латинскому языку врача, деканат Медфака считает необходимым освободить профессора Семёнова с 15/X - 28 г. от занимаемой должности лектора латинского языка и одновременно с этим

²⁸¹ Лунин Б.В. Археология на Нижнем Дону в системе исторического краеведения 1920-х годов // Очерки истории русской и советской археологии. М. 1991. С. 159.

²⁸² ГАРО. Ф. Р.-46. Оп. 3. Д. 687. Л. 93.

считать возможным организовать преподавание латинского языка при кафедре фармакологии силами научных работников». Под протоколом заседания стоят факультета подписи декана Медфака СКГУ профессор Соловьёв и секретаря факультета доктор Мишнаевский²⁸³. Согласно приказа № 190 от 26 октября 1928 г. профессор Семёнов А.Ф. был освобожден от занимаемой должности лектора латинского языка с 15 октября 1928 г.²⁸⁴

Внезапно оказавшись в тяжелом финансовом положении, Анатолий Федорович пишет заявление на имя ректора СКГУ, в котором 22 сентября 1928 г., в котором униженно просит «...не отказать разрешить выдать мне следующее за вторую половину сентября жалованье как лектору латинского языка на Медфаке Университета теперь же»²⁸⁵.

Какова дальнейшая судьба А.Ф. Семёнова? Известно, что А.Ф. Семёнов на заседании Русско-византийской историко-словарной комиссии в г. Санкт-Петербурге он был избран одним из её членов²⁸⁶.

К сожалению, пока найти каких-либо сведений о его дальнейшей жизни после 1931 года не удалось. Репрессии, которые обрушились на членов «Северо-Кавказского общества археологии истории и этнографии», к счастью его миновали, да и на допросах арестованных краеведов и историков старой школы его имя вообще не звучало.

Остался ли он доживать свой век в Ростов-на-Дону или выехал куда-либо, также неизвестно. По последнем данным, он со своей женой, дальней родственницей и её сыном проживали в г. Ростове-на-Дону по адресу: 20 линия, № 10, занимая две комнаты на втором этаже (сам он был бездетным). Во всяком случае, в Областном архиве ЗАГСА среди умерших в 1930-е годы его имя обнаружить не удалось. Следовательно, пока неизвестной остаётся и дата его смерти.

К сожалению, имя профессора Анатолия Федоровича Семенова оказалось надолго забытым не только в нашей стране, но и в ставшем ему родным Ростовском, а ныне – Южном Федеральном университете.

В его жизни, как в зеркале, отразилось судьба не только профессуры бывшего Варшавского университета, но и всей старой интеллигенции, попавшей в жернова новой власти.

²⁸³ ГАРО. Ф. Р.-46. Оп. 3. Д. 687. Л.14.

²⁸⁴ Там же. Л. 12.

²⁸⁵ Там же. Л. 13.

²⁸⁶ Архив Российской Академии Наук (г. Санкт-Петербург). Ф. 126. Оп. 3. Д. 1. Л. 15.

Родившись вдалеке от Родины – в Германии и получив там основательное образование, он, тем не менее, прибыл в Россию, с которой связал, надо думать, всю свою оставшуюся жизнь.

Судя по всему, это был человек высочайшей культуры – за его плечами была Мюнхенская государственная консерватория, которую он успешно окончил и получил квалификацию учителя музыки.

На его труды по античной литературе впоследствии ссылались выдающиеся авторитеты советской науки как С.И. Радциг и А.Ф. Лосев. При этом автор даёт блестящие образцы источниковедческого анализа античных текстов. Все его труды опираются на серьёзный объём зарубежной, преимущественно, немецкой исследовательской литературы.

За свою полезную деятельность на почве образования и науки он был награжден: орденами св. Станислава 2-й ст., (1909), св. Анны 3-й степени, св. Станислава 3-й ст. (1901), а также серебряной медалью на Александровской ленте в память царствования Александра III (1897). Мысли, высказанные А.Ф. Семёновым о роли образования в жизни общества, поражают своей актуальностью и прозорливостью. Но с сожалением можно констатировать, что проблемы, на которые он указал в начале XX века, остаются нерешенными и ныне, в начале XXI века.

Но такие люди уже не были нужны новой власти. Как и не были ей нужны древнегреческий язык, латынь, античная литература. Результатом этого и стало его увольнение из Университета. Но будучи творческой натурой Анатолий Фёдорович пытался найти себя на ниве развивающегося тогда краеведения. Однако и в этом качестве он также оказался не нужным новой власти. И как итог, автор разделил судьбу научной интеллигенции 1920-х годов.

К сожалению, нам пока остаются неизвестными ни дата, ни место смерти А.Ф. Семёнова. Поэтому ставить окончательную точку мы считаем преждевременным.

СПИСОК ТРУДОВ А.Ф. СЕМЁНОВА

1. Semenov A. *Antiquitates iuris publici Cretensium*. Iurjevi. 1894.
2. Семёнов А.Ф. Несколько слов о древне-критских клятвенных формулах // Записки Императорского Русского Археологического Общества. Т. VII. СПб., 1895.
3. Семёнов А.Ф. Введение к чтению Феокрита. Киев, 1896.
4. Семёнов А.Ф. Устройство классических гимназий в Баварии // Педагогический еженедельник, 1896, № 6–7. С. 62–66; 1896, № 8. С. 77–83.
5. Семёнов А.Ф. Государство в произведениях классиков // Гимназия. 1897. С. 1–13.
6. Семёнов А.Ф. Житие преподобного Симеона Дивногорца. Киев, 1898.
7. Семёнов А.Ф. К Геродоту // Гимназия, 1899.
8. Семёнов А.Ф. Древнегреческая эпиграмма. Киев, 1900.
9. Семёнов А.Ф. К Энеиде Вергилия // Филологическое обозрение. 1901. С. 135–136.
10. Семёнов А.Ф. К Горацию // Филологическое обозрение. 1901. С. 186–189.
11. Семёнов А.Ф. Сличение рукописей, содержащих гимны Симеона Богослова. Киев, 1902.
12. Семёнов А.Ф. Симонид Кеосский. Его жизнь и поэзия. Киев, 1903.
13. Семёнов А.Ф. О малоуспешности учеников наших гимназий. Киев, 1904.
14. Семёнов А.Ф. Солон во всеоружии // Гермес, 1908. С. 23–25.
15. Семёнов А.Ф. Эдуард фон Вёльфлин // Гермес, 1909. С. 20–23.
16. Семёнов А.Ф. Сисахтия // Гермес, 1909. С. 337–340.
17. Semenov A. Zur dorischen Knabenliebe // *Philologus*. 70. 1911. S. 146–150.
18. Семёнов А.Ф. Греческий лирик Симонид Кеосский и сохранившиеся отрывки его поэзии. Нежин, 1912.
19. Семёнов А.Ф. Гиперид и Фрина // Сб. Историко-филологического общества при Институте князя Безбородко в Нежине. Т.8. Нежин, 1912–1913. С. 1–15.

20. Семёнов А.Ф. О преподавании греческого языка в современных гимназиях. Варшава, 1914.

21. Семёнов А.Ф. Обучение и школьная жизнь в Древней Греции. Варшава, 1915.

22. Семёнов А.Ф. Очерк истории греческой лирики классического периода. Ростов-на-Дону, 1916.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Итак, нами рассмотрена жизнь и деятельность трех представителей варшавской профессуры.

Разные люди, разные судьбы....

Кто-то из них не дожил, как С.И. Вехов, до большевистского лихолетья, до основания разрушившего систему классического образования в России. Ту самую, которой они верно служили всю свою жизнь; кто-то, как А.М. Придик, предчувствуя надвигающуюся беду, успел вовремя покинуть «коммунистический рай» и уйти из жизни уважаемым профессором в родном городе; а кто-то, как А.Ф. Семенов, оставшись в Ростове-на-Дону, до конца испили горькую чашу позора и унижений: лишённые любимой работы, они пережили гонения, «проработки», нищенскую старость, и что самое страшное – полное забвение на старости лет.

Мы умышленно отказываемся от какого-либо развернутого заключения, не навязывая своей точки зрения и оставив делать выводы самому читателю. Как говорили древние римляне, *sapienti sat*.

Горько и обидно, что не сохранилось их могил, куда бы их родные и близкие, коллеги или простые люди могли возложить цветы. Остается только ПАМЯТЬ, которую мы попытались воскресить, издав эту книгу.

Научное издание

КАЗАРОВ Саркис Суренович

**ПРЕДШЕСТВЕННИКИ.
АНТИКОВЕДЫ ВАРШАВСКОГО (ДОНСКОГО)
УНИВЕРСИТЕТА
(1915–1931)**

Монография

Подписано в печать 14.02.2020 г.
Бумага офсетная. Формат 60×84 ¹/₁₆. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. лист. 8,37. Уч.-изд. л. 7,23.
Тираж 300 экз. Заказ № 7525.

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ.
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, тел (863) 243-41-66.